

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2024 – 3

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук (НИУ ВШЭ); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *Я.В. Евсеева* – (Университет Витовта Великого); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ, ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Титаренко Л.Г.* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ); *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2024 – 3

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *L.D. Gudkov* – Doctor of Philosophical Sciences (HSE University); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN, HSE University); *Ya.V. Evseeva* – (Vytautas Magnus University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia, INION RAN, HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University, INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University, FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University); *E.V. Yakimova* – Candidate of Philosophical Sciences (INION RAN)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.00

ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Пряжникова О.Н. Социология миграции: основные направления исследований: <i>введение к тематическому разделу</i>	9
Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г. Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе (на материалах социологических исследований в Красноярском крае)	19
Чувычкина И.А. Рецензия на кн.: Book review: Barnard C., Costello F., Butlin S.F. Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town [Барнард К., Костелло Ф., Батлин С.Ф. Низкооплачиваемые трудовые мигранты из ЕС: дом, улица, город]	47
Немировский В.Г. Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы	60
Бредгауер С.П., Потапова Ю.В. Взаимосвязь миграционных намерений и патриотического поведения омских студентов ..	90
Грабевник М.В. Международная миграция и субнациональный регионализм: объяснительные модели	108

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Нагоричная М.Р. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 3)	129
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- Ядова М.А. Рецензия на кн.: Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko [Молодежь в путинской России / под ред. Е. Омельченко] 150
- Реф. ст.: Пустулка П., Сарновска Ю., Булер М. Ресурсы и темпы покидания родительского дома молодежью в Польше 156

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Раренко А.А. Рецензия на кн.: Дегтярева О.И. Управление рисками: учебное пособие 161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Николаенко М.А., Арсеничева М.А. Итоги Всероссийской научной конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы» (Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 23–24 мая 2024 г.) 170
- Новые реалии современного российского общества (Обзор по итогам XVII Ковалевских чтений) / Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р., Хазов А.Ю. 182

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

- Ройс Дж. Внешний мир и социальное сознание (Пер. с англ. В.Г. Николаева) 196

CONTENTS

ISSUE THEME: THE PHENOMENON OF MIGRATION IN A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Pryazhnikova O.N. Sociology of migration: main areas of research: <i>introduction to the thematic section</i>	9
Trufanov D.O., Vasil'eva O.V., Rafikov R.G. Factors of the adap- tation of foreign labor migrants in a Russian region (based on sociological research in the Krasnoyarsk region)	19
Chuychikina I.A. Book review: Barnard C., Costello F., But- lin S.F. Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town	47
Nemirovsky V.G. Ethnic diasporas in modern Russia as a product and source of cultural trauma	60
Bredgauer S.P., Potapova J.V. The relationship between migration attitudes and patriotic behavior of Omsk students	90
Grabevnik M.V. International migration and sub-national regional- ism: explanatory models	108

EXISTENTIAL HUMAN SCIENCE

Davydenko V.A., Andrianova E.V., Nagorichnaya M.R. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 3)	129
--	-----

SOCIOLOGY OF YOUTH

Yadova M.A. Book review: Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko.....	150
---	-----

Article summary: Pustulka P., Sarnowska Ju., Buler M. Resources and pace of leaving home among young adults in Poland	156
---	-----

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Rarenko A.A. Book review: Degtyareva O.I. Risk management: study guide	161
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Nikolaenko M.A., Arsenicheva M.A. The results of the All-Russian scientific conference “Transforming the urban environment: new trends and old problems” (Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, May 23–24, 2024)	170
New realities of modern Russian society (Review of the XVII Kovalovsky Readings) / Kozin S.V., Zhidyayeva T.P., Zakieva R.R., Khazov A.Yu.	182

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

Royce J. The external world and the social consciousness. (Translated from English by V.G. Nikolaev)	196
--	-----

ТЕМА НОМЕРА: ФЕНОМЕН МИГРАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

УДК 316.44

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.01

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Рассматриваются основные направления социологических исследований в сфере миграций. Отмечаются современные тенденции и подходы к изучению социальных отношений, связанных с миграционными процессами.

Ключевые слова: миграция; социология миграции; мобильность; ассимиляция; миграционный цикл.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Социология миграции: основные направления исследований: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 9–18. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.01

Статья поступила: 15.10.2024.

Принята к публикации: 25.10.2024.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Sociology of migration: main areas of research: introduction to the thematic section

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of sociology and social psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Abstract. The main directions of sociological research in the field of migration are reviewed. Current trends and approaches to the study of social relations interconnected with migration processes are considered.

Keywords: migration; sociology of migration; mobility; assimilation; migration cycle.

For citation: Pryazhnikova O.N. Sociology of migration: main areas of research: introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 9–18. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.01

Received: 15.10.2024.

Accepted: 25.10.2024.

Миграция людей между регионами внутри одной страны (внутренняя миграция) и между странами (международная, или внешняя миграция) является одним из значимых факторов, определяющих изменения в обществе. Социологов редко интересует как таковое пересечение физических границ, предметом их исследований являются «объективные и субъективные аспекты социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума» [Юдина, 2014]. Они исследуют миграционные процессы в связи с такими явлениями, как неравенство на глобальном и местном уровнях, определяющее структуру миграций; социальные взаимодействия и социальное конструирование границ принадлежности и идентичности; формирование факторов мобильности; взаимосвязь кризисных ситуаций с различными формами социальной мобильности; разнообразные социальные практики, связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов в принимающих обществах, в том числе в рамках ставших в последнее время актуальными тем гендерного измерения миграции [Christou, Kofman, 2022] и безопасной миграции [Molland, 2022].

Одним из первых, кто попытался определить «миграционные законы», которые отражают логику мобильности людей, был Э. Равенштайн [Ravenstein, 1885]. Современные социологи продолжают изучать проблематику мобильности на основе неоклассических моделей, объясняющих реалии миграций, в частности

сквозь призму теории рационального выбора и человеческой агентности [Bozjas, 1989], действия силы «притяжения» и «выталкивания» [Lee, 1966 ; Malmberg, 1997], роли семьи и неформальных сетей в содействии миграции [Stark, 1991 ; Arango, 2000 ; Carling, 2002].

Работы классиков Чикагской школы У. Томаса и Ф. Знанецкого [Thomas, Znaniecki, 1996 (1918)], Р. Парка, Э. Бёрджесса, Р. Маккензи [Park, Burgess, McKenzie, 2019 (1925)] и других заложили основу для разработки так называемых теорий ассимиляции мигрантов [Alba, Nee, 2003], выделения этапов, через которые проходят мигранты в ходе ассимиляции (цикл расовых отношений) [Park, 1950 (1913)] до достижения идентификации с принимающим обществом [Gordon, 1964].

Еще одно традиционно сложившееся направление концептуализации миграции, вдохновленное прежде всего марксизмом, фокусируется на историко-структурных факторах, обуславливающих миграционные процессы. Сторонники этого подхода особое внимание уделяют трудовой миграции в современном мире, указывая на то, что она является прежде всего источником дешевой рабочей силы с минимальным или вовсе отсутствующим доступом к социальной защите [Castles, Kosack, 1973 ; Piore, 1979].

Среди современных мировых тенденций в исследовании миграции выделяют ряд подходов, получивших распространение в последние десятилетия [Amelina, Horvath, 2017]. Рассмотрим их подробнее.

I. Миграцию и мобильность все чаще изучают через рутинные повседневные социальные практики. В рамках этого подхода ученые рассматривают конкретные повседневные практики мобильных (и немобильных) индивидов, их изменчивость и исторически обусловленные характеристики.

II. При исследовании транснациональных связей (политических, экономических и символических) миграция рассматривается как процесс, который по своей сути связывает страны / регионы, являющиеся источником миграции, и страны / регионы, принимающие мигрантов. Данное направление дало импульс развитию: 1) концепции транснациональных пространств [Faist, 2000], оперирующей понятиями краткосрочных трансграничных конфигураций (short-term cross-border configurations) (транснациональные массо-

вые процессы и транснациональные родственные группы (kinship groups)) и долгосрочных трансграничных конфигураций (long-term cross-border configurations) (транснациональные сети и транснациональные сообщества и организации); и 2) концепции транснационального поля [Levitt, Glick Schiller, 2004], основанной на теории социального поля П. Бурдьё, которая применяется для анализа стабильных и прочных социальных конфигураций.

III. Изучение гендерных аспектов миграции развивается по таким направлениям, как: 1) анализ женской миграции из стран глобального Юга в страны Севера в контексте международного гендерного разделения труда, в частности в сфере ухода; 2) исследование практик оказания услуг по уходу мобильными и немобильными (с точки зрения участия в миграции) родственниками внутри семей как элемента транснациональной мобильности трудовых ресурсов, имеющего определенное гендерное измерение [Transnational families ... , 2013]; 3) исследование транснациональных семей, транснационального материнства и фемининности и маскулинности мигрантов, которые трансформируются в процессе миграции и по ее результатам [Hearn, 2015].

IV. В рамках изучения жизни мигрантов после переселения в новую страну выделяют два направления, задающих новый вектор развития исследований. Во-первых, отказ от эссенциализации этничности (т.е. ее видения как набора глубоко укоренившихся и неизменных свойств или сущности) и видение этничности и обусловленных ею границ как социального процесса, являющегося результатом социальных взаимодействий [Wimmer, 2008]. Во-вторых, развитие новых теорий ассимиляции, стремящихся преодолеть классическую концептуализацию ассимиляции как процесса с определенными этапами, формирующими единую для всех траекторию [Alba, Foner, 2015].

В отечественной науке среди наиболее значимых тем исследований миграции можно выделить: механизмы принятия решений о переезде, особенности миграции из сельской местности в города [Зайончковская, Переведенцев, 1964 ; Миграция сельского ... , 1970], миграционное поведение, формирование и развитие теории трех стадий миграционного процесса [Заславская, Рыбаковский, 1978 ; Рыбаковский, 2018]; проблемы миграционной подвижности населения [Хорев, Чапек 1978 ; Рыбаковский, Маев-

ский, Кожевникова, 2019]; причины миграции, роль территориальных различий в уровне жизни в миграционных процессах [Зайончковская, 1991]. В последние десятилетия исследователи все чаще стали обращаться к проблематике внутренней и внешней трудовой миграции в контексте ее влияния на социально-экономическую среду, демографическую ситуацию, миграционную политику [Перспективы миграции ... , 2004 ; Мукомель, 2024 ; Осадчая, Леденева, Юдина, 2024].

Очевидно, что исследования миграции охватывают весьма обширную междисциплинарную область, объединяющую различные теоретические традиции. Все чаще можно говорить о том, что исчезает разрыв между традиционными социологическими, культурологическими и социально-антропологическими исследованиями, которые рассматривают социальные практики, связанные с миграцией, и, например, исследованиями политологов или специалистов в сфере коммуникаций, которые изучают формы, модели и политическое регулирование миграции, миграционные режимы, управление миграцией, ее социально-политические последствия. Разнообразие тем данной сферы исследований нашло отражение и в тематическом разделе представляемого номера журнала.

В статье Д.О. Труфанова, О.В. Васильевой и Р.Г. Рафикова анализируются факторы, позитивно и негативно влияющие на адаптацию трудовых мигрантов из Средней Азии в Красноярском крае. Основываясь на материалах социологических исследований, авторы описывают роль неформальных социальных институтов, национально-культурных объединений и религиозных практик в жизни иностранных мигрантов в принимающем регионе. Тема трудовых мигрантов получила свое развитие и в рецензии И.А. Чувычкиной на книгу британских исследователей из Кембриджского университета К. Барнард, Ф. Костелло и С.Ф. Батлин «Низкооплачиваемые трудовые мигранты из ЕС: дом, улица, город», которая посвящена описанию опыта трудящихся-мигрантов из ЕС, проживающих в небольшом английском городе Грейт-Ярмут. Особое внимание уделяется деятельности местной некоммерческой организации, помогающей мигрантам в преодолении разнообразных трудностей, с которыми они сталкиваются на новом месте жительства и работы.

Исследование своеобразия этнических диаспор, включающих мигрантов из бывших республик СССР, через призму концепции общества культурной травмы представлено в статье В.Г. Немировского. Выявляется формирование у членов диаспор «бинарной культурной травмы» международного мигранта, а также отмечается наличие возможной корреляции уровня травматизации и степени интеграции мигрантов в принимающее общество.

Проблематика внутрироссийской миграции затрагивается в статье С.П. Бредгауера и Ю.В. Потаповой, которые исследуют взаимосвязь между миграционными намерениями омских студентов и различными типами характерного для них патриотического поведения.

Завершает тематический раздел статья М.В. Грабевника, в которой анализируются взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма. В процессе исследования опыта зарубежных стран автор с помощью объяснительных моделей охарактеризовал закономерности влияния иммиграции и миграционных стратегий на структурные особенности и динамику политического конструирования регионов.

Вошедшие в раздел материалы освещают ряд актуальных проблем современного общества и могут быть интересны как исследователям, представляющим разнообразные направления общественных наук, так и широкому кругу специалистов, участвующих в формировании миграционной политики на разных социальных уровнях.

Список литературы

Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. – Москва: Наука, 1991. – 132 с.

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. – Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1964. – 104 с.

Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. – 1978. – № 1. – С. 56–66.

Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. – Москва: Мысль, 1970. – 348 с.

**Социология миграции: основные направления исследований:
введение к тематическому разделу**

Мукомель В.И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2 (63). – С. 233–240.

Осадчая Г.И., Леденева В.Ю., Юдина Т.Н. Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // Вопросы управления. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 69–80.

Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу / Мкртчян Н.В., Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А., Тишков В.А., Трейвиш А.И. – Москва: Институт экономики переходного периода, 2004. – 101 с.

Рыбаковский Л.Л., Маевский Д.П., Кожеевникова Н.И. Миграционная подвижность населения и ее измерение // Народонаселение. – 2019. – Т. 22, № 2. – С. 4–14.

Рыбаковский Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2. – С. 86–94.

Хорев Б.С., Чанек В.Н. Проблемы изучения миграции населения: статистико-географические очерки. – Москва: Мысль, 1978. – 255 с.

Юдина Т.Н. Социология миграции: основные вехи становления и развития // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2, № 4. – С. 227–247.

Alba R., Foner N. Strangers no more: immigration and the challenges of integration in North America and Western Europe. – Princeton (NJ): Princeton university press, 2015. – 336 p.

Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration. – Cambridge (MA): Harvard university press, 2003. – 359 p.

Amelina A., Horvath K. Sociology of migration // The Cambridge handbook of sociology: core areas in sociology and the development of the discipline / ed. by K.O. Korgen. – Cambridge: Cambridge university press, 2017. – Vol. 1. – P. 455–464.

Arango J. Explaining migration: a critical view // International social science journal. – 2000. – Vol. 52, N 162. – P. 283–296.

Transnational families, migration and the circulation of care: understanding mobility and absence in family life / ed. by L. Baldassar, L. Merla. – New York: Routledge, 2013. – 320 p.

Borjas G.T. Economic theory and international migration // International migration review. – 1989. – Vol. 23, N 3. – P. 457–485.

Carling J. Migration in the age of involuntary immobility: theoretical reflections and Cape Verdean experiences // Journal of ethnic and migration studies. – 2002. – Vol. 28, N 1. – P. 5–42.

Castles S., Kosack G. Immigrant workers and class structure in Western Europe. – Oxford: Oxford university press, 1973. – 514 p.

Christou A., Kofman E. Gender and migration: IMISCOE short reader. – Cham: Springer, 2022. – 123 p.

Faist T. The volume and dynamics of international migration and transnational social spaces. – Oxford: Oxford university press, 2000. – 380 p.

Gordon M.M. Assimilation in American life: the role of race, religion and national origins. – New York: Oxford university press, 1964. – 276 p.

Hearn J. Men of the world: genders, globalizations, transnational times. – London: SAGE, 2015. – 280 p.

Lee E.S. A theory of migration // *Demography*. – 1966. – Vol. 3, N 1. – P. 47–57.

Levitt P., Glick Schiller N. Conceptualizing simultaneity: a transnational social field perspective on society // *International migration review*. – 2004. – Vol. 38, N 3. – P. 1002–1039.

Malmberg G. Time and space in international migration // *International migration, immobility and development: multidisciplinary perspectives* / ed. by T. Hammar, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. – Oxford: Berg, 1997. – P. 21–48.

Molland S. Safe migration and the politics of brokered safety in Southeast Asia. – New York: Routledge, 2022. – 219 p.

Park R., Burgess E., McKenzie R. The city: suggestions for investigation of human behavior in the urban environment. – Chicago (IL): The university of Chicago press, 2019 (1925). – 256 p.

Park R. Race and culture. – Glencoe: Free press, 1950 (1913). – 403 p.

Piore M.J. Birds of passage: migrant labor and industrial societies. – Cambridge: Cambridge university press, 1979. – 229 p.

Ravenstein E.G. The laws of migration // *Journal of the Statistical society of London*. – 1885. – Vol. 48. – P. 167–235.

Stark O. The migration of labor. – Cambridge: Basil Blackwell. – 1991. – 406 p.

Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – Chicago: University of Illinois press, 1996 (1918). – 127 p.

Wimmer A. The making and unmaking of ethnic boundaries: a multilevel process theory // *American journal of sociology*. – 2008. – Vol. 113, N 4. – P. 970–1022.

References

Alba R., Foner N. *Strangers no more: immigration and the challenges of integration in North America and Western Europe*. – Princeton (NJ): Princeton university press, 2015. – 336 p.

Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. – Cambridge (MA): Harvard university press, 2003. – 359 p.

Amelina A., Horvath K. Sociology of migration. *The Cambridge handbook of sociology: core areas in sociology and the development of the discipline*. Ed. by K.O. Korgen. – Cambridge: Cambridge university press, 2017. – Vol. 1. – P. 455–464.

Arango J. Explaining migration: a critical view. *International social science journal*. – 2000. – Vol. 52, N 162. – P. 283–296.

**Социология миграции: основные направления исследований:
введение к тематическому разделу**

Transnational families, migration and the circulation of care: understanding mobility and absence in family life. Ed. by L. Baldassar, L. Merla. – New York: Routledge, 2013. – 320 p.

Borjas G.T. Economic theory and international migration. *International migration review.* – 1989. – Vol. 23, N 3. – P. 457–485.

Carling J. Migration in the age of involuntary immobility: theoretical reflections and Cape Verdean experiences. *Journal of ethnic and migration studies.* – 2002. – Vol. 28, N 1. – P. 5–42.

Castles S., Kosack G. *Immigrant workers and class structure in Western Europe.* – Oxford: Oxford university press, 1973. – 514 p.

Christou A., Kofman E. *Gender and migration: IMISCOE short reader.* – Cham: Springer, 2022. – 123 p.

Faist T. *The volume and dynamics of international migration and transnational social spaces.* – Oxford: Oxford university press, 2000. – 380 p.

Gordon M.M. *Assimilation in American life: the role of race, religion and national origins.* – New York: Oxford university press, 1964. – 276 p.

Hearn J. *Men of the world: genders, globalizations, transnational times.* London: SAGE, 2015. – 280 p.

Khorev B.S., Chapek V.N. *Problemy izucheniya migratsii naseleniya: statistiko-geograficheskiye ocherki* [Problems of studying population migration: statistical and geographical essays]. – Moscow: Mysl', 1978. – 255 p. (In Russian)

Lee E.S. A theory of migration. *Demography.* – 1966. – N 3. – P. 47–57.

Levitt P., Glick Schiller N. Conceptualizing simultaneity: a transnational social field perspective on society. *International migration review.* – 2004. – Vol. 38, N 3. – P. 1002–1039.

Malmberg G. Time and space in international migration. *International migration, immobility and development: multidisciplinary perspectives.* Ed. by T. Hammar, G. Brochmann, K. Tamas, T. Faist. – Oxford: Berg, 1997. – P. 21–48.

Migratsiya sel'skogo naseleniya [Migration of rural population]. Ed. by T.I. Zaslavskaya. – Moscow: Mysl', 1970. – 348 p. (In Russian)

Molland S. *Safe migration and the politics of brokered safety in Southeast Asia.* – New York: Routledge, 2022. – 219 p.

Mukomel' V.I. Trudovaya migratsiya v Rossii: adaptatsiya k transformatsiyam rynka truda [Labor migration in Russia: adaptation to labor market transformations]. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New economic association]. – 2024. – N 2 (63). – P. 233–240. (In Russian)

Osadchaya G.I., Ledeneva V.Yu., Yudina T.N. Politika integratsii v otnoshenii zarubezhnykh migrantov: institutsional'nyye aspekty [Integration policy in relation to foreign migrants: institutional aspects]. *Voprosy upravleniya* [Management issues]. – 2024. – Vol. 18, N 3. – P. 69–80. (In Russian)

Park R., Burgess E., McKenzie R. *The city: suggestions for investigation of human behavior in the urban environment.* – Chicago (IL): The university of Chicago press, 2019 (1925). – 256 p.

Park R. *Race and culture.* – Glencoe: Free press, 1950 (1913). – 403 p.

Perspektivy migratsii i etnicheskogo razvitiya Rossii i ikh uchet pri razrabotke strategicheskikh napravlenij razvitiya strany na dlitel'nyuyu perspektivu [Prospects for migration and ethnic development of Russia and their consideration for elaboration strategic directions for the country's long-term development]. Ed. by N.V. Mkrtychyan, A.G. Vishnevsky, Zh.A. Zajonchkovskaya, V.A. Tishkov, A.I. Trejvish. – Moscow: Institute for the economy in transition, 2004. – 101 p. (In Russian)

Piore M.J. *Birds of passage: migrant labor and industrial societies*. – Cambridge: Cambridge university press, 1979. – 229 p.

Ravenstein E.G. The laws of migration. *Journal of the Statistical society of London*. – 1885. – Vol. 48. – P. 167–235.

Rybakovsky L.L., Mayevsky D.P., Kozhevnikova N.I. Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya i yeyo izmereniye [Migration mobility of the population and its measurement]. *Narodonaseleniye* [Population]. – 2019. – Vol. 22, N 2. – P. 4–14. (In Russian)

Rybakovsky L.L. Predystoriya voznikoveniya teorii trekh stadij migratsionnogo protsessa [Background to the emergence of the theory of three stages of the migration process]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of Russian regions]. – 2018. – N 2. – P. 86–94. (In Russian)

Stark O. *The migration of labor*. Cambridge: Basil Blackwell. – 1991. – 406 p.

Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. – Chicago: University of Illinois press, 1996 (1918). – 127 p.

Wimmer A. The making and unmaking of ethnic boundaries: a multilevel process theory. *American journal of sociology*. – 2008. – Vol. 113, N 4. – P. 970–1022.

Yudina T.N. Sotsiologiya migratsii: osnovnyye vekhi stanovleniya i razvitiya [Sociology of migration: main milestones of formation and development]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology]. – 2014. – Vol. 2, N 4. – P. 227–247. (In Russian)

Zajonchkovskaya Zh.A. Demograficheskaya situatsiya i rasseleniye [Demographic situation and settlement]. – Moscow: Nauka, 1991. – 132 p. (In Russian)

Zajonchkovskaya Zh.A. Perevedentsev V.I. Sovremennaya migratsiya naseleeniya Krasnoyarskogo kraya [Modern migration of the population of the Krasnoyarsk territory]. – Novosibirsk: Siberian branch of the USSR Academy of sciences, 1964. – 104 p. (In Russian)

Zaslavskaya T.I., Rybakovsky L.L. Protsessy migratsii i ikh regulirovaniye v sotsialisticheskom obschestve [Migration processes and their regulation in socialist society]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. – 1978. – N 1. – P. 56–66. (In Russian)

ТРУФАНОВ Д.О.*, ВАСИЛЬЕВА О.В.** , РАФИКОВ Р.Г.*** ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)

Аннотация. Целью статьи является анализ основных факторов, оказывающих влияние на процесс адаптации мигрантов из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана в сибирском регионе. Приводятся результаты анализа нескольких серий глубинных интервью с иностранными трудовыми мигрантами, руководителями национально-культурных объединений соотечественников, представителями государственных организаций, осуществляющими работу в сфере миграционной политики в Красноярском крае. Описаны неформальные социальные институты адаптации иностранных работников, сложившиеся в миграционном пространстве региона, выделены их функциональные и дисфункциональные качества. Дана характеристика роли национально-культурных объединений, религии и религиозных практик и ряда других факторов в адаптации иностранных трудовых мигрантов в принимающем регионе.

© Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г., статья, 2024.

* Труфанов Дмитрий Олегович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета; dtrufanov@sfu-kras.ru

** Васильева Ольга Владимировна – ассистент кафедры социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета; 79232816007@ya.ru

*** Рафиков Рашит Гиззатович – кандидат исторических наук, заместитель начальника Управления общественных связей Администрации Губернатора Красноярского края; rafikov@krskstate.ru

Ключевые слова: социология миграции; социологическое исследование, иностранные трудовые мигранты; факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов; Красноярский край.

Для цитирования: Труфанов Д.О., Васильева О.В., Рафиков Р.Г. Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе (на материалах социологических исследований в Красноярском крае) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 19–46. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02

Статья поступила: 21.09.2024.

Принята к публикации: 10.10.2024.

TRUFANOV D.O.***, VASIL'eva O.V.****, RAFIKOV R.G.*****
Factors of the adaptation of foreign labor migrants in a Russian region
(based on sociological research in the Krasnoyarsk region)

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main factors influencing the process of adaptation of migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan in the Siberian region. The results of several series of in-depth interviews with foreign migrant workers, heads of national and cultural associations of compatriots, representatives of government organizations working in the field of migration policy in the Krasnoyarsk Krai are presented. The informal social institutions of adaptation of foreign workers that have developed in the migration space of the region are described, their functional and dysfunctional characteristics are highlighted. The article defines the role of national-cultural associations, religion and religious practices and a number of other factors in the adaptation of foreign labor migrants in the host region.

**** Trufanov Dmitry Olegovich – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Sociology Department, Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; dtrufanov@sfu-kras.ru

***** Vasil'eva Olga Vladimirovna – Assistant of the Department of Sociology at the Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University; 79232816007@ya.ru

***** Rafikov Rashit Gizzatovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of Department of Public Relations for Governor of the Krasnoyarsk Region; rafikov@krskstate.ru

Keywords: sociology of migration; sociological research, foreign labor migrants; factors of adaptation of foreign labor migrants; Krasnoyarsk Krai.

For citation: Trufanov D.O., Vasil'eva O.V., Rafikov R.G. Factors of the adaptation of foreign labor migrants in a Russian region (based on sociological research in the Krasnoyarsk region). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 19–46. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.02

Received: 21.09.2024.

Accepted: 10.10.2024.

Тема иностранных трудовых мигрантов в настоящее время активно дискутируется в общественном пространстве Российской Федерации. С одной стороны, эксперты указывают на экономическую целесообразность привлечения в регионы РФ иностранных работников из ближнего зарубежья и важную роль трудовой миграции в обеспечении экономической безопасности страны, с другой – отмечается заметный рост числа правонарушений с участием приезжих работников [Ивахнюк, 2023]. Последнее обстоятельство становится существенным фактором риска для гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в российском обществе. Актуальной задачей для научного сообщества и практики регулирования миграционных отношений выступает поиск условий, которые должны способствовать адаптации иностранных работников в регионах РФ, снижению уровня девиантного поведения мигрантов. Решению этой задачи способствуют эмпирические исследования социального самочувствия иностранных мигрантов в принимающем обществе, позволяющие выявить основные факторы, способствующие и препятствующие их адаптации. В статье представлены результаты социологического исследования факторов адаптации трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в Красноярском крае.

Обзор литературы

Проблеме факторов адаптации мигрантов в инокультурной среде посвящена обширная научная литература в России и за рубежом. Опубликованы теоретические и методологические обзоры подходов к изучению адаптации мигрантов в принимающих обществах [Эндрюшко, 2017 ; Кононов, Леденева, 2021]. Предпринимаются попытки анализа и картирования научной литературы по вопросам адаптации мигрантов с использованием современных аналитических инструментов [Tang, Zhang, 2024]. Опубликованы результаты большого числа эмпирических исследований различных аспектов процесса адаптации иностранных трудовых мигрантов. Среди основных факторов адаптации иностранных мигрантов в российских регионах исследователи называют следующие.

1. Языковая интеграция. Поскольку коммуникация выступает в качестве ключевого элемента адаптации мигрантов, незнание или плохое знание языка принимающей страны может стать первым и серьезным препятствием для иностранных мигрантов [Любоданова, Стариков, 2016 ; Лаптева, 2009 ; Очирова, 2022]. Слабое владение русским языком особенно характерно для молодого поколения мигрантов, не имеющих опыта социализации в российской социокультурной среде. Как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают, что языковой барьер является одним из ключевых факторов, затрудняющих адаптацию иностранных мигрантов [Егорова, 2012 ; Шлыкова, 2017 ; Nakhaie, 2020 ; Van Riemsdijk, Basford, Burnham, 2016]. Уровень владения языком страны пребывания напрямую влияет на качество интеграции мигрантов, а языковой барьер способствует обострению чувства изоляции и осложняет взаимодействие с принимающим населением.

2. Социальный капитал. Современные исследования показывают, что развитые социальные связи и сети могут существенно облегчить интеграцию в новое общество. Наличие в стране прибытия сообществ соотечественников помогает трудовым мигрантам адаптироваться на новом месте, а отсутствие таких сообществ, напротив, существенно затрудняет или вовсе исключает возможность переезда [Татарко, 2018 ; Putnam, 2015]. Социальные связи могут помогать мигрантам находить работу, жилье и получать не только информационную, но и социальную поддержку, которая

является важным ресурсом при преодолении культурных и психологических барьеров.

3. Экономические факторы. Такие факторы, как доступ к рабочим местам, возможность получения высокого дохода и улучшения условий жизни, а также экономическая безопасность и стабильность не менее значимы для адаптации мигрантов. Социологические исследования показывают, что в качестве ключевого мотива переезда сами мигранты чаще всего указывают уровень оплаты труда в принимающей стране [Kennan, Walker, 2011 ; Wang, Fan, 2012 ; Факторы миграции ... , 2018]. Также исследователи отмечают подверженность стрессу у мигрантов, столкнувшихся с экономическими трудностями [Салимгараева, 2021]. Таким образом, лучшей социальной адаптации на новом месте способствуют трудоустройство и стабильный доход.

4. Культурные факторы. Культурный аспект адаптации является неотъемлемой частью процесса интеграции мигрантов и принимающего населения и в целом. Этот аспект неотделим от всех других факторов адаптации и тесно с ними связан. Например, факторы культурной адаптации и языковой интеграции взаимно определяют друг друга. Однако целесообразно рассматривать культурный аспект как особый фактор адаптации, имеющий более глубокое воздействие на качество интеграции, чем знание языка как такового. Так, исследования качества адаптации мигрантов показывают следующее: во-первых, мигранты, стремящиеся принимать элементы традиционной культуры страны прибытия, чаще достигают успеха в карьере; во-вторых, отсутствие готовности принимать элементы новой культуры (традиции, обычаи, ценности, нормы поведения и т.д.) нередко приводит к культурной маргинализации [Home and away ... , 2022 ; Андриченко, 2015].

5. Политические и правовые факторы. Актуальная политическая ситуация и действующее законодательство оказывают значимое влияние на процесс адаптации мигрантов [Groenenduk, 2004 ; Краснов, 2010]. Особое значение данный аспект имеет в связи с необходимостью регулирования нелегальной миграции [Громцев, 2015]. Так, отсутствие законного статуса мигранта может вести к социальной изоляции и ограниченному доступу к ресурсам.

Таким образом, адаптация иностранных трудовых мигрантов является сложным процессом, на который влияют многочислен-

ные факторы. Языковая интеграция, социальный капитал, экономические условия, культурные, политические и правовые аспекты – ключевые факторы, составляющие базу для анализа адаптации иностранных работников в принимающем обществе. Эмпирические исследования должны фокусироваться на изучении данных факторов в их динамике, а также на разработке практических рекомендаций для оптимизации миграционной политики.

Материалы и методы

В 2021 г. по инициативе Управления общественных связей Губернатора Красноярского края проведено социологическое исследование факторов адаптации иностранных граждан из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, осуществляющих трудовую деятельность на территории Красноярского края. На эти страны приходится в среднем 70% приезжающих в Красноярский край иностранных трудовых мигрантов. В исследовании были выдвинуты гипотезы о влиянии на процесс адаптации мигрантов национально-культурных объединений соотечественников, религии и религиозных практик, радикальной идеологии, ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, и других факторов, воздействующих на социальное и психическое самочувствие приезжих работников.

Исследование построено на основе качественной методологии. Сбор первичных данных осуществлен методами глубинного и экспертного интервью. Проведены 18 глубинных интервью с иностранными гражданами в Российской Федерации, осуществляющими трудовую деятельность: по шесть интервью с выходцами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. В числе каждого шести респондентов – представителей указанных государств – три респондента обладают российским гражданством и три – гражданством государств исхода. Возраст респондентов – от 20 до 45 лет, пол – мужской (данные половозрастные параметры отражают характеристики большинства иностранных трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в Красноярском крае). Интервью проведены в формате непосредственного личного интервью, без применения дистанционных технологий. Респонденты рекрутированы в различных локациях присутствия иностранных

трудоустройства мигрантов – рынках, учреждениях по оформлению документов иностранных работников, предприятиях, сотрудниками которых являются приезжие иностранные работники. Проведены три экспертных интервью с руководителями национально-культурных автономий народов Средней Азии в Красноярском крае (Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана) и четыре экспертных интервью с представителями государственных и общественных структур, осуществляющих работу с иностранными трудовыми мигрантами в Красноярском крае: Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Красноярскому краю, Федерального государственного унитарного предприятия «Паспортно-визовый сервис» (филиал по Красноярскому краю), общественного центра при узбекской национально-культурной автономии в Красноярском крае. Уровень компетентности экспертов определяется должностями, занимаемыми в указанных организациях (в исследовании приняли участие эксперты уровня руководителя, ведущего специалиста). Вопросы глубинных и экспертных интервью построены на основании общих индикаторов, раскрывающих задачи исследования, формулировки адаптированы с учетом различий в коммуникативной компетентности представителей миграционного и экспертного сообществ. Полученные результаты обработаны методом качественного контент-анализа и описаны в терминах структурно-функционального анализа и социологии социального пространства.

В тексте статьи представлены выводы авторов, сделанные в ходе анализа материалов интервью. Мы не приводим прямые цитаты респондентов ввиду ограниченного объема статьи. В распоряжении авторов присутствуют полные транскрипты всех глубинных и экспертных интервью в качестве эмпирического материала.

Результаты

Мотивы приезда (переезда) иностранных граждан из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в Красноярский край для осуществления трудовой деятельности вполне традиционны и связаны с различием социально-экономических условий в странах исхода и стране прибытия. Основные «силы выталкивания» (в терминах Э. Ли [Lee, 1966]) иностранных работников в государ-

ствах исхода – низкий уровень оплаты труда и нехватка рабочих мест. Наиболее остро вопросы заработка встают перед молодыми людьми, которые пытаются найти место на рынке труда, а также перед семейными людьми, решающими задачу материального обеспечения семьи, что особенно актуально в условиях ее расширения (увеличения количества членов семьи). В связи с этим главными «силами притяжения», фокусирующими внимание иностранных работников на сибирском регионе, выступают более высокие заработки и актуальный запрос на иностранную рабочую силу на рынке труда.

Кроме экономических причин в государствах исхода мигрантов имеют место силы выталкивания социального характера: 1) низкое качество образования (особенно в сельской местности, представителями которой являются многие приезжие); 2) необходимость иметь родственные или дружеские связи для трудоустройства на хорошую должность или место работы на родине; 3) непринадлежность к титульной этнической группе, что может выступать в качестве сдерживающего условия для достижения престижных социальных статусов в государствах исхода.

Запрос на иностранную рабочую силу со стороны работодателей в государстве-реципиенте – основное, но не достаточное условие для привлечения работников из других стран. Важную роль играют факторы, снижающие издержки, связанные с приездом и адаптацией мигрантов в принимающем обществе. Их наличие стимулирует миграционный приток и способствует стабильному функционированию миграционного пространства региона.

Как показали результаты исследования, адаптации иностранных работников из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в сибирском регионе способствуют следующие основные факторы.

1. Функционирование неформальных социальных институтов, снижающих социально-экономические издержки миграционной мобильности и способствующих социальной адаптации граждан других государств. Это транслокальные социальные связи между участниками миграционных процессов в государствах исхода и принимающем обществе. Институциональный характер эти связи приобретают ввиду того, что являются сложившимися ком-

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

плексами норм, стандартов поведения и способов удовлетворения потребностей прибывающих иностранных работников.

Один из таких институтов – родственные и земляческие связи между теми, кто остается в своих государствах и теми, кто осуществляет миграцию. В течение последних трех десятков лет сложились устойчивые связи в сообществах трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, в связи с чем в миграционные практики вовлекаются родственники, знакомые, земляки тех людей, которые имеют опыт проживания в российских регионах или обосновались в них на длительный срок (интегрированных в принимающее общество вплоть до получения российского гражданства). Это приводит к снижению доли случайных мигрантов и стабилизирует миграционное сообщество в регионе прибытия в том смысле, что приезжие обладают базовыми возможностями адаптации за счет связей с родственниками и знакомыми, а также ориентированы на поддержание сложившегося порядка пребывания, социальных и трудовых отношений. Таким образом, институт землячества и родственных связей выполняет две основные функции: информационную (является источником сведений для потенциальных мигрантов о возможностях прибытия в регион, о наличии мест для трудоустройства и уровне оплаты труда) и адаптационную (родственники, земляки помогают вновь прибывшим соотечественникам решать вопросы жилья, установления связей с работодателями, налаживания контакта с миграционной службой, посредниками, поддерживают в финансовом отношении).

Другой фактор адаптации мигрантов – институт неформального посредничества, выполняющий функции рекрутинга иностранной рабочей силы, обеспечения первичной адаптации работников в регионе прибытия (проезд, оформление документов, жилье, социальные услуги) и установления связей с работодателями. Посредниками становятся соотечественники, которые обладают связями в регионе прибытия и занимаются рекрутингом работников в своих странах для трудоустройства в государстве-реципиенте.

Одной из центральных функций института посредничества выступает установление связей между иностранными работниками и работодателями в регионе государства-реципиента. Посредник получает заявку на определенное количество рабочих, обращается

к землякам в стране исхода и набирает сотрудников. Посредник координирует прибытие работников к месту работы, снабжает их необходимой информацией, помогает с первичной адаптацией. Интерес посредников состоит не только в получении платы за оформление документов или рекомендацию перед работодателем. Посредник выполняет функции менеджера, может выступать как организатор деятельности иностранного рабочего и рассчитывает на постоянный доход от такого рабочего в течение нескольких месяцев. Так, посредник, получивший заказ со стороны работодателя на определенное количество работников, рекрутирует их, финансирует их проезд и оформление документов, устраивает на работу, т.е. инвестирует в них собственные средства. Взамен работники обязуются в течение определенного времени отработать в том месте, куда их устроил посредник, ежемесячно выплачивая ему денежные средства в сумме, которая позволяет покрыть размер инвестиций и принести прибыль посреднику. При этом данные договоренности между посредником и работником носят устный характер и, как правило, не являются юридически обязательными. В случае нарушения договоренностей возникают конфликты – когда, например, работник не отработал оговоренный с посредником срок или посредник не выполнил своих обязательств.

Наряду с указанными функциями институт посредничества способен продуцировать дисфункцию, связанную с воспроизводством теневого сегмента миграционного пространства региона. Процедуры сбора и оформления документов, позволяющих иностранному гражданину на законных основаниях осуществлять трудовую деятельность в России, достаточно сложны для многих прибывающих мигрантов. Их сложность обусловлена не столько особенностями самих процедур оформления, сколько недостаточностью социальных компетенций иностранных граждан, приезжающих на работу в регион, что в свою очередь связано с низким уровнем владения русским языком, неспособностью самостоятельно сориентироваться в правилах оформления документов, дефицитом компетенций по взаимодействию с государственными учреждениями. Так, по свидетельству информанта, который помогал вновь приехавшим соотечественникам оформлять документы, самостоятельно мигранты могут собрать и оформить около одной десятой части необходимых документов. В этой ситуации законо-

мерно появление спроса на посреднические услуги по сбору и оформлению документов для приезжих.

Здесь возникают две проблемы, ассоциированные с вопросами подготовки и оформления документов, необходимых для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан в российском регионе: 1) посредники, оказывающие частные услуги по подготовке и оформлению документов, могут завышать цены, что существенно увеличивает финансовые издержки первичной адаптации мигранта; 2) посредники не всегда работают добросовестно и могут отказываться от выполнения договоренностей с клиентами после получения от них денежных средств в качестве предоплаты за услуги. При этом юридической ответственности перед клиентами посредники не несут в силу того, что сделки заключаются неформально. В подобных случаях клиент оказывается в чрезвычайно сложной ситуации, когда лишается потраченных денежных средств и не получает нужных документов. В такой ситуации мигрант готов согласиться на работу без юридического оформления, пополняя тем самым нелегализованную часть миграционного сообщества.

Наряду с указанными институтами в принимающем обществе работает институт государственной регистрации и оформления пребывания и трудовой деятельности иностранных работников. Для значительной части приезжих работников это непривычный и сложный сервис, в отличие от институтов землячества и посредничества.

2. Еще один существенный фактор, способствующий адаптации иностранных работников в сибирском регионе, – относительно высокий уровень этнической толерантности принимающего населения и позитивная ситуация в межнациональных отношениях. Отдельные факты конфликтов на межнациональной почве рассматриваются приезжими как исключение из общего правила и в целом не приводят к негативному восприятию местного старожильческого населения. Подобные факты скорее носят единичный характер, а люди, их допускающие, воспринимаются мигрантами как носители отклоняющегося поведения. Как правило, мигранты не рассматривают недружественное отношение некоторых представителей местного социума как свойство принимающего населения в целом. Информантами отмечается, что представители при-

нимающего населения более дружелюбны и открыты для общения по сравнению с жителями центрального региона России.

Функция указанного фактора в миграционном пространстве сибирского региона состоит в повышении уровня социальной безопасности иностранных работников в принимающем социуме.

3. Традиционно одним из наиболее существенных факторов, оказывающих влияние на адаптацию трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в сибирском регионе, является языковая компетентность приезжих работников – уровень владения русским языком. Результаты исследования показывают, что проблема слабого владения русским языком имеет возрастное измерение. По оценке экспертов, уверенно владеют русским языком иностранные работники в возрасте старше сорока лет. Мигранты в возрасте от 30 до 40 лет хуже владеют русским языком, но их языковые компетенции в целом позволяют коммуницировать с представителями принимающего общества и пользоваться государственными сервисами принимающего общества. Слабое знание языка является серьезной проблемой для приезжих в возрасте от 18 до 30 лет. Зачастую эти работники учились в национальных школах на родине, в которых русский язык не преподавался. Среди этой категории приезжих встречаются те, кто совершенно не владеет русским языком. Низкий уровень иноязычной компетентности создает барьер коммуникации, в результате которого мигрант оказывается фактически закрытым в группе земляков, не может самостоятельно взаимодействовать с государственными организациями и работодателями принимающего общества.

4. Адаптирующую функцию для иностранных работников из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана выполняют национально-культурные объединения (национально-культурные общественные организации – НКОО) соотечественников в принимающем обществе.

Они выполняют следующие основные функции в миграционном пространстве региона:

1) НКОО выступают связующим звеном между миграционным сообществом и государственными структурами, регулирующими сферу миграционных отношений в регионе: осуществляют трансляцию сведений о миграционном законодательстве, правовой

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

информации, разъяснение рисков, связанных с обращением к частным посредникам для решения вопросов оформления документов или трудоустройства. С одной стороны, национально-культурные объединения выступают в качестве инструмента влияния государственных органов на сообщество иностранных работников, являются институтом поддержания социального порядка, помогают мигрантам взаимодействовать с государственными организациями по юридическим, трудовым и социальным вопросам, с другой – НКОО способствуют интеграции мигрантов, ориентированных на длительное пребывание или переезд в регион, а также служат своего рода антикризисным центром для иностранных работников, попавших в сложные жизненные обстоятельства;

2) НКОО создают пространство для межкультурной коммуникации представителей разных этносов;

3) НКОО выступают формой поддержки соотечественников по широкому кругу вопросов, возникающих в течение пребывания в регионе.

Основные формы взаимодействия НКОО с миграционным сообществом:

- организация национальных праздников и межнациональных мероприятий, привлечение иностранных работников к участию в них, а активную часть – к организации данных мероприятий

- информационно-справочная поддержка мигрантов, консультации по юридическим, социальным и организационным вопросам

- помощь в процессах сбора, подготовки и оформления документов

- помощь в решении проблем, с которыми сталкиваются приезжие работники (конфликты с работодателями, вопросы жилья, трудоустройства, юридической поддержки, а также, для семей с детьми, – по линии здравоохранения и образования)

- организация обучающих мероприятий для детей, молодежи по изучению русского языка

- участие в урегулировании межнациональных конфликтов

- профилактические меры этнорелигиозного экстремизма

Вместе с тем деятельность НКОО охватывает только часть миграционного сообщества региона. Многие мигранты, особенно

маятниковые, прибывающие на относительно короткий срок, не интересуются деятельностью национально-культурных объединений своих земляков в силу сфокусированности на вопросах трудоустройства и заработка. Результаты исследования говорят о слабой осведомленности мигрантов о существовании и деятельности в регионе национально-культурных объединений. Лучше информированы об этом мигранты, которые нацелены на длительное пребывание в регионе или переезд на постоянное место жительства. Но и среди них встречаются те, кто не осведомлен о деятельности национально-культурного объединения своих соотечественников.

Слабая информированность иностранных граждан о национально-культурных объединениях соотечественников связана с тем, что: 1) деятельность НКОО не попадает в поле актуальных интересов части трудовых мигрантов (как правило до тех пор, пока они не столкнутся с серьезными трудностями юридического, финансового, социального характера и не начнут искать источники поддержки); 2) иностранные работники взаимодействуют в сообществах родственников, знакомых, земляков, которые помогают в решении основных вопросов пребывания и трудоустройства, в связи с чем необходимость обращения за подобными услугами в НКОО для них не всегда актуальна; 3) многие мигранты обладают слабыми социальными компетенциями и не имеют опыта взаимодействия с общественными организациями.

Таким образом, НКОО создают в принимающем обществе коммуникативную среду, которая, с одной стороны, способна объединять соотечественников и создавать условия для решения возникающих проблем, с другой – выступает инструментом межкультурной коммуникации и взаимодействия с государством.

5. Важным фактором адаптации иностранных работников из стран Центральной Азии в сибирском регионе являются религия и религиозные практики. Основные функции института религии в миграционном пространстве региона – ценностно-ориентирующая и нормативно-контролирующая. Их реализация способствует снижению числа девиаций среди мигрантов и поддержанию социального порядка в принимающем социуме.

Здесь обратим внимание на два обстоятельства. С одной стороны, религиозная идентичность обладает высоким уровнем значимости для мигрантов, этническое и религиозное у мусуль-

манских народов тесно переплетено и неразделимо. Наиболее распространённые формы религиозного поведения приезжих – чтение молитв, еженедельное посещение мечети и участие в национальных и религиозных праздниках. С другой стороны, при высоком уровне значимости религиозной идентичности мигрантов, уровень их институциональной религиозности, как показывает наше исследование, является скорее средним. Это выражается в том, что мигранты выполняют не весь объем религиозных установлений. На первом месте у них мирские заботы – вопросы трудоустройства и работа. Если остается свободное время, то мигранты осуществляют религиозное поведение. Но наиболее важные религиозные установки они стараются исполнять (пятничная молитва, пост, Ураза- и Курбан-байрам).

Таким образом, социальная реальность, в которой живут большинство представителей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в принимающем обществе, представляет собой определенный баланс между светскими и религиозными представлениями и формами поведения. Интересы мигрантов, как правило, находятся в области светских взаимодействий, так как прежде всего связаны с трудоустройством и заработком. Эксперты отмечают рост уровня религиозности среди иностранных работников в последние годы. Но он выражается скорее не в увеличении числа глубоко верующих мигрантов, а в повышении значимости религиозных правил и ограничений в повседневной жизни (правил, регулирующих употребление алкоголя, отношения с противоположным полом, соблюдение норм общения с другими людьми).

Наряду с этим в миграционном сообществе есть глубоко религиозные мигранты, которые ревностно относятся к соблюдению религиозных установлений вероучения. Они ведут образ жизни, обусловленный религиозными канонами, и с осуждением относятся к единоверцам, предпочитающим в светскую жизнь религиозной. Кроме того, информанты указывают на существование в регионе приверженцев нетрадиционных направлений религии, в том числе носителей радикальной идеологии. Анализ полученных ответов позволяет сделать вывод, что таких людей в миграционном сообществе Красноярского края мало. Они имеют скорее маргинальное положение в миграционном сообществе, а их деятельность негативно оценивается трудовыми мигрантами. Дистанци-

рование от подобной идеологии и ее носителей среди иностранных работников обусловлено тем, что они создают риски для реализации социально-экономических интересов мигрантов, которые носят утилитарно-прагматичный характер и связаны с вопросами трудоустройства, заработка, обеспечения семей.

6. В 2021 г. результаты исследования показали резкое дезадаптирующее влияние на миграционное пространство Красноярского края ограничений общественной коммуникации в связи с распространением COVID-19. Данный кейс целесообразно рассмотреть как своего рода естественный эксперимент, который показывает реакцию миграционного сообщества региона на подобного рода социальные явления. Ограничения общественной коммуникации оказали двойственное влияние на социальное, экономическое и психологическое благополучие иностранных работников: в миграционном пространстве появились как негативные, так и позитивные социальные эффекты. Вместе с тем результаты исследования свидетельствуют, что сумма негативных эффектов пандемии превышает сумму позитивных, что позволяет говорить о пандемии как в основном негативном факторе в миграционных отношениях.

Основные социальные эффекты для миграционного сообщества, порожденные пандемией COVID-19, таковы:

1) произошло ограничение (а в определенный период и полное прекращение) транспортного сообщения между Россией и государствами Центральной Азии, и значительно возросла стоимость приезда в Красноярский край, а также выезда мигрантов на родину. Это привело к резкому увеличению издержек трудовой миграции;

2) на рынке труда появился дефицит предложения иностранной рабочей силы (например в Красноярском крае в 2020 г. численность иностранных граждан, поставленных на регистрационный учет, уменьшилось в два раза по сравнению с 2019 г.). Для мигрантов, которые работают в сферах, не попавших под временные ограничения деятельности (строительство, сельское хозяйство), этот фактор стал позитивным: сократилась или исчезла конкуренция за рабочие места, вырос уровень заработной платы, уменьшилось количество фактов недобросовестного поведения со стороны работодателей, работодатели стали создавать комфортные

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

условия для иностранных работников, желая удержать их на своем предприятии;

3) некоторые иностранные работники выиграли от пандемии в экономическом отношении и получили возможность увеличить свои доходы. Это в основном владельцы небольших торговых точек по продаже продуктов питания, а также работники служб такси, деятельность которых в период пандемии была особенно востребованной;

4) пострадали в экономическом отношении трудовые мигранты, работающие в сфере услуг и общественного питания, в связи с ограничением или временным прекращением работы организаций. Такие работники были вынуждены не работать в течение нескольких месяцев, не получая заработной платы. Они оказались в чрезвычайно сложном финансовом положении, так как не имели источников дохода и не могли выехать на родину;

5) в этих обстоятельствах стабилизирующим фактором в миграционном сообществе стала помощь пострадавшим мигрантам со стороны диаспоры – зачастую безвозмездная материальная поддержка нуждающихся со стороны соотечественников. Здесь диаспора показала себя как институция, способная выполнять функции по поддержанию стабильного существования миграционного общества, помощи его членам, попавшим в критические ситуации;

6) в период пандемии не проводились массовые мероприятия национально-культурных объединений в Красноярском крае, в том числе национальные и религиозные праздники представителей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Этот фактор способствовал снижению уровня социально-психологического комфорта иностранных работников в регионе.

Обсуждение и заключение

Миграция – это «способ голосования ногами» [Рязанцев, Письменная, 2014]. В красноярском регионе сформированы позитивные условия для удовлетворения экономических и социальных потребностей мигрантов. В целом приезжие чувствуют себя комфортно, многие из них неоднократно возвращаются в регион. Более высокий уровень заработной платы, востребованность иностранных работников на рынке труда, лучшие возможности для

образования детей, относительно высокий уровень этнической толерантности старожильческого населения, поддержка со стороны земляческих сообществ – неполный перечень факторов, которые способствуют адаптации представителей государств Центральной Азии в регионе. Информанты называют трудности и проблемы, которые существуют в различных сферах их жизни, тем не менее признаки позитивного социального и психологического самочувствия в ответах преобладают.

В качестве заключения приведем сумму негативных и позитивных факторов, способствующих адаптации иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае.

1. Случаи обмана иностранных работников со стороны работодателей. Информанты упоминают факты невыплаты работодателями заработной платы иностранным рабочим, отказ от создания необходимых условий для работников, вынуждающих их осуществлять трудовую деятельность под давлением сложившихся обстоятельств. Подобные нарушения становятся возможными в случае отсутствия официальных отношений между работодателем и иностранным работником, отказа от заключения договора в установленной государством форме. Мигранты, особенно те, кто обладает плохим знанием русского языка, низким уровнем социальных компетенций (что не позволяет им сориентироваться в вопросах юридического оформления трудовой деятельности), не имеет в запасе необходимого количества финансов для оформления статуса легального работника, идут на неформальное (нередко – вынужденное) сотрудничество с работодателем. Тем самым на рынке труда образуется своего рода серая зона, выступающая источником риска для благополучия иностранных работников. Вопросы трудовых отношений, поиска работы, заработка – одна из самых чувствительных для мигрантов тем, так как связана с материальными потребностями – основным мотивом их приезда в регион.

2. Отдельные факты межнациональных трений, недоброжелательного отношения по национальному и религиозному признакам, негативного восприятия представителей других национальностей и религий. Информанты упоминают два аспекта подобных конфликтных отношений: 1) недружелюбное восприятие иностранных мигрантов со стороны представителей русского этноса;

и 2) межнациональные трения между представителями разных этнических групп мигрантов. В первом случае недружелюбное отношение проявляется на фоне социальной дистанции, разделяющей представителей русского этноса и иноэтнических приезжих работников. Здесь сказываются различия культурной, религиозной, территориальной идентичностей мигрантов и членов принимающего общества. Социальная дистанция между приезжими и местными сохраняется не только со стороны представителей русского этноса, но и со стороны мигрантов: и те, и другие ощущают влияние межкультурных различий.

Случаи трений между разными этническими группами мигрантов в основном связаны с бытовыми ситуациями, но способны перерасти в конфликты с национальным или религиозным подтекстом. Как правило, такие случаи происходят в местах соприкосновения различных этнических групп мигрантов и имеют локальный характер. К урегулированию конфликтов подключаются национально-культурные объединения, что способствует нормализации ситуации.

3. Фактор, связанный с социальным неравенством и реалиями социальной стратификации современного общества. Сообщество иностранных трудовых мигрантов в красноярском регионе неоднородно с точки зрения социальной стратификации, в нем представлены средний и верхний сегмент низшего класса (в терминах У. Уорнера). Преобладающая часть иностранных трудовых мигрантов – представители верхнего сегмента низшего класса – средне- и малоквалифицированные рабочие, занятые в массовом производстве и имеющие относительный достаток. Такие мигранты, как правило, – это выходцы из сельских поселений, культура которых отличается от культуры городской жизни, что сказывается на социальном поведении, манере общения, формах коммуникации приезжих. Прибывшие в краевой центр представители верхнего сегмента низшего класса проявляют себя в общественном пространстве, демонстрируют свои общекультурные и коммуникативные компетенции. Это становится предметом оценки со стороны членов принимающего общества, значительная доля которых ассоциирует себя со средним классом, его культурой и стилем жизни (в особенности – в столице региона, где доля среднего класса выше по сравнению с многими другими территориями региона).

Культурные различия, принадлежность к разным уровням стратификационной лестницы усиливают социальную дистанцию между приезжими иностранными работниками и представителями принимающего общества, что способствует стигматизации мигрантов в общественном мнении как людей с низким уровнем культуры. В силу общей национальной и религиозной идентичности мигрантов такая стигматизация приобретает этническую окраску, что порождает напряжение в межэтнических отношениях.

Низкий уровень иноязычной компетентности (плохое знание русского языка) значительной части мигрантов еще более усиливает социальную дистанцию между приезжими и принимающим обществом, а также создает барьеры для адаптации иностранных работников и осуществления успешной трудовой деятельности.

Слабое знание (или незнание) приезжими русского языка, низкий уровень общекультурных и социальных компетенций части иностранных работников способствует их анклавизации, когда группы соотечественников становятся для мигранта основным инструментом адаптации в чужой стране. Анклавизация, в свою очередь, стимулирует рост социальной дистанции между сообществом мигрантов и принимающим населением.

Своего рода точкой сборки указных выше факторов выступает стереотипизация отношения некоторой части местного старожильческого населения к иностранным трудовым мигрантам из государств Центральной Азии. В принимающем обществе наблюдается готовность общественного мнения воспринимать мигрантов как носителей девиантного поведения, обвинять их в возникновении социальных конфликтов, переносить отклонения в поведении отдельных представителей миграционного сообщества на все сообщество.

4. Перечисленные факторы, способствующие росту социальной дистанции между миграционным сообществом и принимающим населением, в некоторых случаях приводят к отказу представителей старожильческого населения от сотрудничества с иностранными трудовыми мигрантами. Это проявляется в нежелании местных жителей выполнять нормы и правила, регулирующие социально-экономические отношения, если участниками этих отношений являются иностранные работники (например, сдавать в аренду жилье).

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

В целом указанные факторы в настоящее время не создают общей негативной ситуации в миграционном пространстве принимающего общества. Миграционное пространство региона остается относительно стабильным и не демонстрирует критических дисфункций. Полученные результаты свидетельствуют об относительно высоком уровне удовлетворенности иностранных трудовых мигрантов своей жизнью, социальным и экономическим положением в Красноярском крае.

Основные позитивные факторы адаптации иностранных работников в Красноярском крае следующие.

1. Поддержка со стороны друзей, родственников, сообщества соотечественников (диаспоры). Вслед за П. Коллиером определим диаспору как количество мигрантов, которые каким-либо образом связаны с вновь прибывшими мигрантами и готовы им помогать [Коллиер, 2017]. Это институция, которая стимулирует выезд соотечественников из своих государств, снижает издержки первичной адаптации приезжих, служит своего рода страховой компанией для земляков, попавших в затруднительные ситуации, помогает в вопросах трудоустройства и взаимодействия с государственными службами, а также создает у мигрантов психологическое ощущение социальной принадлежности к сообществу, нормы и правила которого для них привычны. Тем самым данная институция выступает своего рода точкой опоры для мигрантов в регионе и обеспечивает необходимый уровень их безопасности в принимающем обществе.

2. В основном бесконфликтные взаимоотношения приезжих работников с местными старожильческим населением. Ответы экспертов и рядовых мигрантов на вопросы исследователей не показывают признаков распространения мигрантофобии или дискриминации по национальному и религиозному признакам. Отдельные факты подобного рода конфликтных отношений существуют, но, как правило, они носят локальный характер и не получают широкого распространения. Мигранты, которые имеют опыт работы и проживания в других регионах Российской Федерации, отмечают, что население Красноярского края более открыто к принятию иностранных работников из Центральной Азии. С одной стороны, информанты связывают это обстоятельство с особенностями местного старожильческого населения, которое исто-

рически формировалось в ходе миграционных процессов, с другой – с профилактической работой с мигрантами со стороны НКО и государственных учреждений.

В ответах информантов прослеживается установка «нет плохих национальностей, есть плохие люди». Случаи конфликтных отношений между приезжими и местным сообществом связываются не с национальным или религиозным факторами, а с низким уровнем культуры и социальных компетенций отдельных людей, их склонности к девиантному поведению.

3. Востребованность иностранной рабочей силы на рынке труда и рост уровня заработной платы иностранных трудовых мигрантов. Плюс к этому снижается количество случаев недобросовестного поведения работодателей, так как работодатель ограничен в выборе иностранных работников в силу уменьшения их количества. Вследствие этого социально-экономическое положение иностранного трудового мигранта становится более стабильным и обеспеченным.

4. Представители Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в основном чувствуют себя в безопасности в Красноярском крае. Это еще один фактор, способствующий позитивному социально-психологическому самочувствию мигрантов. Ответы респондентов позволяют выделить два аспекта безопасности – абсолютный и относительный. Первый аспект связан с низким уровнем угроз для мигрантов на территории региона. Как правило, информанты говорят об отсутствии рисков, снижающих ощущение безопасности или о наличии отдельных рисков, которые не оказывают критического влияния на уровень безопасности мигрантов в регионе. Второй аспект безопасности обсуждается респондентами в сравнении угроз, которые имеют место в Красноярске и в других городах, о которых респондентам известно. Отмечается, что в Красноярске создана более безопасная для иностранных работников среда, по сравнению с Иркутском, Новосибирском, Москвой. Ощущение безопасности создается у мигрантов в связи с наличием устойчивого общественного порядка на территории Красноярска, малого количества конфликтов с участием мигрантов, преимущественно бесконфликтных отношений приезжих с местным населением.

5. Улучшение правил, регулирующих процесс прибытия, проживания и трудовой деятельности мигрантов на территории региона. Отмечается, что нормативное регулирование миграционных отношений становится более эффективным по сравнению с предыдущими периодами, и сегодня, при желании и ориентированности на приобретение легального статуса, иностранный работник может получить все необходимые разрешения и документы. Препятствием могут выступить личные факторы, связанные с личностью мигранта – слабое знание русского языка, низкий уровень социальных и коммуникативных компетенций, ориентированность на помощь посредников, ориентированность на нелегальные трудовые отношения с работодателями и др.

6. Организованные в общественном пространстве празднования национальных и религиозных праздников среднеазиатских народов. Это важный повод для мигрантов ощутить свою национально-культурную идентичность, связь с сообществом единоверцев и соотечественников. Ощущение данной связи создает для приезжих своего рода точку опоры в принимающем социуме, ощущение принадлежности к сообществу. Наряду с этим участие в праздниках выполняет рекреационную функцию, что, по мнению экспертов, является важным для иностранных работников.

7. Деятельность национально-культурных объединений также выступает фактором адаптации представителей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Вместе с тем деятельность НКО охватывает относительно небольшой круг соотечественников, по сравнению с общей численностью миграционного сообщества в регионе. Многие мигранты, особенно ориентированные на краткосрочное пребывание в регионе, не знают о своих НКО и не интересуются их работой, так как заняты решением вопросов трудоустройства и заработка. Тем не менее в случае возникновения трудных ситуаций, мигранты находят НКО и обращаются за помощью. НКО тем самым выступает важным фактором поддержки соотечественников в решении возникающих проблем. Наряду с этим НКО занимаются просветительской деятельностью и помощью в установлении связи мигрантов с государственными службами. Данная деятельность также вносит вклад в стабилизацию и гармонизацию существования миграционного сообщества в регионе.

8. Отчасти адаптирующим фактором, влияющим на социально-психологическое самочувствие иностранных работников из стран Центральной Азии, можно назвать деятельность частных посредников и посреднических организаций. Но их роль в данном случае двойственна. С одной стороны, добросовестные посредники помогают мигранту установить связь с работодателем, обеспечивают его трудоустройство, решают вопросы его первичной адаптации. В этом смысле мигрант получает приемлемые для него условия реализации своих социально-экономических потребностей, которые мотивируют его к выезду из своего государства.

При этом частные посредники имеют коммерческие интересы, что заставляет их заявлять более высокую стоимость своих услуг, а отношения между мигрантами и посредниками зачастую реализуются за пределами правового поля, что создает риски конфликтов на фоне неисполнения взятых сторонами обязательств. Таким образом, деятельность посредников, с одной стороны, выступает инструментом адаптации трудовых мигрантов, с другой – порождает риски, угрожающие их благополучию.

Приведенные результаты целесообразно учитывать при планировании и реализации мероприятий в сфере миграционной политики в сибирских регионах.

Список литературы

Андриченко Л.В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2015. – № 10 (226). – С. 5–18.

Громцев О.В. Политические и правовые аспекты регулирования транснациональной трудовой миграции: сравнительный опыт России и стран Западной Европы: дисс. <...> канд. полит. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2015. – 193 с.

Егорова Е.Ю. Адаптация и интеграция мигрантов в России // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 1. – С. 26–27.

Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // Российский совет по международным делам: аналитические статьи. – 2023. – 17.11. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращения: 08.09.2024).

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.

Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 103–112.

Краснов А.Ю. Государственная политика противодействия незаконной миграции: автореф. дисс. <...> канд. полит. наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2010. – 192 с.

Лантева Т.Г. Проблемы языковой интеграции мигрантов // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2009. – Т. 6. – С. 334–336.

Лободанова Д.Л., Стариков И.Г. Анализ основных факторов адаптации мигрантов в инокультурной среде // Вопросы управления. – 2016. – № 6 (43). – С. 121–125.

Очирова А.Б. Проблемы языковой интеграции трудовых мигрантов в российском обществе // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 4. – С. 184–186.

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2014. – № 4 (16). – С. 52–57.

Салимгареева А.Р. Стратегии совладания с жизненными трудностями трудовых мигрантов из стран СНГ в Москве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 78–94.

Татарко А.Н. Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 33–43.

Уорнер У. Социальный класс и социальная структура // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1997. – № 10/11 – С. 42–57.

Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации / Шеломенцев А.Г., Воронина Л.В., Смиренникова Е.В., Уханова А.В. // *Ars Administrandi*. – 2018. – № 3. – С. 396–418.

Шлыкова Д.В. Проблемы социокультурной адаптации детей-мигрантов к школе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 102–110.

Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – № 4. – С. 46–70.

Groenenduk K. Legal concepts of integration in EU migration law // *European journal of migration and law*. – 2004. – Vol. 6, N 2. – P. 111–126.

Home and away: how career adaptability and cultural intelligence facilitate international migrant workers' adjustment / Ocampo A.C.G., Restubog S.L.D., Wang L., Garcia P.R.J.M., Tang R.L. // *Journal of vocational behavior*. – 2022. – Vol. 138. – DOI: 10.1016/j.jvb.2022.103759

Kennan J., Walker J.R. The effect of expected income on individual migration decisions // *Econometrica*. – 2011. – Vol. 79, N 1. – P. 211–251.

Lee E. A Theory of migration // *Demography*. – 1966. – N 1. – P. 47–57.

Nakhaie R. Language proficiency and sociocultural integration of Canadian newcomers // *Applied psycholinguistics*. – 2020. – Vol. 41, N 6. – P. 1437–1464.

Putnam R.D. *Bowling alone: America's declining social capital*. – London: Routledge, 2015. – 800 p.

Tang L., Zhang C. Analysis and mapping of scientific literature on cross-cultural adaptation of global immigrants (1963–2022) // *SAGE Open*. – 2024. – Vol. 14, N 2. – P. 1–25.

Van Riemsdijk M., Basford S., Burnham A. Socio-cultural incorporation of skilled migrants at work: employer and migrant perspectives // *International migration*. – 2016. – Vol. 54, N 3. – P. 20–34.

Wang W.W., Fan C.C. Migrant workers' integration in urban China: experiences in employment, social adaptation, and self-identity // *Eurasian geography and economics*. – 2012. – Vol. 53, N 6. – P. 731–749.

References

Andrichenko L.V. Pravovye mekhanizmy social'noj i kul'turnoj adaptacii i integracii migrantov v Rossijskoj Federacii [Legal mechanisms of social and cultural adaptation and integration of migrants in the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian law]. – 2015. – N 10 (226). – P. 5–18. (In Russian)

Egorova E.Yu. Adaptaciya i integraciya migrantov v Rossii [Adaptation and integration of migrants in Russia]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Scientific notes of the Russian state social university]. – 2012. – N 1. – P. 26–27. (In Russian)

Endryushko A.A. Teoreticheskie podhody k izucheniyu adaptacii migrantov v primayushchem obshchestve: zarubezhnyj opyt [Theoretical approaches to studying the adaptation of migrants in the host society: foreign experience]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2017. – N 4. – P. 46–70. (In Russian)

Faktery migracii v arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii [Factors of migration in the Arctic zone of the Russian Federation] / Shelomencev A.G., Voronina L.V., Smirennikova E.V., Uhanova A.V. *Ars Administrandi*. – 2018. – N 3. – P. 396–418. (In Russian)

Groenenduk K. Legal concepts of integration in EU migration law. *European journal of migration and law*. – 2004. – Vol. 6, N 2. – P. 111–126.

Gromcev O.V. *Politicheskie i pravovye aspekty regulirovaniya transnacional'noj trudovoj migracii: sravnitel'nyj opyt Rossii i stran Zapadnoj Evropy: diss. <...> kand. polit. nauk* [Political and legal aspects of the regulation of transnational labor migration: comparative experience of Russia and Western European countries: dissertation <...> of a candidate of political sciences] / Saint Petersburg State University. – Saint Petersburg, 2015. – 193 p. (In Russian)

Факторы адаптации иностранных трудовых мигрантов в российском регионе

Home and away: how career adaptability and cultural intelligence facilitate international migrant workers' adjustment. Ocampo A.C.G., Restubog S.L.D., Wang L., Garcia P.R.J.M., Tang R.L. *Journal of vocational behavior*. – 2022. – Vol. 138. – 103759. – DOI: 10.1016/j.jvb.2022.103759

Ivahnyuk I. Trudovaya migratsiya v Rossiyu: vzglyad cherez prizmu politicheskikh, ekonomicheskikh i demograficheskikh tendencij [Labor migration to Russia: a view through the prism of political, economic and demographic trends]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam: analiticheskie stat'i* [Russian international affairs council: analytical articles]. – 2023. – 17.11. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskikh/> (accessed: 08.09.2024). (In Russian)

Kennan J., Walker J.R. The effect of expected income on individual migration decisions. *Econometrica*. – 2011. – Vol. 79, N 1. – P. 211–251.

Kollier P. *Iskhod: kak migratsiya izmenyaet nash mir* [Exodus: how migration is changing our world]. Trans. from English by N. Edelman. – Moscow: Publishing house of the Gajdar institute, 2017. – 384 p. (In Russian)

Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. Adaptatsiya i integratsiya mezhdunarodnykh migrantov: teoretiko-metodologicheskie problemy [Adaptation and integration of international migrants: theoretical and methodological problems]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. – 2021. – Vol. 65, N 4. – P. 103–112. (In Russian)

Krasnov A.Yu. *Gosudarstvennaya politika protivodejstviya nezakonnoj migratsii: aftoref. <...> dis. kand. polit. nauk* [State policy to combat illegal migration: abstract of dissertation <...> of a candidate of political sciences]. – Moscow, 2010. – 192 p. (In Russian)

Lapteva T.G. Problemy yazykovoj integratsii migrantov [Problems of linguistic integration of migrants]. *Interespo Geo-Sibir'* [Interexpo Geo-Siberia]. – 2009. – Vol. 6. – P. 334–336. (In Russian)

Lee E.A Theory of migration. *Demography*. – 1966. – N 1. – P. 47–57.

Lobodanova D.L., Starikov I.G. Analiz osnovnykh faktorov adaptatsii migrantov v inokulturnoj srede [Analysis of the main factors of adaptation of migrants in a foreign cultural environment]. *Voprosy upravleniya* [Governance issues]. – 2016. – N 6 (43). – P. 121–125. (In Russian)

Nakhaie R. Language proficiency and sociocultural integration of Canadian newcomers. *Applied psycholinguistics*. – 2020. – Vol. 41, N 6. – P. 1437–1464.

Ochirova A.B. Problemy yazykovoj integratsii trudovykh migrantov v rossijskom obshchestve [Problems of linguistic integration of labor migrants in Russian society]. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti* [Psychology and pedagogy of service activities]. – 2022. – N 4. – P. 184–186. (In Russian)

Putnam R.D. *Bowling alone: America's declining social capital*. – London: Routledge, 2015. – 800 p.

Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E. Vremennaya migratsiya v Rossii: ponyatijnyj apparat, klassifikatsiya i statisticheskij uchet [Temporary migration in Russia: conceptual apparatus, classification and statistical accounting]. *Gumanitarnye nauki*.

Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Bulletin of the Financial university]. – 2014. – N 4 (16). – P. 52–57. (In Russian)

Salimgaraeva A.R. Strategii sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami trudovyh migrantov iz stran SNG v Moskve [Strategies for coping with the life difficulties of labor migrants from the CIS countries in Moscow]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg university. Sociology. – 2021. – Vol. 14, N 1. – P. 78–94. (In Russian)

Shlykova D.V. Problemy sociokul'turnoj adaptacii detej-migrantov k shkole [Problems of sociocultural adaptation of migrant children to school]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]. – 2017. – N 2 (42). – P. 102–110. (In Russian)

Tatarko A.N. Social'nyj kapital i akkul'turacionnye strategii kak faktory sociokul'turnoj adaptacii migrantov iz Central'noj i Srednej Azii v moskovskom regione [Social capital and acculturation strategies as factors of sociocultural adaptation of migrants from Central and Middle Asia in the Moscow region]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology]. – 2018. – Vol. 14, N 2. – P. 33–43. (In Russian)

Tang L., Zhang C. Analysis and mapping of scientific literature on cross-cultural adaptation of global immigrants (1963–2022). *SAGE Open*. – 2024. – Vol. 14, N 2. – P. 1–25.

Uorner U. Social'nyj klass i social'naya struktura [Social class and social structure]. *Rubezh (al'manah social'nyh issledovanij)* [Frontier (almanac of social research)]. – 1997. – N 10–11 – P. 42–57. (In Russian)

Van Riemsdijk M., Basford S., Burnham A. Socio-cultural incorporation of skilled migrants at work: employer and migrant perspectives. *International migration*. – 2016. – Vol. 54, N 3. – P. 20–34.

Wang W.W., Fan C.C. Migrant workers' integration in urban China: experiences in employment, social adaptation, and self-identity. *Eurasian geography and economics*. – 2012. – Vol. 53, N 6. – P. 731–749.

УДК 314.74

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.03

ЧУВЫЧКИНА И.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: BARNARD C., COSTELLO F., BUTLIN S.F. LOW-PAID EU MIGRANT WORKERS: THE HOUSE, THE STREET, THE TOWN. – Bristol: Bristol University Press, 2024. – 249 p. [Барнард К., Костелло Ф., Батлин С.Ф. Низкооплачиваемые трудовые мигранты из ЕС: дом, улица, город]

Аннотация. Рецензируемая книга представляет собой анализ и описание опыта трудящихся-мигрантов из ЕС в период Брексита и пандемии COVID-19 в британском городе Грейт-Ярмут. Авторы исследуют возникающие перед мигрантами трудности, их восприятие и жизненный опыт, а также показывают роль некоммерческой организации, помогающей мигрантам в преодолении юридических проблем.

Ключевые слова: миграция; низкооплачиваемые трудящиеся-мигранты; ЕС; Великобритания; Брексит.

Для цитирования: Чувычкина И.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 47–59. – Рец. на кн.: Barnard C., Costello F., Butlin S.F. Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town. – Bristol: Bristol university press, 2024. – 249 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.03

Рецензия поступила: 16.09.2024.

Принята к публикации: 09.10.2024.

* Чувычкина Инна Александровна – PhD in Economics and Social Sciences, научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН; chuvychkina@yandex.ru

CHUVYCHKINA I.A.** Book review: Barnard C., Costello F., Butlin S.F. Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town

Abstract. The book under review analyses and describes the experiences of EU migrant workers during Brexit and the COVID-19 pandemic in the British town of Great Yarmouth. The authors explore the challenges migrants face, their perceptions and life experience, as well as show the role of an NGO helping migrants overcome legal problems.

Keywords: migration; low-paid migrant workers; EU; UK; Brexit.

For citation: Chuvychkina I.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 47–59. – Book review: Barnard C., Costello F., Butlin S.F. Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town. – Bristol: Bristol university press, 2024. – 249 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.03

Received: 16.09.2024.

Accepted: 09.10.2024.

Брексит и последующее за ним ограничение свободного передвижения и новые правила въезда и регистрации рабочей силы из Европейского союза (ЕС) оказали существенное влияние на рынок труда Великобритании. Особенно сильно произошедшие изменения сказались на положении низкооплачиваемых трудовых мигрантов, усугубив их экономическую и правовую уязвимость. Трудовые мигранты в большинстве случаев заняты на низкоквалифицированных должностях в таких секторах, как сельское хозяйство, строительство, гостиничный бизнес и клининговые услуги. Обычно данные рабочие места предлагают минимальную социальную защиту и характеризуются низкой заработной платой и плохими условиями труда.

** Chuvychkina Inna Alexandrovna – PhD in Economics and Social Sciences, Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; chuvychkina@yandex.ru

Эксплуатация низкоквалифицированных мигрантов может выражаться в низкой заработной плате, незаконных или чрезмерных вычетах со стороны посредников по найму рабочей силы. Помимо этого, в изолированных районах и в ряде секторов (сельское хозяйство, гостиничный бизнес и транспорт), где работодателем предоставляется жилье, работа зачастую осуществляется в отсутствии внешнего контроля условий занятости, что также создает риски эксплуатации. Помимо прочего, отмена права свободного передвижения в результате Брексита также повысила риск трудовой эксплуатации для низкооплачиваемых мигрантов из ЕС. В основе принятой программы урегулирования выхода из ЕС (EU Settlement Scheme, EUSS) находится необходимость определения продолжительности проживания в стране, которая рассматривается как критерий для получения постоянного или предварительного статуса пребывания. Введенная одновременно с Брекситом система баллов (Points Based System, или PBS) уязвляет иммиграцию с рядом экономических и образовательных требований. Низкоквалифицированным трудовым мигрантам с плохим знанием английского языка довольно трудно ориентироваться в нововведениях, что делает их более уязвимыми в случае недобросовестного поведения со стороны местных работодателей или посредников по найму [Currie, 2024 ; Currie, 2022].

В основу рецензируемой монографии легли многолетние исследования в области миграционной политики ЕС и Великобритании и трансформации рынка труда [Barnard, Costello, Butlin, 2024]. Авторы поставили перед собой цель подробно рассмотреть жизнь трудовых мигрантов из ЕС в Великобритании, а также проблемы, с которыми они сталкиваются, и то, как они их решают. На примере жизни рабочих в Грейт-Ярмуте (Great Yarmouth) – бедном приморском городе на востоке Англии – показаны изменения правового статуса трудящихся-мигрантов из ЕС на фоне Брексита и пандемии COVID-19 и их реакция на возникающие юридические проблемы. В фокусе исследователей – жизнь мигрантов из ЕС, в основном из Португалии и стран-членов, вошедших в ЕС после 2004 г., с плохим знанием английского языка и работающих на фабрике по производству продуктов питания в Грейт-Ярмуте и сельскохозяйственных фермах в его окрестностях. Выбор данного города обусловлен тем фактом, что на референдуме 2016 г. о член-

стве Великобритании в ЕС здесь было зафиксировано пятое по величине во всей Великобритании количество голосов за выход из ЕС, и тем, что каждый четвертый житель города является мигрантом из ЕС [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 8]. Помимо этого, описывается также работа и роль благотворительной организации GYROS (Great Yarmouth Refugee and Outreach Support), занимающейся бесплатным консультированием и оказанием помощи беженцам и трудовым мигрантам из ЕС и их семьям. Особенность данной организации заключается в том, что ее консультанты зачастую не имеют юридического образования и сами являются мигрантами из ЕС со схожим опытом пребывания в стране. При этом они оказывают своим клиентам комплексную помощь, выходящую далеко за рамки простых консультаций и предоставления информации. Сотрудники лично звонят и обращаются или сопровождают своих клиентов в государственные учреждения, центр занятости, рекрутинговые агентства и больницы, предоставляя им к тому же свои услуги в качестве переводчиков.

В ходе своего исследования К. Барнард, Ф. Костелло и С.Ф. Батлин использовали смешанные методы grounded theory. Эмпирической основой стала предоставленная GYROS собственная база данных, а также углубленные интервью и фокус-группы с клиентами и консультантами организации GYROS. Данные благотворительной организации представляют собой заметки, сделанные в ходе обращения к ним мигрантов и распределенные по определенным темам (проблемы с жильем, трудоустройство, здравоохранение и пр.). Набор данных содержит 6856 заметок о случаях взаимодействия с почти 1400 гражданами ЕС за период с 2015 по 2020 г. Этнографическое исследование, в ходе которого исследователи проживали в многоквартирном доме-общежитии, где также жили восемь мигрантов, позволило в значительной степени обогатить проведенную авторами работу. Были также проанализированы судебные данные из базы Апелляционного трибунала по трудовым спорам Соединенного Королевства, согласно которым истец нуждался в помощи переводчика или прямо упоминался как трудовой мигрант из стран, присоединившихся к ЕС в 2004 и 2007 гг. Помимо этого был проведен анализ данных о состоянии здоровья трудящихся-мигрантов в свете пандемии COVID-19. Несмотря на ряд ограничений в сборе и анализе данных (вторичные данные,

полученные от GYROS; записи консультантов GYROS, для которых английский не является родным языком; влияние эффекта Хоторна¹ в ходе проведения этнографического исследования) [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 227–234], выбранная методология, по мнению авторов, в полной мере позволила раскрыть и проанализировать проблемы и запросы, возникающие у трудовых мигрантов из ЕС, а также рассмотреть роль некоммерческой организации в оказании им помощи.

В представленной книге жизнь и проблемы мигрантов описываются и анализируются на трех уровнях. На макроуровне описываются особенности города, на мезоуровне фиксируются характеристики улицы St Peter's Road, где располагаются кафе, магазины и конторы, основанные мигрантами. Микроуровень представлен многоквартирным домом-общежитием, где проживают рабочие-мигранты из ЕС, который стал местом проведения этнографического исследования авторов монографии.

Описывая социально-экономический портрет города Грейт-Ярмут (глава 2), авторы дают представление о повседневной жизни его жителей и особо выделяют высокий уровень лишений: некоторые его административные районы входят в число самых неблагополучных в Великобритании; среди жителей трудоспособного возраста 20% получают пособие по безработице; средний доход значительно ниже, чем в соседних городах; жители города также имеют низкий уровень образования. Особой проблемой является то, что большая часть занятости в городе носит сезонный характер – туризм летом и переработка мяса индейки зимой [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 23–25].

Город пережил несколько волн миграции. В первую волну в конце 1980-х годов приезжали жители Португалии и граждане ряда стран Африки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии, имеющие португальское гражданство. В 2004 г., после присоединения к ЕС стран Центральной и Восточной Европы, прибыли мигранты с более высоким уровнем образования, чем в предыдущую волну,

¹ Хоторнский эффект (Hawthorne effect) заключается в том, что люди могут менять свое поведение, когда за ними наблюдают. Данный эффект может проявляться в рамках проведения этнографического изучения, когда исследователь живет в доме с участниками исследования и наблюдает за ними [Oswald, Sherratt, Smith, 2014, p. 53].

но тем не менее готовы работать на местах, требующих квалификации ниже их профессионального уровня. После вступления в ЕС в 2007 г. Румынии и Болгарии и как следствие возникновения третьей волны миграции румыны стали важным источником рабочей силы для местных фабрик и ферм, особенно румыны-рома, которые в основном нанимаются в Румынии местными рекрутинговыми агентствами.

Вплоть до Брексита мигранты восполняли пробел в трудовых ресурсах, возникший в результате отказа местных жителей трудиться на условиях краткосрочной занятости и на низкооплачиваемых местах в сельском хозяйстве (сбор фруктов и переработка пищевых продуктов на птицеводческих фабриках). Как отмечают авторы, несмотря на сегрегированный образ жизни приезжающих, прибытие большого количества относительно бедных мигрантов из ЕС в город с высоким уровнем лишений значительно увеличило степень подозрительности и враждебности по отношению к ним со стороны местных жителей [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 33].

Рассматривая жизнь на улице St Peter's Road, авторы акцентируют внимание на разнообразном сочетании видов предприятий (кафе, мини-супермаркеты, пабы, закусочные, букмекерские конторы и пр., основанные в том числе мигрантами из разных стран), высокой доле арендной недвижимости на ней, некачественном арендном жилье, а также на контрасте нищеты улицы с обновленной и улучшенной набережной, находящейся неподалеку от нее, на благоустройство которой ушли значительные средства.

Что же касается многоквартирного дома-общежития, в котором проходило исследование жизни мигрантов на микроуровне, то авторы подробно описывают жилищные условия и быт в нем. При этом источником данных для исследования стали не только беседы с жителями дома, которые являются мигрантами из Латвии и Литвы, но и с британцем-арендодателем.

Следуя логике обоснованной теории, К. Барнард, Ф. Костелло и С.Ф. Батлин в процессе анализа данных получили материал, который они систематизировали и выстроили на его основе структуру книги по следующим тематическим направлениям, которые определили содержание последующих глав: иммиграция, занятость, жилье, социальное обеспечение и долги, а также здоровье.

В тематическом блоке, связанном с вопросами иммиграции (глава 3), рассматривается влияние на мигрантов программы регулирования выхода из ЕС (EU Settlement Scheme, EUSS) в 2019 г., которая была запущена правительством Великобритании, чтобы дать гражданам ЕС и членам их семей возможность защитить свои права после Брексита. Данная программа предлагала получение нового иммиграционного статуса для граждан ЕС, уже проживающих в Великобритании после выхода из ЕС, необходимость документировать свое право на проживание в Великобритании и доступ к трудоустройству, жилью, социальному обеспечению и здравоохранению. Это являлось обязательным условием для трудовых мигрантов из ЕС, чтобы продолжать жить и работать в стране. Наряду с описанием правовых норм авторы особо отмечают, что у мигрантов в связи с подготовкой и реализацией данной программы зачастую возникало ощущение столкновения с враждебной средой, где их пребывание более не приветствуется [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 63]. Так, у обращавшихся в организацию GYROS возникали следующие проблемы: неосведомленность о необходимости подачи заявления, путаница относительно дат Брексита; низкий уровень цифровых навыков для работы с электронными приложениями и подачи заявлений в режиме онлайн; трудности с подтверждением места жительства для тех, кто работает без трудовых договоров и живет без договоров аренды. Помощь благотворительной организации заключалась в консультировании и сопровождении мигрантов на этапах подачи и подтверждения их заявок.

В тематическом блоке, связанном с анализом занятости и условий труда мигрантов из ЕС (глава 4), обращается внимание на проблемы неформальных рабочих соглашений без оформления трудового договора, тяжелые условия труда и отсутствие контроля или права голоса в отношении распределения своего рабочего времени, а также на проблему необходимости социального дистанцирования и обеспечения средствами индивидуальной защиты в период пандемии. Запросы в организацию GYROS от трудовых мигрантов касались помощи в поиске работы, получения поддержки при взаимодействии с работодателями (помощь в понимании трудовых договоров, материалов по охране труда и технике безопасности и пр.), разрешения проблем, связанных с отсутствием

расчетных листов или невыплатой заработной платы, больничных и отпускных. Вместе с тем авторы исследования отмечают незначительное количество упоминаний консультантов организации GYROS об обращении в трибунал по трудовым спорам (employment tribunal), а также отсутствие направлений от них в правоохранительные органы или в другие юридические службы для обеспечения принудительного исполнения трудовых прав мигрантов. Вместе с тем авторы указывают на прагматичный подход организации, заключающийся в поиске решений путем прямого взаимодействия с работодателем или оказания помощи работнику в быстром переходе на другую работу [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 107].

Другое важное направление исследования касается проблем с жильем в Грейт-Ярмуте (глава 5). Проведенный анализ ситуации на макроуровне показывает, с одной стороны, плохую ситуацию с качеством жилищного фонда, а с другой – доступность дешевого жилья, что способствует криминогенной обстановке в городе. На микроуровне рассматриваются особенности жизни в ветхом некачественном жилье, опыт совместного проживания в общежитиях и возникающие в связи с этим сложности во взаимоотношениях мигрантов, а также с арендодателями, официально не оформляющими документы о сдаче жилья. Большею частью запросы трудящихся-мигрантов в GYROS касались взаимоотношений с недобросовестными арендодателями и плохого качества жилья, потери жилья в связи с увольнением, оплаты муниципального налога или задолженности по арендной плате. Работа консультантов организации в основном заключается в переводе документации на родной язык мигрантов, взаимодействии с арендодателями, сопровождении и помощи на встречах с жилищной и другими городскими службами. Вместе с тем, как отмечают авторы, консультанты предпочитают формальным путям решения проблем (юридическим процедурам) неформальные. Так, например, они предпочтут сначала связаться напрямую с арендодателем, чтобы решить проблему, например с непригодным жильем [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 135]. Исследователи объясняют это тем, что они не обладают достаточной квалификацией в данной области и зачастую полагаются на собственный приобретенный в подобных случаях опыт.

Доступ к социальным пособиям для трудящихся-мигрантов из ЕС и проблемы с их получением представляют собой следующий аспект исследования (глава 6). Авторы наглядно и предметно показывают, что многим сложно ориентироваться в программе получения пособий не только из-за недостаточного знания языка и цифровой неграмотности, но и из-за сложной и запутанной системы социального обеспечения Великобритании и строгих критериев получения социальной помощи, связанных с необходимостью доказать, что они имеют статус «постоянно проживающих» (*habitually resident*) и имеющих «право на проживание» (*right to reside*), чтобы претендовать на определенные пособия [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 136].

Долги также являются распространенной проблемой в силу того, что из-за низкой заработной платы мигранты зачастую живут «от зарплаты до зарплаты». При этом проблемы, связанные с пособиями и долгами, взаимосвязаны: задержки в доступе к пособиям, особенно когда люди сталкиваются с дополнительными проверками их соответствия требованиям системы социальной защиты, означают, что долги быстро накапливаются. К тому же карантин в период пандемии COVID-19 стал еще одной причиной, усугубившей проблему долгов мигрантов. В связи с этим одно из направлений консультаций организации GYROS – помощь в разработке планов погашения задолженности, предоставление практических финансовых советов (к примеру, разделение долгов на категории приоритетных и неприоритетных), услуги устного перевода при обращении в государственные инстанции и письменного перевода документов на родной язык мигрантов, а также по ведению переговоров с кредитором о плане погашения долгов. Иногда консультанты принимают проактивные меры, помогая клиентам актуализировать информацию по счетам за коммунальные услуги, изменять и отменять ее, особенно при смене адреса, чтобы избежать проблем в дальнейшем.

В последнем тематическом блоке (глава 7) рассматриваются проблемы доступа трудовых мигрантов из ЕС и членов их семей к здравоохранению Великобритании. Плохое качество жилья и рабочих мест наряду с тяжелой низкооплачиваемой физической работой и долгами усугубляют социальную депривацию, стресс и беспокойство мигрантов. В рамках своего исследования К. Бар-

нард, Ф. Костелло и С.Ф. Батлин отталкивались от уже опубликованных междисциплинарных работ, в которых были продемонстрированы препятствия в доступе мигрантов к здравоохранению¹. Среди них различаются барьеры на уровне системы и поставщика услуг (право на доступ к услугам, качество получаемой помощи, дискриминационная практика и негативное отношение со стороны персонала) и барьеры на уровне пациента (незнание им местной системы функционирования здравоохранения и того, как их использовать, языковые барьеры и трудности адаптации к новой системе здравоохранения) [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 173].

Рассматривая барьеры на уровне пациента, авторы нашли подтверждения тому, что недостаточные языковые компетенции являются существенной проблемой для сообществ мигрантов в Грейт-Ярмуте при получении услуг здравоохранения. На уровне системы респонденты сообщали о дискриминационных практиках со стороны персонала. К примеру, они рассказывали о какой-либо форме (обычно устной) дискриминационного комментария, особенно риторики в стиле «уезжай домой» [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 179]. Бюрократические препоны в виде требований к оформлению «многочисленных» документов для них также препятствуют полноценному или своевременному получению соответствующих услуг для облегчения или предотвращения проблем со здоровьем. В целом анализ данных свидетельствует о том, что чем выше уровень английского языка у мигранта, тем больше вероятность того, что он получит доступ к услугам здравоохранения и будет содержательно взаимодействовать с врачом общей практики. Анализ данных также указывает на то, что уровень долгосрочных проблем со здоровьем среди рабочих-мигрантов из ЕС в когорте исследуемых приближается к среднему показателю по стране, что говорит о том, что у трудовых мигрантов все чаще возникают проблемы со здоровьем. Это в свою очередь подтверждает предположение авторов, что всевозможные трудности, с которыми

¹ *Jayaweera H.* Access to healthcare for vulnerable migrant women in England: a human security approach // *Current sociology.* – 2018. – Vol. 66, N 2. – P. 273–285; *Access to healthcare for migrant patients in Europe: healthcare discrimination and translation services / Gil-Salmerón A., Katsas K., Riza E., Karnaki P., Linos A.* // *International journal of environmental research and public health.* – 2021. – Vol. 18. – 7901. – DOI: 10.3390/ijerph18157901

сталкиваются мигранты в Великобритании, со временем могут нивелировать эффект «здорового мигранта»¹ [Barnard, Costello, Butlin, 2024, p. 182].

Что касается работы организации GYROS в направлении облегчения доступа мигрантов к здравоохранению, то она сосредоточена в основном на решении повседневных (юридических) проблем. Однако имеет место и превентивный аспект, связанный с тем, что консультанты следят за тем, чтобы их клиенты и члены их семей были зарегистрированы у врача общей практики. Помимо прочего подобная регистрация помогает избежать трудностей с социальными службами (поскольку демонстрирует заботу мигрантов о своих детях). Консультанты оказывают при этом помощь в записи на прием или общении с врачом общей практики; помощь в ответе на письмо из учреждения здравоохранения с просьбой к мигранту доказать свое право на получение соответствующих бесплатных услуг; помощь в подаче заявления на получение пособий, когда мигрант не имеет права на установленное законом оплату больничного листа или больше не может работать из-за болезни; помощь при взаимодействии с работодателем по поводу оплаты больничного листа и т.д.

В заключение (глава 8) авторы обобщают результаты исследования опыта трудовых мигрантов из ЕС в отдельно взятом городе Грейт-Ярмут и особо подчеркивают выявленное ими негативное влияние на качество жизни мигрантов из ЕС в Великобритании неопределенности и нестабильности, выражающихся в ненадежной (с минимум социальных гарантий) работе, плохих условиях труда, низком качестве жилищных условий и ограниченном доступе к социальной защите.

Представленное в монографии исследование детально описывает и анализирует повседневные проблемы рабочих-мигрантов из ЕС. Несмотря на то, что возникающие у них проблемы по большому счету свойственны сообществам мигрантов в целом, уникальность и значимый вклад исследования заключается в изучении взаимодействия консультантов некоммерческой организа-

¹Эффект «здорового мигранта» заключается в том, что мигранты, как правило, изначально обладают хорошим физическим ресурсом, позволяющим им переезжать в новую страну и устраиваться там на работу [Кислицына, 2013].

ции GYROS с обращающимися к ним мигрантами и подходах консультантов к решению их проблем. Кроме того, авторы предлагают идею теоретического обоснования для своего и последующих исследований в рамках концепции прагматического права¹.

На протяжении всей книги многократно подчеркивается прагматичность работников организации, которые в большинстве своем не имеют юридического образования, но все же стремятся разрешать ситуации, исходя из своего опыта и понимания. Закон при этом часто рассматривается ими как набор правил, которые необходимо соблюдать или обходить. В связи с этим авторы обоснованно отмечают риски и ограничения данного проблемно ориентированного подхода, связанные с обеспечением качества консультаций и уровнем правосознания консультантов. Тем не менее, несмотря на то что подход работников GYROS сильно отличается от традиционных юридических консультаций, описанный авторами опыт их взаимодействия с мигрантами позволяет составить более полную картину запросов и обращений мигрантов в правовой сфере Великобритании.

В целом, приведенные в книге правовые и социальные аспекты миграционной политики Великобритании, повседневные проблемы и практики их решения трудящимися-мигрантами из ЕС будут интересны научным сотрудникам и студентам, работникам социальных служб и социально ориентированных некоммерческих организаций.

¹ Отметим, что концепция прагматичного права (юридического прагматизма) подразумевает гибкий подход к проблемам с учетом контекста и обстоятельств. Правовой прагматизм интерпретирует и применяет право для достижения практических результатов, критикуя при этом правовой формализм и догматизм. Юридический прагматизм утверждает, что право следует понимать через жизненный опыт, а не абстрактные теории. Также подчеркивается необходимость для судей учитывать социальные последствия своих решений, признавая, что право формируется и трансформируется под влиянием социальных, политических и экономических факторов. Критика данной концепции заключается в том, что находящийся в ее основе подход может подорвать стабильность и предсказуемость, традиционно связанные с правовыми системами.

Кислицына О.А. Различия в состоянии здоровья мигрантов и коренного населения в России и других странах Европейского региона // Социальные аспекты здоровья населения. – 2013. – № 3. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/478/30/lang,ru/> (дата обращения: 09.10.2024).

Barnard C., Costello F., Butlin S.F. *Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town*. – Bristol: Bristol university press, 2024. – 249 p.

Currie S. Brexit-Precipitated or free movement-facilitated? Labour exploitation of EU migrants in the UK // *Modern slavery in global context human rights, law, and society* / ed. by E.A. Faulkner. – Bristol: Bristol university press, 2024. – P. 197–219.

Currie S. Scapegoats and Guinea pigs: free movement as a pathway to confined labour market citizenship for European Union accession migrants in the UK // *Industrial law journal*. – 2022. – Vol. 51, N 2. – P. 277–317.

Oswald D., Sherratt F., Smith S. Handling the Hawthorne effect: the challenges surrounding a participant observer // *Review of social studies*. – 2014. – Vol. 1, N 1. – P. 53–73.

References

Barnard C., Costello F., Butlin S.F. *Low-paid EU migrant workers: the house, the street, the town*. – Bristol: Bristol university press, 2024. – 249 p.

Currie S. Brexit-Precipitated or free movement-facilitated? Labour exploitation of EU migrants in the UK. *Modern slavery in global context human rights, law, and society*. Ed. by E.A. Faulkner. – Bristol: Bristol university press, 2024. – P. 197–219.

Currie S. Scapegoats and Guinea pigs: free movement as a pathway to confined labour market citizenship for European Union accession migrants in the UK. *Industrial law journal*. – 2022. – Vol. 51, N 2. – P. 277–317.

Kislitsyna O.A. Razlichiya v sostoyanii zdorov'ya migrantov i korenogo naseleniya v Rossii i drugih stranah Yevropeyskogo regiona [Differences in the health status of migrants and the indigenous population in Russia and other countries of the European region]. *Social'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social aspects of population health]. – 2013. – N 3. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/478/30/lang,ru/> (accessed: 09.10.2024). (In Russian)

Oswald D., Sherratt F., Smith S. Handling the Hawthorne effect: the challenges surrounding a participant observer. *Review of social studies*. – 2014. – Vol. 1, N 1. – P. 53–73.

УДК 325.2; 316.4.06; 316.347

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.04

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* ЭТНИЧЕСКИЕ ДИАСПОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ПОРОЖДЕНИЕ И ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ

Аннотация. Цель исследования – анализ этнических диаспор современной России в контексте теории культурной травмы. В статье рассматриваются диаспоры, созданные сообществами, государственность которых находится вне России и сформировалась в результате распада Советского Союза. Эти страны относятся к обществам культурной травмы, как минимум в силу обстоятельств своего возникновения и последующих деструктивных событий (войны, религиозные и межэтнические конфликты и др.). Установлено, что современные этнические диаспоры, порожденные выходцами из таких стран, обладают мощным культурно травмогенным потенциалом. Показано, что воспроизводство культурных травм, вызванных прошлым жизненным опытом мигрантов и их продуцирование в стране пребывания относится к важнейшим латентным функциям этнонациональных диаспор в современной России. Выявлен феномен «бинарной культурной травмы», который отражает сочетание последствий предшествующего травмирующего опыта, полученного этническим мигрантом на его исторической родине, и травмогенных ситуаций в стране пребывания.

Ключевые слова: этнические диаспоры; трансграничные мигранты; общество травмы; бинарная культурная травма; социальная архаизация; социальный тип личности «человек избегающий»; социальная архаизация.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы

Для цитирования: Немировский В.Г. Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 60–89. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.04

Статья поступила: 17.09.2024.

Принята к публикации: 10.10.2024.

NEMIROVSKY V.G.** Ethnic diasporas in modern Russia as a product and source of cultural trauma

Abstract. The purpose of the study is to analyze ethnic diasporas of modern Russia in the context of the theory of cultural trauma. The article examines diasporas created by communities whose statehood is located outside Russia and was formed as a result of the collapse of the Soviet Union. These countries belong to societies of cultural trauma, at least due to the circumstances of their origin and subsequent destructive events (wars, religious and interethnic conflicts, etc.). It has been established that modern ethnic diasporas generated by immigrants from such countries have a powerful cultural traumatic potential. It is shown that the reproduction of cultural traumas generated by the past life experience of migrants and their production in the host country belongs to the most important latent functions of ethnonational diasporas in modern Russia. The phenomenon of “binary cultural trauma” is revealed, which reflects the combination of the consequences of the previous traumatic experience sustained by an ethnic migrant in his historical homeland and traumatic situations in the host country.

Keywords: ethnic diasporas; cross-border migrants; trauma society; binary cultural trauma; social archaization; social personality type “avoidant person”; social archaization.

For citation: Nemirovsky V.G. Ethnic diasporas in modern Russia as a product and source of cultural trauma. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sci-

** Nemirovsky Valentin Gennad'evich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

ences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 60–89. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.04

Received: 17.09.2024.

Accepted: 10.10.2024.

Введение

Актуальность. В наиболее общем виде под диаспорами понимают сообщества людей, проживающих за пределами своей исторической родины. В условиях современной России влияние этнических диаспор на социальные, культурные, экономические и политические процессы трудно переоценить. Как показывает социальная практика последних лет, оно может быть не только позитивным, но и негативным. Так, в ряде случаев диаспоры могут стать причиной межнациональных конфликтов или политической нестабильности в различных регионах страны. Это предопределяет актуальность их социологического анализа, в том числе с позиции ей концепции общества травмы.

В частности, на влияние разнообразных культурно травматических факторов, действующих в российском обществе в последнее десятилетие (пандемия COVID-19 и связанные с ней социальные ограничения, специальная военная операция на Украине, режим контртеррористической операции в трех западных регионах страны и др.), накладывается перманентная этнокультурная травматизация, источниками которой выступают различные этнические диаспоры и национальные сообщества.

Рассматриваемые нами этнические диаспоры возникли в большинстве случаев как следствие социальных катастроф и культурных травм, которые лежат в основе появления на международной арене постсоветских государств. Именно из них наблюдается наиболее высокий миграционный поток в Российскую Федерацию, формирующий многочисленные этнические диаспоры выходцев из республик, входивших прежде в Советский Союз. Это – республики Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Данные диаспоры существенно различаются между собой по множеству важных параметров, которые влияют на интеграцию мигрантов в стране пребывания: степень модернизованности страны исхода,

национальные традиции, в том числе усвоенные гендерные стереотипы, специфика и укорененность религиозных доктрин и норм, уровень профессиональной подготовки и владения русским языком, цели иммиграции, жизненные стратегии и многое другое.

Соответственно, проблема исследования – это противоречие между наличием культурных травм, имеющих двойной генезис (во-первых, возникших под влиянием многих факторов еще в период их жизни на своей исторической родине, во-вторых, связанных с включением в непривычную социокультурную ситуацию) у большинства представителей этнических диаспор, образованных в современной России мигрантами из республик бывшего СССР – с одной стороны, и недостаточным учетом этого фактора в миграционной политике, проводимой властями нашей страны, – с другой.

Цель исследования – анализ этнических диаспор современной России в контексте концепции культурной травмы. Объект – этнические диаспоры, образованные мигрантами, которые являются выходцами из стран – бывших республик СССР. Предмет – культурная травмированность и травмогенность этнических диаспор в современной Российской Федерации.

Методология исследования

Мы опираемся на теории, трактующие социальную действительность с позиции концепта общества травмы. В данном контексте это работы, авторами которых являются Р. Айерман, Дж. Александер, Ж.Т. Тощенко, П. Штомпка. Не вдаваясь в специфику различных подходов к трактовке культурной травмы, отметим, что, в частности, Р. Айерман травму обозначает как «процесс, цель которого – восстановить или перенастроить коллективную идентичность с помощью коллективного представления» [Айерман, 2016, с. 46].

Концепция Р. Айермана, который связывает травму с идентичностью, а также анализирует ее во взаимосвязи с коллективными и культурными травмами, представляется нам перспективной для изучения этнических диаспор, поскольку возникновение последних связано именно с трансформацией различных видов идентичности.

Макросоциологический подход Ж.Т. Тощенко основан прежде всего на трудах Дж. Александера и П. Штомпки. Исследователь обосновал, что изменения, которые происходят в мире, становятся все сложнее описывать с помощью категорий «эволюция» и «революция»; автор вводит понятие «общество травмы», подробно характеризуя его отличительные особенности [Тощенко, 2020]. Им сделан вывод, в соответствии с которым «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путем, обусловленным социальной травмой в ее развитии» [Тощенко, 2020, с. 11]. Постсоветские государства, мигранты из которых создали на территории современной России крупные этнические диаспоры: республики Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан – также, согласно характеристике Ж.Т. Тощенко (наряду с десятками других стран мира), являются обществами травмы. Главным фактором их возникновения является распад Советского Союза и в последовавшие за ним кровопролитные конфликты и гражданские войны в республиках, когда-то входивших в состав единого государства.

Еще одним методологическим основанием настоящего исследования выступает разрабатываемая нами концепция «социальной типологии личности в обществе травмы» [Немировский, 2024, с. 211].

Дело в том, что в условиях социокультурной травмированности любого общества формируются специфические социальные типы личности. Нами был использован один из важнейших защитных механизмов личности – избегание человеком пережитых им травмирующих ситуаций – как основание для выделения специфического социального типа личности «человек избегающий», который преобладает в обществе травмы. Критерием отнесения личности к данному социальному типу выступает наличие посттравматической мотивации, лежащей в основе манифестируемых респондентом ценностных ориентаций и соответствующего социального поведения [там же, с. 201].

Обзор литературы

1. Понятие диаспоры

Тематика диаспор получила значительное развитие в 90-е годы прошлого века. В исследованиях Р. Брубейкера и других зарубежных ученых диаспоры были охарактеризованы как транснациональные сообщества. Сложилось научное представление об этом социальном феномене, в соответствии с которым диаспора представляет собой нечто большее, чем просто локальное объединение людей, оказавшихся за пределами своей исторической родины.

На основе изучения существующих в современной науке концепций, О.Б. Леонтьева и Л.Г. Мкртчян делают вывод, что «диаспора трактуется в современной науке как особая общность “чужаков”, оторванных от исторической родины и живущих в иноэтническом / инополитическом пространстве, связанных общей ностальгической идентичностью и коллективной памятью, поддерживающих широкую сеть внутригрупповых коммуникаций и способных к самоорганизации в целях социальной поддержки членов группы» [Леонтьева, Мкртчян, 2020, с. 10]. Г.И. Осадчая и соавторы полагают, что «диаспора – это любое этническое или профессиональное меньшинство, проживающее в инородном окружении и объединенное общим самосознанием, выражающимся в чувстве групповой солидарности». При этом «обладание специфическими трудовыми навыками – характерная особенность для представителей диаспорного меньшинства» [Феномен диаспоры ... , 2021, с. 5].

По мнению Т.В. Черевичко, «диаспора – это этническая совокупность людей, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социально-экономические институты для развития и функционирования данной общности. Диаспора, оставаясь этническим сообществом, является и институциональной структурой» [Черевичко, 2022, с. 156].

В этой связи трудно не согласиться с мнением Н.С. Аветян. Исследователь, опираясь на анализ представленных в современной социологии подходов, отмечает крайнюю сложность изучаемого явления, которая «предполагает неизбежность наличия различных подходов к пониманию феномена диаспоры. В результате под

“диаспорой” понимается и процесс расселения, и этническая общность, и интеграционные возможности мигрантов, устойчивость созданных институтов, взаимоотношения общности и принимающей среды» [Аветян, 2021, с. 65].

Наиболее плодотворным в данном контексте нам представляется подход, который был реализован в работе Дж. Гроссмана [Grossman, 2019]. В процессе своего исследования ученый создал базу данных, состоящую из высокоцитируемых статей по социальным и гуманитарным наукам, в которых приводится определение диаспоры. Используя программное обеспечение для качественного анализа данных, автор закодировал и объединил наиболее распространенные в этих дефинициях атрибуты диаспоры. В результате были установлены признаки, которые фигурируют по крайней мере в половине определений, с использованием которых он предложил «всеобъемлющее определение диаспоры»: «транснациональное сообщество, члены которого (или их предки) эмигрировали или были рассеяны со своей первоначальной родины, но остаются ориентированными на нее и сохраняют групповую идентичность» [Grossman, 2019, p. 1267]. Нам представляется логичным опираться на него в качестве рабочего.

2. Типология диаспор

Одним из важных аспектов изучения этнических диаспор является их типологизация. В современной научной практике широко используются типологии, разработанные учеными в конце прошлого – начале нынешнего века.

Так, критерием для типологизации диаспор, которую разработал Дж.А. Армстронг, выступает характер взаимодействия с принявшим их государством. Автор выделяет два типа диаспор: «мобилизованные» и «пролетарские». Первые имеют длительную и непростую историю, обладают способностью адаптироваться в принимающей стране и имеют иные материальные и культурные преимущества по сравнению с иными диаспорами. К данному типу диаспор Дж.А. Армстронг относит прежде всего еврейскую диаспору (называя ее архетипической, т.е. изначальной диаспорой) и армянскую. «Пролетарскими» диаспорами он называет молодые, недавно образовавшиеся этнические сообщества, считая их «не-

удачным продуктом современной политики» [Armstrong, 1976, р. 393].

В современной научной литературе широко используется термин «диаспора катаклизма», обоснованный и введенный Р. Брубейкером. Возникновение подобных диаспор, как полагает автор, происходит в результате распада государств и изменения их территориальных границ. Иными словами, они возникают не потому, что люди пересекают границы государств, а вследствие перенесения самих границ. Диаспоры данного типа являются более компактными, по сравнению с трудовыми диаспорами, которые нередко бывают слабо укорененными в принимающих странах [Brubaker, 2000].

По мнению Г. Шеффера, который использует различные критерии для построения собственной типологии диаспор, наиболее широко распространены «этнонациональные» диаспоры, опирающиеся на существование своего «государства исхода». Есть также диаспоры «разбросанные» и диаспоры «компактные». Автор называет «диаспоры с глубокими историческими корнями» (сюда входят армянские, еврейские и китайские); «молодые» диаспоры (по его мнению, они формируются в период с 1990 по 2009 г. греками, поляками и турками); «дремлющие» диаспоры (американцы в Европе и Азии и скандинавы в США); «зарождающиеся», которые находящиеся только на начальной стадии своего становления (корейцы, филиппинцы, а также русские в бывших советских республиках только начинают их формировать); «бездомные», т.е. не имеющие «родного» государства (курдские диаспоры, палестинские и цыганские) [Шеффер, 2003].

Р. Коэн для типологизации диаспор использовал такой критерий, как вид деятельности, который привел к ее возникновению; тем самым выделяются следующие типы: диаспоры – жертвы (еврейская, африканские, армянская, палестинская), трудовые диаспоры (индийская), торговые (китайская), имперские (британская, французская, испанская, португальская), культурные диаспоры (диаспоры Карибского бассейна) [Cohen, 2023, р. 31].

Одним из распространенных критериев типологизации диаспор выступает степень их идентификации с представителями страны проживания. Так, представительные социологические исследования показывают, что «выходцы из Средней Азии находятся

на промежуточной позиции среди мигрантов из других постсоветских государств по сохранению идентификации с людьми своей национальности, веры и земляками. При этом *лишь около трети* (выделено автором) приезжих из Киргизии, Таджикистана Узбекистана идентифицируют себя с гражданами России (жителями того поселения, в котором они проживали на момент проведения опроса)» [Адаптация и интеграция мигрантов ... , 2022, с. 297].

Среди современных отечественных публикаций, посвященных данному вопросу, заслуживает внимания типология диаспорных сообществ Юга России, разработанная А.В. Бедрик и В.П. Войтенко с использованием исторического (временного) критерия, который дает возможности осуществления межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество. Авторами выделено три группы диаспорных сообществ на Юге России: «досоветские диаспоры», «советские диаспоры», «постсоветские диаспоры» [Бедрик, Войтенко, 2023, с. 160].

Ученые приходят к заключению, что данные типы диаспор (диаспорных сообществ) реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, и существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степени выраженности миграционных установок среди молодежи. Согласно результатам их исследований, тип диаспорного сообщества определяет набор соответствующих инструментов управленческого воздействия со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в рамках реализации мероприятий государственной национальной политики, а также конкретизирует меры профилактики деструктивных форм межэтнического взаимодействия в регионе, в том числе с участием официальных институтов диаспорных групп [там же, с. 165].

Представляется, что проблема типологизации диаспор, по сути, неисчерпаема, поскольку для этого могут быть использованы самые разнообразные критерии, в зависимости от цели конкретного исследования и применяемого теоретико-методологического подхода. Вместе с тем учет типологических характеристик той или

иной диаспоры весьма важен для построения эффективного взаимодействия с ней органов государственной власти.

3. Методологические подходы к изучению диаспоры

Для социологического анализа диаспор в современной науке используются разнообразные методологические подходы. Так, методологическую базу исследования, представленного в статье А.В. Бедрик и В.П. Войтенко составляет неоинституционализм Д. Норта, а также социокультурный подход, представленный в работах Р. Мертона [Бедрик, Войтенко, 2023, с. 160].

Т.В. Черевичко рассматривает диаспору с позиций институционального подхода [Черевичко, 2022], что позволяет ей сделать следующий вывод: «Диаспора как институт определяет поведение и взаимодействие субъектов сообщества, и прежде всего их хозяйствование. Следует отметить, что данный институт можно рассматривать и как элемент целостной институциональной среды, и как самостоятельный институт, имеющий внутреннюю организацию и включающий отдельные микроинституты – бизнес, нормы и права, традиции и обычаи» [там же, с. 156].

А. Мижич в процессе анализа диаспор использует социологию знаний. В частности, осуществленный ей герменевтический анализ нарративных интервью с боснийско-австрийцами выявляет существенные различия между бывшими детьми-беженцами и теми, кто пережил войну и миграцию в подростковом возрасте [Mijić, 2022].

Опираясь на подход П. Бурдьё и вводя понятие «поле», изучает современные диаспоры П. Табар. Автор утверждает, что поле диаспоры должно быть отделено от транснационального поля. По его мнению, действия групп диаспоры по отношению к своей родине лучше всего изучать независимо. «Концепция “поля” подчеркивает властные отношения, которые определяют влияние денежных переводов из диаспоры, и выдвигает на первый план центральную роль государства в отношениях между диаспорой и родиной» [Tabar, 2020, p. 455].

Для анализа отношения между гражданами, национальными государствами, общинами коренных народов и диаспорой в киберпространстве, Дж. Сингх использует теории Б. Андерсона о

воображаемых сообществах и М. Фуко о знаниях и власти [Singh, 2023].

В последние годы при изучении диаспор авторы нередко обращаются к теории секьюритизации. Так, в статье Й. Абрамсона предпринята попытка концептуализировать секьюритизацию диаспоры, определяемую здесь как использование дискурса, который представляет «диаспорические» группы населения в качестве объектов безопасности [Abramson, 2024, p. 78].

Определенное распространение в сфере изучения диаспор получила концепция «новых этнических групп» Стюарта Холла, которая характеризует принадлежность к (пост)мигрантам, концентрируясь не на силе инаковости, а скорее на агентивной силе групп диаспоры, борющихся с их эссенциализацией и маргинализацией [Becker, 2024].

4. Анализ этнических диаспор в России в контексте цифровизации общественной жизни

Значительное число социологических публикаций посвящено анализу влияния цифровизации общественной жизни на процессы, происходящие в этнических диаспорах современной России. Так, Т.Н. Каменева и соавторы рассматривают интернет-технологии как механизмы диаспорной коммуникации и реализации коммуникативного капитала диаспоры в процессе адаптации иностранного студента и его интеграции в новые социокультурные условия и образовательную среду вуза [Каменева, Кунилова, Целуйко, 2022].

К.Д. Кунилова и соавторы изучают диаспоры как субъекты этнокультурной коммуникации иностранных студентов в образовательной среде вуза, в том числе в условиях развития цифровых форм взаимодействия (социальные сети, мессенджеры, сеть Интернет) [Кунилова, Каменева, Воробьев, 2023]. Авторы приходят к выводу, согласно которому «...сегодня диаспора выступает в качестве особой национальной, культурной и религиозной группы, которая локализуется вне территории своего происхождения и при этом несет в себе вполне конкретную миссию» [там же, с. 58].

Ю.Г. Волков и соавторы используют понятие «цифровой мигрант» для обозначения мигранта, который реализует свои инфор-

мационные потребности посредством информационных цифровых технологий, что формирует новые тренды международных миграционных процессов, среди которых можно выделить глобальную информатизацию [Волков, Кривопусков, Курбатов, 2021]. В публикации раскрывается термин «цифровая диаспора», под которым понимается электронная платформа, используемая в качестве информационной базы «для цифровой адаптации мигрантов и формирования их виртуальной идентичности, приобретающей все более транснациональный характер» [там же, с. 102].

С.С. Бразевич показывает, как трансфер офлайн-сетей мигрантов в формат виртуальных этнокомпьюнити («цифровых диаспор») трансформирует не только природу коммуникаций внутри социальных сетей мигрантов, но и их функции социального «квазиинститута» для устройства жизни мигранта внутри / вне принимающего сообщества [Бразевич, 2023].

В статье Д.О. Тимошкина рассматриваются репрезентации диаспоры в текстах, опубликованных на цифровых коммуникационных площадках трансграничных мигрантов, прибывающих в Россию [Тимошкин, 2022].

5. Исследования конкретных этнических диаспор в России

В современной отечественной социологии активно изучаются различные этнические диаспоры; например, И.А. Танчук исследует таджикскую диаспору в Москве [Танчук, 2022]. В статье Т.Н. Юдиной и Д.А. Бесфамильного рассматривается этнонациональный дискурс таджикских и киргизских мигрантов в социальных сетях с использованием материалов их виртуальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» [Юдина, Бесфамильный, 2023].

Целый ряд серьезных публикаций посвящен анализу армянской диаспоры в России и свидетельствует о ее высокой социокультурной интегрированности в российский социум. Вместе с тем имеют место и противоречивые тенденции. Так, согласно исследованиям, проведенным в России и Армении, результаты которых представлены Г.А. Погосяном и Г.И. Осадчей, «Современное состояние армянской диаспоры в России свидетельствует о наличии в ней определенных дивергентных тенденций: с одной стороны,

это исторически присущее армянской диаспоре стремление интегрироваться в социально-экономическую жизнь России, а с другой – определенные настроения к репатриации на фоне современных санкционных процессов в России и специальной военной операции на Украине» [Погосян, Осадчая, 2023, с. 52]. Современные подходы к изучению этнических диаспор, используя их для анализа некоторых аспектов жизни армянской диаспоры в России, рассматривают О.Б. Леонтьева и Л.Г. Мкртчян [Леонтьева, Мкртчян, 2020]. В статье О.Н. Бариновой и соавторов показаны результаты исследований армянской диаспоры в Мордовии [Баринова, Кузина, Манаева, 2024]. Социологическому анализу различных сторон жизни армянской диаспоры (на материалах социологического исследования среди 250 студентов армянского происхождения, которые обучаются в МГИМО) посвящена статья А.Р. Агабабян [Агабабян, 2022]. А.И. Донцов и Т.Г. Стефаненко, с использованием широкого спектра методик, в том числе – психологических, а также факторного анализа проанализировали «влияние культурной травмы, оставленной геноцидом турок, на этническую идентичность армян», проживающих в г. Москве [Донцов, Стефаненко, 2017, с. 70]. Согласно результатам данного исследования, «в рассмотрении идентичности армян через восприятие ими турок как этноса, проявляется значимое и научно подтвержденное влияние на этническую идентичность армян культурной памяти армянского народа о геноциде. Именно культурно-историческая память, как одно из базовых условий формирования армянской этнической идентичности (культурно становящейся, в том числе, и на указанном противопоставлении), влияет на столь сильное отрицательное эмоциональное отношение современных армян к современным туркам» [там же, с. 74].

Г.И. Осадчая и М.Л. Вартанова изучали возможности диаспоры для формирования социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России [Осадчая, Вартанова, 2023]. В результате исследования авторы пришли к выводу, согласно которому в процессе интеграции мигранты «либо занимают свободные зоны в народнохозяйственной системе, либо перенимают собственные формы хозяйственной деятельности, связанные с этнокультурными традициями» [там же, с. 209].

Т. Торосян и А. Варданын небезосновательно считают, что современная армянская диаспора становится гетерогенным феноменом. Согласно классификации, предложенной Р. Коэном, армянская диаспора традиционно считалась диаспорой-жертвой. Вместе с тем после распада СССР значительное количество армян, покинувших свою родину, создали новые сообщества, которые радикально отличаются от сообществ, возникших ранее. Вследствие этого меняется и природа диаспор, которые «превращаются в единицу, состоящую из разнородных сообществ, что вызывает серьезные трудности, во-первых, в вопросе формирования отношений между разнородными сообществами и обеспечения единства диаспоры, во-вторых, в вопросе отношений диаспоры с родиной и, в-третьих, в вопросе отношений со страной пребывания» [Torosyan, Vardanyan, p. 19].

Представленный выше обзор литературы по теме исследования показывает высокий уровень внимания социологов к анализу различных аспектов жизни этнических диаспор. При этом проблематика культурной травмы как фактора возникновения и функционирования диаспор, на наш взгляд, в целом остается недостаточно освещенной.

Результаты исследования

Важно учитывать, что этнические мигранты, прибывающие в нашу страну из постсоветских республик, не только являются носителями многочисленных культурных травм, полученных у себя на родине, связанных как с событиями прошлого, например Гражданской войной, массовым голодом во времена СССР, Великой Отечественной войной, сталинскими репрессиям, распадом Советского Союза и др., так и с последующими культурными травмами, вызванными последствиями жестоких кровопролитных межнациональных и религиозных столкновений внутри новых государственных образований, внешних военных действий между ними и др.

Но и сам переезд в Россию носит для большинства из них характер глубокой культурной травмы, усугубляемой иной религиозной принадлежностью – в случае прибытия мигранта из стран Средней Азии (в том числе и приверженностью некоторых групп

мигрантов экстремистским религиозно-политическим воззрениям), часто патриархальными национальными традициями, слабым владением многими мигрантами русским языком или вообще его незнанием, а также влиянием антироссийской и антирусской пропаганды, «переписыванием» совместной истории, формированием представлений о Советском Союзе и современной России как государствах-поработителях и эксплуататорах их республики.

Тем самым возникает феномен «бинарной культурной травмы» мигранта, когда на последствия травмирующего опыта предшествующей жизни в своей республике накладывается включение в травмогенные ситуации в стране пребывания.

Поэтому целесообразно согласиться с мнением, согласно которому «Мигрант является потенциальным носителем культурной травмы, потому что обладает определенным социальным опытом, не соответствующим той ситуации, в которой он в данный момент находится. Разумеется, само по себе это несоответствие не способно запустить психологический механизм травматизации, но при наличии дополнительных факторов (например, экономической нестабильности или несоответствия ценностных ожиданий) произойдет актуализация травматического опыта» [Аникин, Головашина, 2017, с. 80].

Характер формирования и воспроизводства культурных травм в этнических диаспорах во многом зависит от ряда факторов: позиции принимающего общества; продолжительности пребывания мигранта в новой культурной среде, вида миграции, интенсивности контактов со страной исхода, а также от особенности культурной памяти страны исхода или соответствующего сообщества мигрантов [Линченко, 2020].

Наряду с другими факторами существенную роль в распространении привнесенных мигрантами культурных травм играет численность этнических диаспор. Назвать точную численность этнических диаспор, сформированных мигрантами из республик, прежде входящих в состав Советского Союза, невозможно, поскольку их количественная оценка с учетом процесса незаконной миграции и сложности статистического учета мигрантов затруднительна. В существующих публикациях приводятся различные, часто несовпадающие, данные. Например, Э. Гольдман по состоянию на 2022 г. называет следующие цифры: армяне (до 2,5 млн), азер-

Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы

байджанцы (до 2 млн), узбеки (до 2 млн), грузины (до 500 тыс.), таджики (до 500 тыс.), молдаване (до 600 тыс.), украинцы (до 5 млн), белорусы (до 500 тыс.), киргизы (650 тыс.)¹.

Учитывая активные миграционные процессы, подобные диаспоры имеют тенденцию быстрого роста. В целом, принимая во внимание как официальных, так и незарегистрированных мигрантов, можно предположить, что каждая из этих диаспор в настоящее время составляет не менее одного миллиона человек. А украинская, армянская, азербайджанская, узбекская могут включать несколько миллионов выходцев из сопредельных государств.

Согласно данным Росстата, только в 2023 г. наибольшее число мигрантов прибыло из постсоветских государств: Таджикистана – 171 232 чел., Украины – 50 929 чел., Армении – 48 885 чел., Казахстана – 48 465 чел., Киргизии – 54 162 чел., Узбекистана – 44 536 чел., Азербайджана – 24 340 чел., Молдовы – 22 502 чел., Туркмении – 13 345 чел., Белоруссии – 12 496 чел. [Численность и миграция ... , 2023].

Существуют и иные важные показатели воздействия этнических диаспор на социальные процессы в нашем обществе, например, степень включенности их представителей в органы государственной и муниципальной власти, силовые структуры, активность действий бывший страны проживания данных мигрантов, направленных на их поддержку, и многое другое. Однако использование подобных показателей требует специального анализа, который выходит за рамки нашего исследования.

Безусловно, социокультурная интеграция мигрантов в принимающее сообщество может смягчать некоторые последствия их собственной травматизации. Так, А.А. Эндрюшко на данных общероссийского опроса трудовых мигрантов и региональных исследований в 19 субъектах Российской Федерации делает эмпирически обоснованный вывод, «что мигранты из Азербайджана занимают в целом промежуточное положение между наиболее интегрированными выходцами с Украины, из Беларуси и Армении, с

¹ Гольдман Э. Самые многочисленные диаспоры в России / Узнай Россию. – 2022. – 01.06. – URL: <https://rbth.ru/read/2071-largest-diasporas-russia> (дата обращения: 25.09.2024).

одной стороны, и наименее интегрированными представителями стран Средней Азии – с другой» [Эндрюшко, 2020, с. 84].

Как видим, выходцы из мусульманских государств Средней Азии (Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана), образовавшихся в результате распада СССР, с большим трудом «вписываются» в современный российский социум. Очевидно, что такая ситуация во многом связана с их специфическим национальным менталитетом, социально-культурными традициями, часто невысоким уровнем образования, недостаточной профессиональной подготовкой. Вместе с тем, на наш взгляд, это может свидетельствовать об их исходной более высокой культурной травмированности по сравнению с другими мигрантами. В любом случае, более высокому риску культурной травмы подвергаются и взаимодействующие с ними представители автохтонного населения России.

Одним из серьезных показателей низкой интегрированности мигрантов выступает высокий уровень их противоправных действий. Согласно данным СК РФ в 2023 г., по сравнению с предшествующим годом «более чем втрое увеличилось число преступлений, совершенных лицами, незаконно находящимися на территории РФ: с 1787 до 6082. Также растет количество криминальных проявлений со стороны трудовых мигрантов», – говорится в сообщении СК РФ¹.

Учитывая сравнительную легкость официального получения выходцами из ряда республик бывшего СССР РВП, ВНЖ и гражданства России, которая еще более облегчается широким распространением коррупционных практик, на наш взгляд, граница между мигрантами законными и незаконными нередко бывает чисто условной. Например, одним из условий получения российского гражданства является знание и владение русским языком. Представитель МВД РФ И. Волк сообщила, что число пунктов в РФ, где иностранцы сдают экзамены по русскому языку, сократилось с декабря в пять раз из-за выявленных в них нарушений². «Средний

¹ СК сообщил о росте числа преступлений, совершенных нелегалами // РИА Новости. – 2024. – 23.07. – URL: <https://ria.ru/20240723/sk-1961522937.html> (дата обращения: 25.09.2024).

² Число пунктов, где иностранцы сдают экзамены по русскому языку, сократилось // РИА НОВОСТИ. – 2024. – 03.07. – URL: <https://ria.ru/20240703/mvd-1957150958.html?ysclid=lz19va5h3891208131> (дата обращения: 25.09.2024).

процент мигрантов, не сдавших экзамен по русскому языку за период с января по май, увеличился с 3% сразу до 30%», т.е. в 10 раз, сообщили журналистам в пресс-службе Минобрнауки РФ¹.

Травмогенность этнических диаспор для страны проживания во многом реализуется через посредство миграционной преступности. Как известно, противоправные действия мигрантов криминологами выделяются в особый вид преступности: «При исследовании миграционной преступности просматривается определенная совокупность (система) преступлений, совершаемых мигрантами, объединенными общностью криминальной сферы и интересов на территории того или иного государства, региона, что представляет угрозу для его правопорядка, государственной безопасности» [Алиев, Корсикова, Стебенева, 2022, с. 70].

При этом миграционная преступность является только одной «стороной медали». Другая ее сторона выражается в общественно опасных деяниях, которые совершаются в отношении самих мигрантов. Причём, такие «преступления обладают повышенной латентностью, так как зачастую мигрант-потерпевший не обращается в правоохранительные органы, так как сам находится нелегально на территории страны, региона, либо из-за страха лишиться места проживания, работы» [там же, с. 71].

Одно из исследований позволило выделить, на наш взгляд, довольно подробный перечень рисков преступности в миграционной сфере: 1) необустроенность на начальном этапе переезда людей в другую страну и вызванная этим негативная реакция от неоправданных ожиданий; 2) трудности адаптации к новым территориям, языку, менталитету, правилам, праву и др., что провоцирует конфликты различной этимологии и качества между физическими и юридическими лицами принимающей страны и мигрантами; 3) коррупционная составляющая и конфликты интересов, существующие в органах государственной власти и распространяемые на мигрантов и третьих лиц; 4) имеющиеся в стране квазиэкономические отношения и их криминализация, в орбиту которых втягиваются мигранты; 5) прошлое участие иностранных граждан и лиц без

¹ Минобрнауки: Число проваливших экзамен по русскому языку мигрантов выросло в 10 раз // Eurasia Daily. – 2024. – 04.07. – URL: https://dzen.ru/a/ZoYZCUe3egJ_tA7b?ysclid=Izla815wnq956643368 (дата обращения: 25.09.2024).

гражданства в преступных сообществах, а также событиях и перенос имеющегося криминального опыта на территорию другого государства; б) биологическая, психическая, социальная, моральная предрасположенность к совершению правонарушений и преступлений [Новичков, 2023, с. 170–171].

С высокой долей вероятности можно говорить о том, что этнические диаспоры и национальные сообщества в той или иной степени оказываются связаны с преступлениями, которые совершают мигранты.

В контексте цели нашего исследования определенным интерес представляет работа Д.О. Тимошкина, который анализировал репрезентации диаспоры в текстах, опубликованных на цифровых коммуникационных площадках трансграничных мигрантов, прибывающих в Россию [Тимошкин 2022]. Автор приходит к выводу, что в рассмотренных социальных медиа «диаспора» выглядит, по крайней мере, в текстовом массиве, доступном для стороннего наблюдателя, результатом попыток государства создать язык описания, упрощающий понимание миграционных процессов и дающий иллюзию централизованного контроля [там же, с. 241]. В этом языке «на первом месте среди потребностей “мигрантов” находится манифестация инаковости, и именно эту возможность бюрократия пытается предоставить “диаспорам” в обмен на иллюзию контроля». На основании анализа дискурса более 1000 текстов в социальных сетях, исследователь высказывает сомнение в том, что такой социальный феномен, как диаспора, существует или, по крайней мере, имеет внятное содержание. При этом сказанное, судя по анализу активности мигрантов в соцсетях, отнюдь не отрицает их солидарности. Он считает, что «это позволяет выдвинуть гипотезу об иллюзорности контроля, который бюрократия принимающей страны получает в обмен на предоставляемые “диаспорам” ресурсы и возможности для проведения манифестационных мероприятий» [там же, с. 242].

Таким образом, в этнических диаспорах, существующих на территории современной России, происходит своего рода консервация предшествующего травмогенного опыта мигранта и обеспечивается его распространение в стране пребывания, в том числе в результате противоправных действий, наиболее часто – коррупционного характера.

Обсуждение

Исследования показывают, что мигранты, объединенные в диаспоры или иные этнические сообщества, привносят с собой социокультурные практики, распространенные в их собственной стране. На фоне автохтонного населения они имеют, в большинстве случаев, более высокий социальный капитал, поскольку этнические диаспоры обладают серьезными клановыми связями, в том числе и в структурах власти: «Во многих муниципалитетах, особенно выморочных, местная власть взаимодействует с мигрантами эффективнее, чем с коренным населением. Причины называются очевидные: приезжие, претендующие на общие с местными жителями ресурсы, действуют так, как не могут местные – они покупают доступ к ресурсам у их официальных распорядителей. Местных жителей сдерживает общественное мнение, круговая порука и психологическая неготовность вступить в такие отношения с представителем власти. По их логике, эти ресурсы и так принадлежат местному обществу, так как можно их покупать у одного из “своих” же! Да и чиновник от “своего” не возьмет: ему здесь тоже жить и хочется управлять и дальше, а возьмешь – и назавтра “все будут знать, сколько”» [Российская провинция ... , 2011, с. 13].

Тем самым этнические диаспоры способствуют архаизации социальной жизни в России, что приводит к культурной травматизации ее жителей, включенных в подобные практики взаимодействия с мигрантами. Поэтому можно согласиться с утверждением, что оправданная далеко не всегда общественно-политическая активность подобных объединений, формализованных или неформальных, ведет к росту тревожности у основных групп населения, внушает уверенность в неравноправном положении граждан в зависимости от этнического происхождения [Буданов, 2023, с. 141].

М.А. Буданов обосновано отмечает существование серьезных проблем в функционировании диаспор и национальных землячеств, акцентируя свое внимание на феномене архаизации: основным мотивом сплочения диаспоры выступают этнофаворитические, трайбалистские и фамилистические предпочтения, характерные для традиционных обществ. Существовая параллельно основному обществу, диаспоральные связи и сети способствуют архаизации отношений внутри этнических групп, принуждают своих членов к по-

литике этнофаворитической избирательности. Тем самым диаспоры и землячества способствуют усилению межэтнической напряженности в нашей стране, особенно в крупных городах, где имеется обостренная конкуренция на рынке труда – и это всего лишь один из многих аспектов озвученной проблемы. В то время как коренное население (прежде всего русское), предельно урбанизованное, живет нуклеарными семьями и, как правило, давно утратило навык традиционных фамилистических отношений [Буданов, 2023, 146].

Наряду с архаическими практиками, этнические диаспоры, порожденные различными обществами травмы, привносят в принимающую страну характерный для них менталитет и стереотипы социального поведения, во многом отражающие социальный тип личности «человек избегающий». В число его особенностей, формирующихся под влиянием исходного общества травмы, из которого прибыл мигрант, входят высокая тревожность, отсутствие четкого образа желаемого будущего, ценностные ориентации на материальное благополучие, карьеру, семью, здоровье, гедонизм, склонность к асоциальному поведению [Немировский, 2024, с. 201]. Тем самым среди жителей страны пребывания уменьшается доля представителей социального типа личности «человек создающий». Это не может не сказаться негативно на общем качестве человеческого капитала населения России. Поэтому знание специфики личностного типа мигранта во многом позволяет прогнозировать его социальное поведение и формировать соответствующую миграционную политику.

Заключение

Анализ социологических публикаций показал, что, существует обилие исследований, посвященных разнообразным проблемам этнических диаспор в современном мире, в которых рассматриваются методологические подходы к изучению диаспоры, их дефиниции и типологизации. Активная цифровизация общества породила специфическое направление исследований, посвященных различным аспектам жизни этнических диаспор. Опубликованы результаты эмпирического анализа конкретных этнических диаспор в России, и, что немаловажно, некоторые из них – с ис-

пользованием метода сравнения. Тем не менее в контексте концепции общества культурной травмы этнические диаспоры остаются недостаточно изученными.

Элементы новизны исследования. На основании результатов исследования можно сделать вывод, что с позиции теории культурной травмы этнические диаспоры призваны выступать социальным институтом, направленным на преодоление последствий травматизации мигрантов, как полученной еще на родине, так и порожденной их включением в непривычную социокультурную ситуацию. Между тем воспроизводство собственных культурных травм, порожденных прошлым жизненным опытом в стране выезда, и их проецирование на социальную реальность страны пребывания выступает одной из важнейших латентных функций этнонациональных диаспор в современной России.

При этом в условиях современной России нередко формируется феномен «бинарной культурной травмы» международного мигранта, который отражает сочетание последствий травмирующего опыта его предшествующей жизни в своей республике, и травмогенных ситуаций в стране пребывания. Принадлежность большинства мигрантов к типу личности «человек избегающий» предполагает необходимость соответствующей корректировки национальной и миграционной политики в России, поскольку по мере пребывания все новых мигрантов из государств ближнего зарубежья в нашей стране уменьшается доля представителей антагонистического названому социального типа личности «человек самореализующийся» и, соответственно, снижается качество человеческого капитала.

Перспективы исследований. На основании проведенного нами исследования можно выдвинуть следующую гипотезу: чем менее интегрированы представители диаспоры в социокультурный контекст страны пребывания, тем дольше сохраняется их травматизация, связанная с перемещением в иную социокультурную среду, с одной стороны, и сильнее травмируется взаимодействующее с ними население принимающего государства. Ее проверка требует проведения специальных эмпирических исследований.

Мы также полагаем, что важное практическое значение имеют компаративный анализ потенциала травмогенности и архаизации, которым обладают различные этнические диаспоры со-

временной России, а также изучение взаимосвязи этих потенциалов с типологическими характеристиками этнических диаспор.

Список литературы

Аветян Н.С. Исследование феномена «диаспора» в социологии // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5: Экономика. Социология. Биология. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 64–70.

Агабабян А.Р. Социологический анализ диаспоры на примере армянского народа // Политика и общество. – 2022. – № 1. – С. 10–20. – DOI: 10.7256/2454-0684.2022.1.36268

Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 400 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022.

Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 5. – С. 42–54.

Алиев Я.Л., Корсикова Н.А., Стебенева Е.В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконной миграцией на современном этапе развития общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 4. – С. 69–73. – DOI: 10.52452/19931778_2022_4_69

Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 78–84.

Баринова О.Н., Кузина О.Н., Манаева И.В. Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа) // Дискурс. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 42–55. – DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55

Бедрик А.В., Войтенко В.П. Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции социокультурного воспроизводства // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 160–167. – DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.15

Бразевич С.С. Социальные сети мигрантов как новая коммуникативная локальность, квазинституты этничности и логика виртуализации социального капитала // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 1. – С. 38–47. – DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-38-47

Буданов М.А. Диаспоры и межэтническая конкуренция как факторы этноконфессиональной напряженности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 140–157. – DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-140-157

Волков Ю.Г., Кривоусков В.В., Курбатов В.И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // Цифровая социология = Digital sociology. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 102–108. – DOI: 10.26425/2658-347X-20214-4-102-108

Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г. Культурная память о геноциде и этническая идентичность российских армян // *Человеческий капитал*. – 2017. – № 17 (107). – С. 69–75.

Каменева Т.Н., Кунилова К.Д., Целуйко А.В. Медийная коммуникация как фактор самоорганизации диаспоры // *Цифровая социология = Digital sociology*. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 56–66.

Кунилова К.Д., Каменева Т.Н., Воробьев М.В. Диаспора как субъект этнокультурной цифровой коммуникации иностранных студентов в России // *Цифровая социология = Digital sociology*. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 50–60. – DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-4-50-60

Леонтьева О.Б., Мкртчян Л.Г. Армянская диаспора России: современные подходы к изучению // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 8–14. – DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-8-14

Линченко А.А. Травмы культурной памяти в миграционном и постмиграционном обществе // *Человек и культура*. – 2020. – № 1. – С. 1–16. – DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889

Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2024 – Т. 17, № 1. – С. 201–214. – DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11

Новичков В.Е. Некоторые криминологические особенности преступности в миграционной сфере // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право*. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 159–174. – DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174

Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 208–222. – DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12

Погосян Г.А., Осадчая Г.И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация // *Социологические исследования*. – 2023. – № 1. – С. 52–61. – DOI: 10.31857/S013216250015318-2

Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) / *Кордонский С.Г., Плюсин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахундов Д.Э., Бойков Д.В.* // *Мир России*. – 2011. – Т. 20, № 1. – С. 13–33.

Танчук И.А. Таджикская диаспора в Москве // *Постсоветские исследования*. – 2022. – Т. 5, № 5. – С. 494–501. – DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-494-501

Тимошкин Д.О. «Как бы есть, но пока больше виртуально»: репрезентации диаспор на мигрантских цифровых коммуникационных площадках // *Социология власти*. – 2022. – Т. 34, № 3/4. – С. 227–246. – DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-227-246

Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. – Москва: Весь мир, 2020. – 352 с.

Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области / *Осадчая Г.И., Погосян Г.А., Лескова И.В., Юдина Т.Н., Киреев Е.Ю.* // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12, № 2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (дата обращения: 01.09.2024). – DOI: 10.15862/23SCSK221

Черевичко Т.В. Диаспора как институциональная структура современного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 155–159. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-155-159

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 01.09.2024).

Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 162–184.

Эндрюшко А.А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. – 2020. – № 11. – С. 84–95. – DOI: 10.31857/S013216250009906-9

Юдина Т.Н., Бесфамильный Д.А. Этнонациональный дискурс мигрантов в социальных сетях на примере таджикских и киргизских виртуальных сообществ на платформе «ВКонтакте» // Цифровая социология = Digital Sociology. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 62–72. – DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-3-62-72

Abramson Y. Securitizing the nation beyond the state: diasporas as threats, victims, and assets // European journal of international relations. – 2024. – Vol. 30, N 1. – P. 78–103. – DOI: 10.1177/13540661221151036

Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. – 1976. – Vol. 70, N 2. – P. 393–408.

Becker E. Theorizing “new ethnicities” in diasporic Europe: Jews, Muslims and Stuart Hall // Ethnic and racial studies. – 2024. – Vol. 47, N 9. – P. 1858–1879. – DOI: 10.1080/01419870.2024.2328325

Brubaker R. Accidental diasporas and external “homelands” in Central and Eastern Europe: past and present. – Wien: Institut für Höhere Studien, 2000. – 19 p. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-246552> (accessed: 01.09.2024).

Cohen R. Global diasporas. – 3rd ed. – New York; Oxon: Routledge, 2023. – 234 p. – DOI: 10.4324/9781003256526

Grossman J. Toward a definition of diaspora // Ethnic and racial studies. – 2019. – Vol. 42, N 8. – P. 1263–1282. – DOI: 10.1080/01419870.2018.1550261

Mijić A. (Re-) Construction of identity and belonging after forced migration: a sociology of knowledge approach // Journal of refugee studies. – 2022. – Vol. 35, N 3. – P. 1107–1125. – DOI: 10.1093/jrs/feac020

Singh J. Diaspora in the cyberspace: assertion of identity, virtual home, and international politics // Literary studies. – 2023. – Vol. 36, N 1. – P. 56–67. – DOI: 10.3126/litstud.v36i1.52080

Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы

Tabar P. Transnational is not diasporic: a Bourdieusian approach to the study of modern diaspora // *Journal of sociology*. – 2020. – Vol. 56, N 3. – P. 455–471. – DOI: 10.1177/1440783319853026

Torosyan T., Vardanyan A. The modeling possibilities of the comparative analysis of heterogeneous diasporas: the case of Armenia // *Journal of Eurasian studies*. – 2024. – Vol. 15, N 1. – P. 19–29. – DOI: 10.1177/18793665221150656

References

Abramson Y. Securitizing the nation beyond the state: diasporas as threats, victims, and assets. *European journal of international relations*. – 2024. – Vol. 30, N. 1. – P. 78–103. – DOI: 10.1177/13540661221151036

Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vizovi, realii, indikatori [Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators] / Mukomel' V.I., Grigor'eva K.S., Monusova G.A. [et al.]. – Moscow: Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 400 p. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 (In Russian)

Agababyan A.R. Sociologicheskii analiz diaspori na primere armyanskogo naroda [Sociological analysis of the diaspora using the example of the Armenian people]. *Politika i obshchestvo* [Politics and society]. – 2022. – N 1. – P. 10–20. – DOI: 10.7256/2454-0684.2022.1.36268 (In Russian)

Aliev Ya., Korsikova N., Stebeneva E. Kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenii, svyazannih s nezakonnoi migratsiei na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Criminological characteristics crimes related to illegal migration to the current stage of development of society]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. – 2022. – N 4. – P. 69–73. – DOI: 10.52452/19931778_2022_4_69 (In Russian)

Anikin D., Golovashina O. Travmy kulturnoi pamyati: kontseptualnii analiz i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university journal]. – 2017. – N 425. – P. 78–84. – DOI: 10.17223/15617793/425/10 (In Russian)

Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas. *American political science review*. – 1976. – Vol. 70, N 2. – P. 393–408.

Avetian N.S. Issledovanie fenomena “diaspora” v sociologii [Study of the phenomenon of “diaspora” in sociology]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupali. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya* [Bulletin of Yanka Kupala state university of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology]. – 2021. – Vol. 11, N. 2. – P. 64–70. (In Russian)

Ayerman R. Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Cultural trauma and collective memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]. – 2016. – N 5. – P. 42–54. (In Russian)

Barinova O.N., Kuzina O.N., Manaeva I.V. Armyanskaya diaspora Mordovii: sociokulturnii portret (opit sociologicheskogo analiza) [Armenian diaspora of Mordovia: socio-cultural portrait (experience of sociological analysis)]. *Diskurs* [Discourse]. – 2024. – Vol. 10, N 1. – P. 42–55. – DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55 (In Russian)

Becker E. Theorizing “new ethnicities” in diasporic Europe: Jews, Muslims and Stuart Hall. *Ethnic and racial studies*. – 2024 – Vol. 47, N 9. – P. 1858–1879. – DOI: 10.1080/01419870.2024.2328325

Bedrick A., Voitenko V. Diaspori Yuga Rossii: osnovaniya tipologizatsii i tendentsii sociokulturnogo vosproizvodstva [Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends in sociocultural reproduction]. *Caucasian science bridge*. – 2023 – Vol. 6, N 4. – P. 160–167. – DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.15 (In Russian)

Brazevich S. Socialnie seti migrantov kak novaya kommunikativnaya lokalnost, kvaziinstituti etnichnosti i logika virtualizatsii socialnogo kapitala [Social networks of migrants as a new communication locality, quasi-institutions of ethnicity and the logic of virtualization of social capital]. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovikh issledovaniy* [Telescope: journal of sociological and marketing research]. – 2023. – N. 1. – P. 38–47. – DOI: 10.24412/1994-3776-2023-1-38-47 (In Russian)

Brubaker R. *Accidental diasporas and external “homelands” in Central and Eastern Europe: past and present*. – Wien: Institut für Höhere Studien, 2000. – 19 p. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-246552> (accessed: 01.09.2024).

Budanov M.A. Diaspori i mezhetnicheskaya konkurentsia kak faktori etnokonfessionalnoi napryazhennosti v sovremennoi Rossii [Diasporas and interethnic rivalry as factors of ethno-confessional tension in modern Russia] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [The Lomonosov public administration journal. Series 21. Governance (state and society)]. – 2023. – Vol. 20, N 4. – P. 140–157. – DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-140-157 (In Russian)

Cherevichko T.V. Diaspori i mezhetnicheskaya konkurentsia kak faktori etnokonfessionalnoi napryazhennosti v sovremennoi Rossii [Diaspora as an institutional structure of modern society]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of Saratov university. Sociology. Political science]. – 2022. – Vol. 22, N 2. – P. 155–159. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-155-159 (In Russian)

Cohen R. *Global diasporas*. – New York, Oxon: Routledge, 2023. – 3rd ed. – 234 p. – DOI: 10.4324/9781003256526

Dontsov A., Stepanenko T. Kulturnaya pamyat o genotside i etnicheskaya identichnost rossiiskikh armyan [Cultural memory of genocide and ethnic identity of Russian Armenians]. *Chelovecheskii kapital* [Human capital]. – 2017. – N 17 (107). – P. 69–75. (In Russian)

Endryushko A. Integratsiya v rossiiskoe obshchestvo migrantov iz Azerbaidzhana i drugikh stran postsovetskogo prostranstva: sravnitel'nii analiz [Benchmarking in integration of migrants from Azerbaijan and other Post-Soviet countries: comparative analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020 – N 11. – P. 84–95. – DOI: 10.31857/S013216250009906-9 (In Russian)

Этнические диаспоры в современной России как порождение и источник культурной травмы

Fenomen diaspori: analiz sovremennogo sostoyaniya cherez prizmu issledovaniy v danoi oblasti [Diaspora phenomenon: analysis of the current state through the prism of research in this area]. Osadchaya G.I., Pogosyan G.A., Leskova I.V., Yudin T.N., Kireev E.Yu. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*. [World of science. Series: Sociology, philology, cultural studies]. 2021. – Vol. 12, N 2. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (accessed: 01.09.2024). – DOI: 10.15862/23 SCSK221 (in Russian)

Grossman J. Toward a definition of diaspora. *Ethnic and racial studies*. – 2019. – Vol. 42, N 8. – P. 1263–1282. – DOI 10.1080/01419870.2018.1550261

Kameneva T.N., Kunilova K.D., Tseluiko A.V. Mediinaya kommunikatsiya kak faktor samoorganizatsii diaspori [Media communication as a factor of diaspora self-organization]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology]. – 2022. – Vol. 5, N 4. – P. 56–66. – DOI: 10.26425/2658-347 X-2022-5-4-56-66 (In Russian)

Kunilova K.D., Kameneva T.N., Vorobyev M.V. Diaspora kak sub'ekt etnokulturnoi tsifrovoy kommunikatsii inostrannikh studentov v Rossii [Diaspora as an ethnocultural digital communication subject of foreign students in Russia]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology]. – 2023. – Vol. 6, N 4. – P. 50–60. – DOI: 10.26425/2658-347 X-2023-6-4-50-60 (In Russian)

Leontieva O.B., Mkrtychyan L.G. Armyanskaya diaspora Rossii: sovremennye podkhodi k izucheniyu [Armenian diaspora in Russia: contemporary approaches to studying]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara university. History, pedagogics, philology] – 2020. – Vol. 26, N 4. – P. 8–14. – DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-8-14 (In Russian)

Linchenko A.A. Travmy kulturnoi pamyati v migratsionnom i postmigratsionnom obshchestve [Traumas of cultural memory in migration and post-migration society]. *Chelovek i kultura* [Man and culture]. – 2020. – N 1. – P. 1–16. – DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.31889 (In Russian)

Mijic A. (Re-) Construction of identity and belonging after forced migration: a sociology of knowledge approach. *Journal of refugee studies*. – Vol. 35, N 3. – P. 1107–1125. – DOI: 10.1093/jrs/feac020

Nemirovsky V.G. «Chelovek izbegayushchii» kak socialnii tip lichnosti v rossiiskom obshchestve travmi [The “avoidant individual” as a social personality type in the Russian trauma society]. *Ekonomicheskie i socialnie peremeni: fakti, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. – 2024. – Vol. 17, N 1. – P. 201–214. – DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.11 (In Russian)

Novichkov V.E. Nekotorie kriminologicheskie osobennosti prestupnosti v migratsionnoi sfere [Some criminological features of crime in migration sphere]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwest state university. Series: History and law]. – 2023. – Vol. 13, N 6. – P. 159–174. – DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-159-174 (In Russian)

Osadchaya G.I., Vartanova M.L. Ocenka potentsiala diaspor v formirovaniy social'no-ekonomicheskogo blagopoluchiya migrantov iz Armenii v Rossii [Assessing the potential of the diaspora in the formation of socioeconomic well-being of migrants from Armenia in Russia]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*

[Economic and social changes: facts, trends, forecast]. – 2023. – Vol. 16, N 6. – P. 208–222. – DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12 (In Russian)

Pogosyan G., Osadchaya G. Armyanskaya diaspora Rossii: integraciya vs repatriaciya [Armenian diaspora in Russia: integration vs repatriation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociologicheskije issledovaniya]. – 2023. – N 1. – P. 52–61. – DOI: 10.31857/S013216250015318-2 (In Russian)

Rossiiskaya provintsiya i yee obitateli (opyt nablyudeniya i popytka opisaniya) [Russian Province and its Inhabitants (a case of observation and its tentative description)] / Kordonsky S.G., Plyusnin Yu.M., Krasheninnikova Yu.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Akhunov D.E., Boykov D.V. *Mir Rossii* [World of Russia]. – 2011. – Vol. 20, N 1. – P. 13–33. (In Russian)

Sheffer G. Diaspory v mirovoj politike. [Diasporas in world politics]. *Diaspory* [Diasporas]. – 2003. – N 1. – P. 162–184. (In Russian)

Singh J. Diaspora in the cyberspace: assertion of identity, virtual home, and international politics. *Literary studies*. – 2023. – Vol. 36, N 1. – P. 56–67. – DOI: 10.3126/litstud.v36i1.52080

Tabar P. Transnational is not diasporic: a Bourdieusian approach to the study of modern diaspora. *Journal of sociology*. – 2020 – Vol. 56, N 3. – P. 455–471. – DOI: 10.1177/1440783319853026

Tanchuk I. Tadzhijskaya diaspora v Moskve [Tadzhik diaspora in Moscow]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]. – 2022. – Vol. 5, N 5. – P. 494–501. – DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-494-501 (In Russian)

Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossijskoj Federacii v 2023 [The number and migration of the population of the Russian Federation in 2023]. Federal state statistics service. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (accessed: 01.09.2024). (In Russian)

Timoshkin D. «Kak by est', no poka bol'she virtual'no»: reprezentacii diaspor na migrantskih tsifrovyyh kommunikacionnyh ploshchadkah [“They seem to exist, but mostly virtually so far”: representations of diasporas on migrant digital communication platforms]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power]. – 2022. – Vol. 34, N 3–4. – P. 227–246. – DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-227-246 (In Russian)

Torosyan T., Vardanyan A. The modeling possibilities of the comparative analysis of heterogeneous diasporas: the case of Armenia. *Journal of Eurasian studies*. – 2024. – Vol. 15, N 1. – P. 19–29. – DOI: 10.1177/18793665221150656

Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiej i revolyutsiej* [The society of trauma: between evolution and revolution]. – Moscow: The whole world, 2020. – 352 p. (In Russian)

Volkov Yu.G., Krivopuskov V.V., Kurbatov V.I. Tsifrovyye migranty i tsifrovaya diaspora: novyye problemy i trendy mezhdunarodnoj migratsii [Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends of international migration]. *Tsifrovaya sociologiya* [Digital sociology]. – 2021. – Vol. 4, N 4. – P. 102–108. – DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-4-102-108 (In Russian)

Yudina T.N., Besfamilnyi D.A. Etnonacional'nyj diskurs migrantov v social'nyh setyah na primere tadzhikskih i kirgizskih virtual'nyh soobshchestv na platforme

*Этнические диаспоры в современной России как порождение
и источник культурной травмы*

«VKontakte» [Ethnonational discourse of migrants in social networks on the example of Tajik and Kyrgyz virtual communities on VK]. *Tsifrovaya sociologiya* [Digital sociology]. – 2023. – Vol. 6, N 3. – P. 62–72. – DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-3-62-72 (In Russian)

УДК: 159.9.072.42

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.05

БРЕДГАУЕР С.П.*, ПОТАПОВА Ю.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ОМСКИХ СТУДЕНТОВ**

Аннотация. В статье представлены результаты исследования намерений о внутренней миграции омских студентов и их взаимосвязи с патриотическим поведением. Выборку составили 839 девушек и юношей в возрасте от 16 до 35 лет, методами исследования выступили анкетирование и тестирование. Было установлено наличие взаимосвязи в уровне сформированности миграционных намерений студентов с различным типом патриотического поведения: проблемный и конформный типы патриотического поведения имеют положительную взаимосвязь с миграционными намерениями. Идеологический тип патриотического поведения отрицательно коррелирует со стремлением покинуть регион. Полученные данные могут быть использованы в организации воспитательной работы с омской молодежью.

Ключевые слова: миграция; молодежь; патриотизм; миграционное поведение.

Для цитирования: Бредгауер С.П., Потапова Ю.В. Взаимосвязь миграционных намерений и патриотического поведения омских студентов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература

© Бредгауер С.П., Потапова Ю.В., статья, 2024.

* Бредгауер Сергей Павлович – бакалавр кафедры общей и социальной психологии факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; sergejbredgauer214@gmail.com

** Потапова Юлия Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; kardova.jv@gmail.com

тура. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 90–107. – DOI:
10.31249/rsoc/2024.03.05

Статья поступила: 08.09.2024.

Принята к публикации: 17.10.2024.

BREDGAUER S.P.^{***}, ПОТАПОВА J.V.^{****} The relationship between migration attitudes and patriotic behavior of Omsk students

Abstract. The article presents the results of a study of internal migration intentions of Omsk students and the relationship of the latter with patriotic behavior. The sample included 839 young women and men aged 16 to 35 years, the research methods were questionnaires and testing. It has been established that there is a correlation of the level of formation of students' migration intentions with different types of patriotic behavior: problematic and conformist types of patriotic behavior have a positive correlation with migration intentions. The ideological type of patriotic behavior negatively correlates with the desire to leave the region. The data obtained can be used in organizing educational work with Omsk youth.

Keywords: migration; youth; patriotism; migration behavior.

For citation: Bredgauer S.P., Potapova J.V. The relationship between migration attitudes and patriotic behavior of Omsk students. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 90–107. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.05

Received: 08.09.2024.

Accepted: 17.10.2024.

^{***} Bredgauer Sergey Pavlovich – Bachelor of the Department of General and Social Psychology at the Faculty of Economics, Psychology, Management, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; sergejbredgauer214@gmail.com

^{****} Potapova Julia Viktorovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology at the Faculty of Economics, Psychology, Management, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; kardova.jv@gmail.com

Введение

Изучение миграционных намерений студентов и молодежи в Омске остается актуальным в связи с убылью населения, которая наблюдается как в самом городе, так и в области в целом. По данным «Омскстат», только за период с января по март 2024 г. Омскую область покинуло 8171 человек, а миграционная убыль составила 1007 человек [Миграция ... , 2024]. Миграция населения влияет на перспективы развития города в будущем, так как недостаток молодых специалистов в различных профессиональных сферах негативно сказывается на качестве жизни в Омске. Из-за этого город становится еще менее привлекательным для жизни, что образует новый виток в формировании стремления мигрировать, особенно у самой мобильной и притязательной группы людей – молодежи, имеющей высокий уровень образования и профессиональной квалификации. Следует отметить, что не только в России, но и за рубежом отмечается важность изучения данного вопроса: об этом, например, пишут в своих работах авторы из Китая [What attracts ... , 2022], Эфиопии [Abebe, Abebaw, 2022], Ганы [Migration intentions ... , 2024]. Поиск тех факторов, которые могут влиять на рост или снижение миграционной активности, становится новым вызовом для ученых из разных областей знания, а в регионах, подобных Омской области, приобретает особую остроту.

Обзор литературы

Определение миграции в большинстве случаев сводится к тому, что это территориальное перемещение между разными населенными пунктами, независимо от продолжительности, регулярности и цели, смена места жительства [Рыбаковский, 2003 ; Брылева, 2021, с. 101]. Продолжительность, регулярность и цели миграции, в свою очередь, изучают через призму различных наук. Причины и цели смены места жительства многие исследователи ищут в экономической сфере. Рассматриваются такие факторы, как различия в доходах [Суслов, Иванова, 2020 ; Гильтман, Обухович, Ларионова, 2020], потенциал экономического развития и покупательная способность [Гальцева, Фавстрицкая, Шарыпова, 2024],

ситуация на рынке труда [Половинко, Арбуз, 2018]. Географические причины миграции также рассматриваются в отдельных субъектах РФ, таких как приарктические регионы России с суровыми климатическими условиями [Шапаров, Чувашова, 2019 ; Гонина, 2020]. Часто миграция становится объектом изучения в социологии; при этом обсуждается, к примеру, проблема образовательной миграции [Сагитова, 2024, с. 5], этнических и региональных особенностей миграции [Леденева, 2021 ; Dalen, Henkens, 2013]. Другим важным аспектом является мониторинг миграционной активности со стороны социологов, который также активно ведется исследователями [Охота к перемене ... , 2024]. Социальная психология, в свою очередь, рассматривает внутренние мотивы и факторы миграционного поведения, которые подробно анализируются далее.

Рассмотрим основные социально-психологические причины, мотивы и факторы миграции.

Мотивация миграции может быть связана с получением образования в учебных заведениях другого региона [Бюраева, Пискунов, 2020]. У молодежи из различных регионов Сибири наблюдается подобная тенденция. Большая часть юношей и девушек так или иначе задумывается о переезде. Положительной тенденцией является то, что эти планы доходят до реализации у сравнительно небольшого процента респондентов. Интерес к миграции также связан с карьерным ростом и более высоким заработком [Бюраева, Пискунов, 2020 ; Ключева, Фарахутдинов, 2021 ; Лобова, Долженко, Илюшников, 2020].

Место проживания также в значительной степени влияет на наличие миграционных намерений. Так, молодежь из сельской местности все чаще старается покинуть родное село и поехать в столицу для поступления в учебное заведение. Этому способствуют возможности, полученные с введением процедуры ЕГЭ. При этом исследователи не отрицают факта влияния на реализацию миграционных намерений личностных усилий, мотивированности и наличия ресурсов [Вяльшина, Дакирова, 2020]. Особенно в рамках данной проблематики выделяется исследование Н.К. Габдрахманова. Работа эмпирически подтверждает, что с каждым годом увеличивается концентрация университетов в крупных городах, что он называет «университетским оазисом», а более мелкие реги-

оны становятся так называемой «образовательной пустошью». Причиной этого он считает борьбу Минобрнауки и Роспотребнадзора с «низкокачественными образовательными программами». Студенты, покинув родной город для получения образования, возвращаются весьма нечасто [Очирова, 2021]. Таким образом, регионы не выдерживают конкуренции с крупными мегаполисами и еще больше углубляются в демографический кризис [Габдрахманов, 2019]. Это указывает на две стороны миграционной проблемы: пока одни регионы страдают от недостатка кадров и оттока населения [Клюева, Фарахутдинов, 2021 ; Лобова, Долженко, Илюшников, 2020], другие перенаселены [Население, 2024]. Благодаря бурному изучению миграции в последние годы можно выявить и некоторые региональные особенности, такие как выбор места для переезда [Грунт, Титаренко, Беляева, 2023 ; Клюева, Фарахутдинов, 2021], утрата национальной идентичности [Шахова, Максимова, 2022], а также отличия мотива для переезда в виде перспектив для себя в одних регионах и перспектив для детей – в других [Потравная, 2022].

Говоря о миграции, невозможно не отметить, что перемещение человека в одиночку редко когда является выполнимой задачей; чаще всего, если это не образовательная миграция, решение о переезде затрагивает целые семьи [Карачурина, Мкртчян, 2016]. В свете этого неудивительно, что в поле зрения ученых также попадало и влияние семьи на миграционные установки, а в частности, проживание молодых людей совместно с родителями либо отдельно. Было выявлено, что миграционные намерения находятся примерно на одном уровне у студентов с разным сепарационным статусом. Отличие же заключается в том, что у живущих с родителями студентов доминирует когнитивный компонент намерений, а у проживающих отдельно на более высоком уровне находится поведенческий компонент. Иными словами, образование миграционных намерений у проживающих с родителями студентов реализуются в виде поиска информации и, с точки зрения авторов, может протекать скорее в виртуальной форме, в то время как у проживающие отдельно студенты совершают конкретные действия. Было выявлено, что для студентов, проживающих с родителями, семья является больше удерживающим фактором, чем провозирующим миграцию [Маленов, 2024].

Учеными также рассматривались миграционные намерения молодежи и с миграционным опытом, и без него. Неожиданным оказалось то, что остаться в России в ближайшие десять лет планировали две трети мигрантов второго поколения, в отличие от местной молодежи и иностранных студентов, среди которых такие планы у менее чем половины. Испытуемым также давали задание пройти «виньетки», т.е. гипотетические ситуации выбора миграционной стратегии, с двумя уровнями. Если респондент выбирал миграцию, вводилось дополнительное условие – пожилые родители, а он – единственный ребенок в семье. В такой ситуации местная молодежь значительно чаще других групп испытуемых выбирала миграцию, даже при дополнительных условиях. Работающие мигранты, наоборот, не склонны к выбору миграционной стратегии. Это может быть связано с тяжелым опытом переезда ранее, наличествующим у данной группы испытуемых [Рочева, Варшавер, 2020].

Психологами и социологами изучается не только сам факт переезда, но и наличие установки относительно подобных действий, и само намерение [Абдулманапов, 2022 ; Рочева, Варшавер, 2020]. С.К. Лычко и Н.Л. Мосиенко обозначают миграционную установку как представление о том, где человек хотел бы проживать [Лычко, Мосиенко, 2014].

Рассматривались также такие феномены, как влияние субъективного благополучия на миграцию. Было выяснено, что существует связь между благополучием и миграцией [International migration ... , 2014]. Одним из составляющих субъективного благополучия является удовлетворенность социальной ситуацией, которая связывает этот феномен с патриотизмом, выступающим фактором, позитивно влияющим на сдерживание оттока населения из региона. О.В. Гордякова и А.Н. Лебедев определяют патриотизм как высшее социальное чувство и отделяют его от патриотического поведения. По мнению авторов, чувство патриотизма может проявляться в поведении по-разному, отражая преломление социальных установок и убеждений в реальных действиях граждан. С большей вероятностью и точностью следовало бы обозначить этот конструкт как «патриотические социальные установки», но в данном случае мы идем вслед за авторами используемой в нашей работе методики, оперируя их терминами. Отмечается, что патрио-

тическое поведение может исходить не из искренней любви к своей стране, а из желания соответствовать нормам общества. Поэтому были выделены следующие типы патриотического поведения: идеологический, проблемный и конформный. Идеологический тип патриотического поведения характеризуется устойчивостью взглядов, идейностью, способностью к командной работе, слабым аналитическим мышлением. Люди с таким типом патриотизма не склонны искать противоречий, из-за чего слепо принимают любую инициативу власти, а также болезненно реагируют на критику.

Приверженцев проблемного типа патриотического поведения исследователи описывают как критично настроенных к власти, интеллигентных, образованных и граждан, способных к самокритике и анализу собственной позиции. Данный тип патриотического поведения основывается на чувстве долга и ответственности перед страной. Носители этого типа патриотизма не сравнивают свою страну с другими, считая ее лучше или хуже. Слабой стороной такого вида патриотического поведения является неумение создавать коалиции в связи с плюрализмом мнений.

Третий вид патриотического поведения исследователи именовали конформным, так как его представители демонстрируют любовь к родине лишь среди других патриотов. Для них отношение к стране не подкреплено никаким эмоциональным откликом. Конформисты вполне исполнительны и законопослушны, но не способны к отстаиванию своей позиции, из-за чего часто меняют свои убеждения. При выборе между пользой для страны и пользой для личного благополучия они выберут второе.

Личностные характеристики респондентов, относящихся к различным типам патриотического поведения, авторы устанавливали в лабораторных условиях на студентах гуманитарных вузов Москвы. Испытуемые проходили тест 16 PF Кеттелла и опросник для определения типов патриотического поведения [Гордякова, Лебедев, 2017].

В исследованиях отражена связь различных видов патриотизма и отношения к миграции и мигрантам. К примеру, в работе С. Willis-Esqueda с соавторами исследуется связь патриотизма и антимиграционного поведения [Willis-Esqueda, Delgado, Pedroza, 2016], говорится о различиях во взаимодействии данных конструкторов у латиноамериканцев и «белых» американцев. Российские ав-

торы также затрагивают вопрос связи патриотизма и миграции [Дергунова, Лукафина, 2017], но речь при этом идет о миграции внешней, т.е. связанной с переездом в другие страны. Представляется довольно очевидным, что низкий уровень национального патриотизма будет способствовать перемещению в другую страну, однако мы предполагаем, что патриотизм как позитивное отношение к стране в целом может экстраполироваться на оценку условий жизни в конкретном регионе. Эта связь уже менее однозначна, и тем важнее исследовать данную проблему. На сегодня тема связи патриотизма и внутренней миграции еще не была раскрыта другими исследователями. В этом и заключается новизна данной работы: мы фокусируем внимание именно на связи патриотического поведения с намерениями внутренней миграции.

Организация исследования

Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи миграционных намерений студентов с типом патриотического поведения. Работа имеет следующие задачи:

1. Выявить уровень сформированности миграционных намерений респондентов.
2. Определить показатели типов патриотического поведения.
3. Провести корреляционный анализ для выявления взаимосвязи между миграционными намерениями и типом патриотического поведения.

Объект исследования: Миграционные намерения.

Предмет исследования: Миграционные намерения студентов с различным типом патриотического поведения.

Исследование проводилось весной 2024 г. Выборка состояла из 839 студентов омских университетов (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, ОмГПУ, ОмГТУ, ОмГАУ им. П.А. Столыпина, СибАДИ, СибГУФК, ОмГМУ, РАНХиГС, СибЮУ и т.д.). В исследовании приняли участие 504 (60,1%) девушки и 335 (39,9%) юношей возрастом от 17 до 35 лет, средний возраст 19,7 лет.

Методы сбора данных: анкетирование и тестирование. Миграционные намерения выявлялись с помощью авторской анкеты, состоявшей из семи вопросов, посвященных миграционным намерениям респондентов. Вопросы были связаны с переездом из Омс-

ка в другой регион России. Баллы, полученные при опросе, усреднялись и нормировались по выборке. Определение типа патриотического поведения проводилось с помощью опросника О.В. Гордяковой и А.Н. Лебедева [Гордякова, Лебедев, 2017].

Методы математической обработки: первичные описательные статистики, частотный анализ, критерий корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Результаты анкетирования подтверждают актуальность проблемы миграции среди молодежи. В ответах на вопрос об обобщенной оценке миграционных намерений наблюдалось следующее распределение: 62 (7,4%) респондента не думали о переезде и знают, что точно останутся в Омске, 157 (18,7%) крайне редко задумывались о переезде, 352 (42%) респондента иногда задумывались о переезде, но не предпринимают конкретных действий, а 170 (20,3%) думают часто и подбирают варианты. Ищут место работы или учебы в другом городе 63 (7,5%) испытуемых, 35 (4,2%) готовятся к переезду и знают точные его сроки. Если миграцию последних довольно сложно предотвратить, то работать с первой группой – еще не определившимися окончательно с местом и временем своего переезда, можно и нужно.

Было выявлено, что наиболее высокие показатели респонденты имеют по конформному типу патриотического поведения (ср. знач. 0,59), после идет проблемный тип (0,53) и идеологический (0,49).

Была выявлена наиболее сильная отрицательная корреляция между идеологическим типом патриотизма и миграционными намерениями ($r=-0,265$; $p\leq 0,001$). Менее выраженная положительная взаимосвязь была выявлена между миграционными намерениями и уровнем проблемного ($r=0,205$; $p\leq 0,001$) и конформного ($r=0,229$; $p\leq 0,001$) типов патриотического поведения.

Обсуждение результатов

Было выявлено, что наиболее высокие показатели респонденты имеют по конформному типу патриотического поведения, немного меньшие по проблемному и наиболее низкие по идеоло-

гическому. Полагаем, что это может быть связано с выраженной ориентацией молодежи на индивидуалистические ценности, исходя из которых поиск комфортных условий для собственного существования ставится на первое место в сравнении с ориентациями на общее благо.

Высокий уровень сформированности миграционных намерений свидетельствует о соответствии ситуации в регионе проанализированным ранее исследованиям [Миграция ... , 2024 ; Лобова, Долженко, Илюшников 2020 ; Бюраева, Пискунов, 2020 ; Социально-демографический ... , 2022]. Кроме того, выявленные тенденции соответствуют высокому уровню миграционной мобильности молодежи.

Результаты корреляционного анализа подтверждают предположение о различиях видов патриотизма у студентов с разными миграционными намерениями. Обобщить найденное нами можно следующим образом: при снижении уровня сформированности миграционных намерений происходит рост идеологического и снижение проблемного и конформного типов патриотизма. Вероятно, это можно объяснить особенностями данных типов патриотического поведения.

Полагаем, что идеологический патриотизм находится на высоком уровне у людей, не планирующих миграцию, так как им комфортно в месте их проживания. Можно предположить, что обладатели данного вида патриотического поведения попросту не видят тех проблем и противоречий, на которые обращают внимание остальные испытуемые. Вполне вероятны и другие мотивы дальнейшего проживания в Омске у представителей данной группы – желание соответствовать образу идеального патриота. Идеологический патриотизм характеризуется определенной демонстративностью позиции, и мысли о переезде в более благоприятное место проживания может вызывать как внутренний когнитивный диссонанс у самих респондентов, так и непонимание, и осуждение со стороны других людей.

Проблемный тип патриотического поведения характеризуется склонностью к поиску противоречий, с чем мы и связываем высокий уровень миграционных намерений у представителей данной группы. Соответственно, чем выше показатель проблемного типа патриотического поведения, тем больше респондент склонен к то-

му, чтобы замечать недостатки своего города, и, возможно, считать, что они отсутствуют в других регионах, что закономерно повышает миграционные намерения. Поскольку обладатели проблемного патриотизма, согласно эмпирическим данным авторов методики [Гордякова, Лебедев, 2017], – это скорее молодежь с высоким интеллектом, то закономерно можно предположить, что она имеет высокие притязания и относительно собственной карьеры, подкрепленные успехами в академической сфере. Вероятно, эти люди склонны к тому, чтобы более внимательно относиться к задаче поиска будущего места трудоустройства, потому они стремятся к переезду в регионы, предлагающие более высокооплачиваемые вакансии.

Результаты исследования также говорят о том, что конформный тип патриотического также связан с ростом миграционных намерений. Для представителей данной группы личное благополучие важнее благополучия социальных общностей, в которых они состоят, и, соответственно, важнее благополучия региона, с чем мы связываем их желание переехать в другой, более перспективный город. Такие молодые люди не стремятся к тому, чтобы приложить усилия и сделать территорию проживания лучше, они хотят получить «продукт под ключ», готовые комфортные условия, которыми они будут пользоваться. Не исключено, что при обнаружении проблем на месте, куда стремится переехать молодой человек с выраженным конформным патриотизмом, он также легко примет решение о дальнейшей миграции, что сформирует «кочевой» образ жизни, связанный с постоянным поиском «своего» места, удовлетворяющего его запросам.

Выводы

Благодаря результатам, полученным в ходе исследования, удалось подтвердить взаимосвязь миграционных намерений и типов патриотического поведения у омских студентов. Было выявлено, что проблемный и конформный тип патриотического поведения имеет положительную корреляцию с уровнем сформированности миграционных намерений, а идеологический – отрицательную. Нашла подтверждение и идея сохранения актуальности проблемы

миграции из Омска, так как более половины респондентов когда-либо задумывались о переезде в другой город России.

Из результатов исследования следует, что для повышения уровня патриотизма населения нужно улучшать условия жизни не только в центральной части России, но и в регионах, благодаря чему люди станут меньше задумываться о миграции и поднимется общий уровень удовлетворенности жизнью. С другой стороны, работа на местах может быть направлена на поддержание уровня идеологического патриотизма, который позволит снизить тенденцию к миграции из периферийных регионов и будет стимулировать молодежь формировать представление о том, что если условия, сложившиеся на малой родине, чем-либо не устраивают, то следует подумать о своем возможном вкладе в развитие региона.

К ограничениям исследования можно отнести возрастные рамки (оно проводилось среди омской молодежи); в свете этого – отсутствие возможности выделения возрастных особенностей патриотического поведения. Вместе с тем молодежь является одной из самых перспективных социальных групп, которая может обеспечить будущее любого региона, что объясняет фокусировку внимания на данной когорте. Также в качестве ограничения можно выделить отсутствие респондентов из других регионов России, что не позволяет выявить отличия субъектов друг от друга. Отнесем это к перспективам исследования: в будущем оно может быть продолжено с привлечением участников из других регионов России.

Список литературы

Абдулманов П.Г. Миграционные установки населения республики Дагестан в современных условиях: социологический анализ // РППЭ. – 2022. – № 5 (139). – С. 73–78.

Брылева А.С. Понятие миграции населения: доктринальный и законодательный аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 9–2. – С. 98–102.

Бюраева Ю.Г., Пискунов Е.Ю. Миграционные установки студенческой молодежи дальневосточного региона (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 98–106.

Вьяльшина А.А., Дакирова С.Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 159–183.

Габдрахманов Н.К. Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия Экономика. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 7–17.

Гальцева Н.В., Фавстрицкая О.С., Шарыпова О.А. Выявление причин оттока населения из успешного дальневосточного арктического региона (1990–2020 гг.) // Экономика региона. – 2024. – № 2. – С. 539–555.

Гильтман М.А., Обухович Н.В., Ларионова Н.И. Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах крайнего севера // Мир России. Социология. Этнология. – 2020. – № 3. – С. 28–50.

Гонина Н.В. Демографические процессы в экстремальных условиях. Норильск в 1950–1960-х гг. // Манускрипт. – 2020. – № 6. – С. 16–20.

Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России // Психологические и психоаналитические исследования: ежегодник. – Москва: Московский институт психоанализа, 2017. – С. 307–327.

Грунт Е.В., Титаренко Л.Г., Беляева Е.А. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений // Социология. – 2023. – № 1. – С. 218–226.

Дергунова Н.В., Лукафина Д.А. Гражданская идентичность российской молодежи в условиях миграции // Власть. – 2017. – № 10. – С. 91–96.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 47–65.

Клюева В.П., Фарахутдинов Ш.Ф. Миграционные установки населения Тюменской области // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 1 (94). – С. 198–209.

Леденева В.Ю. Влияние трудовой миграции на этносоциальную структуру в национальных регионах России // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16, ч. 2. – С. 669–672.

Лобова С.В., Долженко Р.А., Илюшников К.К. Модели и детерминанты миграционного поведения молодежи г. Барнаула // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2020. – № 1. – С. 46–58.

Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 160–169.

Маленов А.А. Миграционные мотивы и установки омских студентов, проживающих совместно с родителями и отдельно от них // Вестник Омского университета. Серия Психология. – 2024. – № 1. – С. 38–47.

Миграция населения Омской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. – 2024. – URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migration-info_01-2023.pdf (дата обращения 19.08.2024).

Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64634?ysclid=m0awz51xap897740213>

Охота к перемене мест // ВЦИОМ. Новости. – 2024. – 26.03. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest> (дата обращения: 03.09.2024).

Очирова Г.Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник ГУУ. – 2021. – № 4. – С. 181–188.

Половинко В.С., Арбуз А.В. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2018. – Т. 19, № 1. – С. 38–50.

Потравная Е.В. Миграционные установки и тенденции экономического поведения населения в условиях промышленного освоения арктической зоны России: результаты социологических исследований // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1 (93). – С. 26–33.

Рочева А.Л., Варшавер Е.А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 295–334.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – Москва: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований, 2003. – 239 с.

Сагитова В.Р. Феномен образовательной миграции // Наука. Общество. Оборона. – 2024. – № 1 (38). – С. 5.

Социально-демографический портрет омских школьников с разным типом миграционных установок / *Маленова А.Ю., Потапова Ю.В., Маленов А.А., Потапов А.К.* // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 127–139.

Словос Н.И., Иванова А.И. Факторы гетерогенности населения в России: институты, доходы, демография // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2020. – № 1. – С. 219–223.

Шапаров А.Е., Чувашова Н.И. Влияние миграции на качество человеческого капитала регионов Российской Арктики // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2019. – № 14, ч. 2. – С. 714–717.

Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Алтайском крае (по материалам социологического исследования) // Society and security insights. – 2022. – № 2. – С. 48–64.

Abebe K.A., Abebaw M. Explaining migration intention from selected psychosocial variables in South Wollo, Ethiopia // Frontiers in sociology. – 2022. – Vol. 7. – P. 1–16. – DOI: 10.3389/fsoc.2022.960203

Dalen H.P. van, Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands // Population studies. – 2013. – Vol. 67, N 2. – P. 225–241. – DOI: 10.1080/00324728.2012.725135

International migration desires related to subjective well-being / Cai R., Espipova N., Oppenheimer M., Feng S. // IZA journal of migration. – 2014. – Vol. 3. – P. 1–20. – DOI: 10.1186/2193-9039-3-8

Migration intentions among nursing students in a low-middle-income country / Laari C.K., Sapak J., Wumbei D., Salifu I. // BMC Nursing. – 2024. – N 23, art. 492. – DOI: 10.1186/s12912-024-02180-9

What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China / Jin C., Li B., Jansen S.J.T., Boumeester H.J.F.M., Boelhouwer P.J. // Cities. – Vol. 128. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.cities.2022.103802.

Willis-Esqueda C., Delgado R.H., Pedroza K. Patriotism and the impact on perceived threat and immigration attitudes // The journal of social psychology. – 2016. – Vol 157, N 1. – P. 114–125. – DOI: 10.1080/00224545.2016.1184125

References

Abdulmanapov P.G. Migracionny`e ustanovki naseleniya Respubliki Dagestan v sovremennyh usloviyah: sociologicheskij analiz [Migration attitudes of the population of the Republic of Dagestan in modern conditions: sociological analysis]. *RPPE*. – 2022. – N 5 (139). – P. 73–78. (In Russian)

Abebe K.A., Abebaw M. Explaining migration intention from selected psychosocial variables in South Wollo, Ethiopia. *Frontiers in sociology*. – 2022. –Vol. 7. – P. 1–16. – DOI: 10.3389/fsoc.2022.960203

Bryleva A.S. Ponyatie migracii naseleniya: doktrinal`ny`j i zakonodatel`ny`j aspekt [The concept of population migration: doctrinal and legislative aspect]. *Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International journal of humanities and natural sciences]. – 2021. – N 9–2. – P. 98–102. (In Russian)

Byuraeva Yu.G., Piskunov E.Yu. Migracionny`e ustanovki studencheskoj molodezhi dal`nevostochnogo regiona (na materialax Respubliki Buryatiya) [Migration attitudes of student youth of the Far Eastern region (based on materials from the Republic of Buryatia)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state university]. – 2020. – N 459. – P. 98–106. (In Russian)

Dalen H.P. van, Henkens K. Explaining emigration intentions and behaviour in the Netherlands. *Population studies*. – 2013. – Vol. 67, N 2. – P. 225–241. – DOI: 10.1080/00324728.2012.725135

Dergunova N.V., Lukafina D.A. Grazhdanskaya identichnost` rossijskoj molodezhi v usloviyah migratsii [Civil identity of Russian youth in conditions of migration]. *Vlast`* [Power]. – 2017. – N 10. – P. 91–96. (In Russian)

Gabdrakhmanov N.K. Koncentraciya studentov v sisteme vysshego obrazovaniya na karte Rossijskoj Federacii [Concentration of students in the higher education system on the map of the Russian Federation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Russian peoples' friendship university. Series: Economics]. – 2019. – Vol. 27, N 1. – P. 7–17. (In Russian)

Gal'tseva N.V., Favstritskaya O.S., Sharypova O.A. Vyyavlenie prichin ottoka naseleniya iz uspeshnogo dal'nevostochnogo arkticheskogo regiona (1990–2020 gg.) [Identification of the reasons for the outflow of population from the successful Far Eastern Arctic region (1990–2020)]. *Ekonomika regiona* [Regional economics]. – 2024. – N 2. – P. 539–555. (In Russian)

Gil'tman M.A., Obukhovich N.V., Larionova N.I. Vliyanie zarabotnoj platy v evropejskoj chasti Rossii na migratsiyu v rajonah krajnego severa [The influence of wages in the European part of Russia on migration in the Far North]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology]. – 2020. – N 3. – P. 28–50. (In Russian)

Gonina N.V. Demograficheskie processy v ekstremal'nyh usloviyah. Noril'sk v 1950–1960-h gg. [Demographic processes in extreme conditions. Norilsk in the 1950–1960s]. *Manuskript* [Manuscript]. – 2020. – N 6. – P. 16–20. (In Russian)

Gordyakova O.V., Lebedev A.N. Chuvstvo patriotizma i tipy patrioticheskogo povedeniya molodyh grazhdan Rossii [Feeling of patriotism and types of patriotic behavior of young citizens of Russia]. *Psichologicheskie i psihoanaliticheskie issledovaniya: ezhegodnik* [Psychological and psychoanalytic studies: yearbook]. – Moscow: Moscow institute of psychoanalysis. – 2017. – P. 307–327. (In Russian)

Grunt E.V., Titarenko L.G., Belyaeva E.A. Vyyavlenie migratsionnyh ustanovok provincial'noj molodezhi: na primere uchashchih-sya rossijskih i belorusskih obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Identification of migration attitudes of provincial youth: on the example of students of Russian and Belarusian educational institutions]. *Sociologiya* [Sociology]. – 2023. – N 1. – P. 218–226. (In Russian)

International migration desires related to subjective well-being. Cai R., Esipova N., Oppenheimer M., Feng S. *IZA journal of migration*. – 2014. – Vol. 3. – P. 1–20. – DOI: 10.1186/2193-9039-3-8

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Mezhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. – 2016. – N 4. – P. 47–65. (In Russian)

Klyueva V.P., Farakhutdinov Sh.F. Migratsionnye ustanovki naseleniya Tyumenskoj oblasti [Migration attitudes of the population of the Tyumen region]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and governance in the East of Russia]. – 2021. – N 1 (94). – P. 198–209. (In Russian)

Ledeneva V.Yu. Vliyanie trudovoj migratsii na etnosocial'nuyu strukturu v natsional'nyh regionah Rossii [The influence of labor migration on the ethnosocial structure in the national regions of Russia]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. – 2021. – N 16, p. 2. – P. 669–672. (In Russian)

Lobova S.V., Dolzhenko R.A., Ilyushnikov K.K. Modeli i determinanty migratsionnogo povedeniya molodezhi g. Barnaula [Models and determinants of migration behavior of youth in Barnaul]. *Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika. Politika* [News of universities. Sociology. Economics. Politics]. – 2020. – N 1. – P. 46–58. (In Russian)

Lychko S.K., Mosienko N.L. Privlekatel'nost' goroda kak faktor formirovaniya migratsionnyh ustanovok studentov [The attractiveness of the city as a factor in the formation of students' migration attitudes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-ekonomicheskie nauki»* [Bulletin of the Novosibirsk state university. Series «Socio-economic sciences»]. – 2014. – Vol. 14, N 1. – P. 160–169. (In Russian)

Malenov A.A. Migratsionnye motivy i ustanovki omskih studentov, prozhivayushchih sovместно s roditelyami i otdel'no ot nih [Migration motives and attitudes of Omsk students living with their parents and separately from them]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of Omsk university. Series: Psychology]. – 2024. – N 1. – P. 38–47. (In Russian)

Migration intentions among nursing students in a low-middle-income country. Laari C.K., Sapak J., Wumbei D., Salifu I. *BMC Nursing*. – 2024. – N 23, 492. – DOI: 10.1186/s12912-024-02180-9

Migratsiya naseleniya Omskoj oblasti [Migration of the population of the Omsk region]. Territorial body of the Federal state statistics service for the Omsk region. – URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migrationinfo_12-2022.pdf (accessed: 19.08.2024). (In Russian)

Naseleniye [Population]. Department of the Federal state statistics service for Moscow and the Moscow region]. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/folder/64634?ysclid=m0awz51xap897740213> (accessed: 19.08.2024). (In Russian)

Ochirova G.N. Obrazovatel'naya migratsiya iz Respubliki Buryatiya: faktory, masshtaby i napravleniya [Educational migration from the Republic of Buryatia: factors, scales and directions]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [Bulletin of state university of management]. – 2021. – N 4. – P. 181–188. (In Russian)

Okhota k peremene mest [Wanderlust]. Russian public opinion research center (WCIOM). News. – 2024. – 26.03. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest> (accessed: 03.09.2024). (In Russian)

Polovinko V.S., Arbuz A.V. Migratsionnye ustanovki naseleniya v kontekste regional'nogo rynka truda [Migration attitudes of the population in the context of the regional labor market]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the Ural state economic university]. – 2018. – Vol. 19, N 1. – P. 38–50. (In Russian)

Potravnaya E.V. Migratsionnye ustanovki i tendentsii ekonomicheskogo povedeniya naseleniya v usloviyah promyshlennogo osvoiniya arkticheskoy zony' Rossii: rezul'taty sociologicheskikh issledovanij [Migration attitudes and trends in the economic behavior of the population in the conditions of industrial development of the Arctic zone of Russia: results of sociological research]. *Obschestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. – 2022. – N 1 (93). – P. 26–33. (In Russian)

Rocheva A.L., Varshaver E.A. Migratsionnye namereniya molodezhi s migratsionnym bekgraundom i bez: rossijskij sluchaj [Migration intentions of young people with and without a migration background: the Russian case]. *Monitoring ob-*

shhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. – 2020. – N 3. – P. 295–334. (In Russian)

Rybakovskij L.L. Migratsiya naseleniya (voprosy teorii) [Population migration (theory issues)]. – Moscow: Non-profit foundation – Institute of socio-economic and political research. – 2003. – 239 p. (In Russian)

Sagitova V.R. Fenomen obrazovatel'noj migratsii [The phenomenon of educational migration]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defence]. – 2024. – N 1 (38). – P. 5. (In Russian)

Shahova E.V., Maksimova S.G. Mezhetnicheskie otnosheniya i migratsionnaya situatsiya v Altajskom krae (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [Inter-ethnic relations and migration situation in the Altai territory (based on sociological research)]. *Society and security insights*. – 2022. – N 2. – P. 48–64. (In Russian)

Shaparov A.E., Chuvashova N.I. Vliyanie migratsii na kachestvo chelovecheskogo kapitala regionov Rossijskoj Arktiki [The influence of migration on the quality of human capital in the regions of the Russian Arctic]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. – 2019. – N 14, p. 2. – P. 714–717. (In Russian)

Social'no-demograficheskij portret omskih shkol'nikov s raznym tipom migratsionnyh ustanovok [Socio-demographic portrait of Omsk schoolchildren with different types of migration attitudes]. Malenova A.Yu., Potapova Yu.V., Malenov A.A., Potapov A.K. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Omsk university. Series: Economics]. – 2022. – Vol. 20, N 3. – P. 127–139. (In Russian)

Suslov N.I., Ivanova A.I. Faktory geterogennosti naseleniya v Rossii: instituty, dohody, demografiya [Factors of population heterogeneity in Russia: institutions, income, demography]. *Interexpo Geo-Sibir* [Interexpo Geo-Siberia]. – 2020. – N 1. – P. 219–223. (In Russian)

Vyal'shina A.A., Dakirova S.T. Sociologicheskij analiz migratsionnyh nastroyeniy vypusknikov sel'skih shkol [Sociological analysis of migration sentiments of rural school graduates]. *Regionologiya* [Regionology]. – 2020. – Vol. 28, N 1. – P. 159–183.

Willis-Esqueda C., Delgado R.H., Pedroza K. Patriotism and the impact on perceived threat and immigration attitudes. *The journal of social psychology*. – 2016. – Vol 157, N 1. – P. 114–125. – DOI: 10.1080/00224545.2016.1184125

УДК 323.1, 314.74

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.06

ГРАБЕВНИК М.В.* МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Аннотация. Исследование посвящено проблематике объяснительных моделей связи международных миграционных процессов и субнационального регионализма этнического и неэтнического оснований. С опорой на эмпирические примеры и массив современной исследовательской литературы представлена попытка заполнения пробелов данного фрагментированного предмета (характера корреляции международной миграции и субнационального регионализма). Теоретически охарактеризованы закономерности влияния международной миграции на структурные характеристики и интенсивность субнационального регионализма, а также зафиксировано значение структурных факторов регионалистского сообщества (характер расселения, концентрация полигона расселения, пространственные характеристики – изолированность и приграничный статус) в отношении возможностей и интенсивности международной миграции. Исследовательский фокус статьи наведен также на миграционную политику как фактор субнационального регионализма и вариацию миграционных стратегий регионалистских акторов.

Ключевые слова: миграция; международная миграция; регионализм; субнациональный регионализм; сепаратизм; ирредентизм.

* © Грабевник М.В., статья, 2024.

Грабевник Михаил Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет; mikhailgrabevnik@yandex.ru

*Международная миграция и субнациональный регионализм:
объяснительные модели*

Для цитирования: Грабевник М.В. Международная миграция и субнациональный регионализм: объяснительные модели // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2024. – № 3. – С. 108–128. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.06

Статья поступила: 10.10.2024.

Принята к публикации: 15.10.2024.

GRABEVNIK M.V.** International migration and sub-national regionalism: explanatory models

Abstract. The article is devoted to the explanatory models of the correlation between international migration processes and sub-national regionalism. Based on empirical examples and on contemporary studies, the author tried to fill the gaps of this research subject. The patterns of influence of international migration on the structural features and intensity of sub-national regionalism are theoretically characterized, and the significance of structural factors of the regionalist community regarding the possibilities and intensity of international migration is theoretically analysed. The research focus also includes migration policy as a factor of sub-national regionalism and variations in migration strategies of regionalist actors.

Keywords: migration; international migration; regionalism; sub-national regionalism; separatism; irredentism.

For citation: Grabevnik M.V. International migration and sub-national regionalism: explanatory models. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 108–128. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.06

Received: 10.10.2024.

Accepted: 15.10.2024.

** Grabevnik Mikhail Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Political Science Department, Perm State National Research University; mikhailegrabevnik@yandex.ru

Введение

Эффекты международной миграции в социальном и политическом измерениях наблюдаются в структурных характеристиках принимающего сообщества: демографический состав населения, этнолингвистическое и конфессиональное разнообразие, культурная и идентитарная матрицы. При этом принимающие мигрантов сообщества не являются однородными, но напротив, демонстрируют атрибуты фрагментированного и плюрального социального и политического территориального пространства, т.е. характеризуются гетерогенностью. Такие политико-территориальные сообщества нередко сталкиваются с вызовами и угрозами целостности, которые артикулируются политически оформленными регионалистскими, сепаратистскими и / или ирредентистскими движениями за самоопределение (*self-determination movements*). В условиях политико-территориального разнообразия и функционирования на территории современных государств широкого спектра регионалистских движений, миграция, международная и внутринациональная, является значимым фактором. Миграционные процессы способны вносить изменения в структуру регионалистских сообществ (усиливая и укрепляя их или, наоборот, размывая и ослабляя), могут выступать маркером для консолидации регионалистского сообщества (*rally-around-the-flag*), способны влиять на формирование и воспроизводство либеральной или протекционистской миграционной повестки и политики.

Характер связи международной миграции и субнационального регионализма в таком контексте представляет актуальное и востребованное исследовательское предметное поле. Между тем в исследованиях регионализма, сепаратизма и политико-территориальной целостности современных национальных государств в российском академическом поле имеет место значимый пробел. Наблюдается существенный недостаток исследований взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма. Обзор объяснительных моделей, представленный в настоящей статье с опорой на эмпирические примеры, представляет попытку частичного заполнения данного фрагментированного исследовательского сюжета (характера взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма).

В целях конкретизации концептуального аппарата требуют уточнения используемые категории. Миграционные процессы в настоящей статье рассматриваются как международные и кросс-территориальные, тогда как внутренняя (внутринациональная) миграция остается за рамками рассмотрения. Автор признает значимость внутренних миграционных процессов (урбанизации, процессов расселения на постоянное место жительства, образовательной миграции, временной трудовой и маятниковой миграции) как аспектов регионализма, полагая, что обозначенные в статье объяснительные механизмы (связи регионализма и миграции) могут быть экстраполированы и на внутринациональный уровень.

Что касается понятия регионализма (в том числе и субнационального формата), то его концептуализация является достаточно актуальным и проработанным исследовательским предметом в 1990–2010 годы в рамках социальных и политических наук (в том числе в российском академическом поле) [Keating, 1998 ; Бусыгина, 2006 ; Туровский, 2006 ; Scully, Wyn, 2010 ; Панов, 2020]. В политических науках наблюдаются три основных интерпретации регионализма. Первая рассматривает регионализм как региональную гетерогенность и дифференциацию, т.е. наличие региональной вариации в рамках национального государства (в том числе в формате региональных идентичностей) [Бусыгина, 2006]. Вторая интерпретация акцентирует внимание на субъектности региона и рассматривает регионализм как политическое движение, направленное на достижение / расширение региональной и территориальной автономии [Keating, 1998]. Третья концептуальная позиция расценивает регионализм как институционализованные отношения и политическую борьбу национального центра и региона по определению (и / или реконфигурации) политико-административного статус-кво [Панов, 2020]. В рамках настоящего исследования под регионализмом понимается движение за самоопределение регионального сообщества, которое стремится к обретению и расширению политической субъектности в формате самоуправления (self-rule) и совместного управления (shared-rule) [Панов, 2020]. Вместе с тем регионализм как движение может рассматриваться в трех ключевых проявлениях в отношении к национальному государству (nation-state): субнациональный регионализм (регион как составляющая национального государство

территориальная единица), наднациональный (регион как совокупность граничащих территориальных единиц нескольких национальных государств и / или самих национальных государств), транснациональный (регион как совокупность национальных государств вне жесткой привязки к территориальному критерию). В рамках настоящего исследования регионализм рассматривается субнациональном измерении (т.е. как движение субнациональной территориальной единицы в составе национального государства) и в широком спектре вариаций (регионализм – автономизм – сепаратизм – ирредентизм).

Миграция и структурные аспекты субнационального регионализма

Международная миграция выступает значимым фактором субнационального регионализма в современных национальных политиках. Влияние такого фактора, безусловно, не является непосредственным, но действует опосредованно через формирование и реконфигурацию структурных характеристик регионального сообщества.

Миграционные процессы очевидным образом могут способствовать изменению структуры как принимающего, так и отправляющего сообщества. С одной стороны, иммиграция населения, отличного от принимающего населения по этнолингвистическим и / или конфессиональным атрибутам, может вести к размыванию регионального сообщества, тем самым ослабляя структурную силу регионализма. С другой стороны, само этнолингвистическое «ядро» субнационального регионализма (в случае этнической / лингвистической / конфессиональной его вариаций) способно по различным причинам мигрировать за пределы территории национального государства. Эмиграционные процессы в большинстве случаев ослабляют структурную силу движения за самоопределение и, как следствие, субнациональный регионализм. Регионалистские политические партии в таких случаях теряют электоральную поддержку и фиксируют снижение политико-административной субъектности как на региональном, так и на национальном уровне [Deschouwer, 2009 ; Hepburn, 2009].

Случаи структурной реконфигурации населения региона ввиду миграционных процессов и, как следствие, изменения силы субнационального регионализма (чаще всего в сторону ее понижения), часто встречаются в современной практике и истории. Репрезентативной иллюстрацией таких процессов сегодня является венгерский этнолингвистический регионализм в Румынии, Словакии и Сербии. Одной из наиболее значимых структурных характеристик венгерских этнических сообществ последних десятилетий является значительный демографический упадок и миграционный отток. С начала 1990-х годов численность этнических венгров сократилась в Румынии на 622 тыс. граждан (доля представленности группы сократилась на 1,6 п.п. до 5,52% в 2021 г.)¹, Сербии – на 159 тыс. граждан (на 1,47 п.п. до 2,77% в 2022 г.)², Словакии – на 145 тыс. граждан (на 3,05 п.п. до 7,75% в 2021 г.)³. Подобный демографический спад, по мнению экспертов, вызван не в последнюю очередь активной миграционной политикой по привлечению соотечественников (co-ethnics) и предоставлению двойного гражданства со стороны Республики Венгрии в рамках последовательного курса правительства В. Орбана и партии «Фидес» [Vígó-Nagy, 2021]. Вместе с эмиграцией этнических венгров из Румынии, Сербии, Словакии, наблюдается и ослабление венгерского субнационального регионализма в румынских жудецах Хагрита, Ковасна, Муреш, сербской автономии Воеводине и южных локалитетах Трнавского, Нитранского, Банскобистрицкого и Кошицкого краев Словакии⁴. Эмиграционные процессы при этом – лишь один из

¹ Recensământul populației și locuitorilor. – URL: <https://www.recensamantromania.ro/> (accessed: 01.10.2024).

² Републички завод за статистику. Република Србија. – URL: <https://www.stat.gov.rs/> (accessed: 01.10.2024).

³ Scitania obyvateľov domov a bytov. – URL: <https://www.scitanie.sk/> (accessed: 01.10.2024).

⁴ В качестве операциональных показателей степени интенсивности субнационального регионализма могут выступать: электоральная и институциональная (коалиционная, парламентская, правительственная) сила регионалистских партий; наличие регионалистских требований и заявлений, угрожающих целостности государства (например, манифеста о независимости, заявления / проведения референдума); уровень интенсивности этнополитического и / или центр-регионального конфликта (например по индексам Self-Determination Movements или Conflict Barometer). Данные показатели в отмеченных кейсах венгерских территориаль-

комплекса факторов, определяющих нисходящую динамику субнационального регионализма и ослабление регионалистских партийных сил (наряду с кооптацией этнических элит парламентскими и правительственными структурами, институциональными реформами и другими факторами).

Наиболее радикальным и сильным выражением подобной закономерности может служить вынужденная эмиграция, вызванная вооруженными конфликтами и войнами, гуманитарными катастрофами и стихийными бедствиями. Так, например, вынужденная эмиграция этнических армян из региона Нагорного Карабаха в ходе очередной итерации этнополитического конфликта 2023–2024 гг. повлекла за собой кардинальную смену демографического ландшафта территории, в рамках которой сегодня развитие армянского субнационального регионализма не представляется более возможным. Кейсы вынужденной эмиграции как фактора нивелирования структурной силы регионализма регулярно наблюдаются в пространстве Европы (миграция этнических сербов из северных муниципалитетов Косово из-за регулярных вооруженных столкновений; историческая миграция на Балканском регионе как долговременный эффект боснийской войны и распада Югославии) и Азии (этничность рохинжа в Мьянме и миграционный кризис в Юго-Восточной Азии).

Вместе с тем на международные миграционные процессы в контексте субнационального регионализма может оказывать влияние ряд существенных детерминант. Во-первых, важное значение приобретают географические и пространственные особенности расселения регионалистского сообщества. С одной стороны, фактор локализации и строгих территориальных границ расселения регионального сообщества способствует политической и культурной консолидации и укреплению субнационального регионализма. Типичными иллюстрациями в данном отношении являются островные кейсы регионализма – остров Корсика во Франции, Азорские острова и остров Мадейра в Португалии, острова Пуэрто-Рико в Соединенных Штатах, Аландские острова в Финляндии. В указанных случаях географический и пространственный факто-

ных сообществ демонстрируют регрессивную динамику в период 1990–2010-х годов, что свидетельствует об ослаблении субнационального регионализма.

ры (островной статус, пространственная изолированность, в ряде случаев также отдаленность региона) консолидируют региональное сообщество, укрепляя субнациональный регионализм на структурном основании. С другой стороны, островной статус административно-территориальной единицы и удаленность территории от метрополии (фактор анклавизации) может, наоборот, способствовать миграционному оттоку населения ввиду экономических, инфраструктурных и административных причин. Это, в свою очередь, ослабляет структурную и электоральную базу для поддержания функционирования движений за самоопределение и снижает потенциал субнационального регионализма. Примерами подобного рода выступают островные территориальные единицы Австралии. Аборигенное население островов Торресова пролива активно мигрирует и расселяется в 2000–2010 годы на постоянное место жительства в границах континентальной Австралии сугубо по экономическим причинам (разница в уровне доходов и уровне безработицы представляется значительной), тем самым снижая регионалистский потенциал автономной территории островов.

Во-вторых, фактор расселения регионалистского сообщества также представляется значимой доминантой как для определения опций и возможностей международной миграции, так и для динамики субнационального регионализма. В случаях, если полигон расселения этнолингвистического сообщества, артикулирующего регионалистские (автономистские / сепаратистские) требования, является концентрированным (т.е. высокая доля регионалистского сообщества проживает совместно на определенной территории в границах одного или нескольких административно-территориальных элементов), то и потенциал консолидации регионализма выше. В подобных случаях регионалистские сообщества стремятся укрепить собственную структурную силу в регионе, в связи с чем нередко публично и политически выступают за привлечение в качестве иммигрантов представителей схожего этнолингвистического или конфессионального профиля (co-ethnics). Сами адепты регионалистского сообщества при этом не имеют значимых регионалистских стимулов для эмиграции (хотя, безусловно, факторы экономической и вынужденной миграции остаются значимыми). Наоборот, в случаях фрагментированного характера расселения регионалистского сообщества происходит закрепление

(в том числе институциональное) за этнолингвистическим сообществом статуса меньшинства, что снижает потенциал консолидации субнационального регионализма. В подобных условиях такие меньшинства вынуждены выбирать из ограниченного спектра прагматичных альтернатив: либо интегрироваться / ассимилироваться, либо придерживаться стратегии сепарации и маргинализации, либо мигрировать в другую национальную политику (особенно в случаях наличия у такого меньшинства родственного государства – kin-state).

В-третьих, важное значение имеет не только степень территориальной консолидации регионалистского сообщества (концентрированность полигона проживания), но и сама территориальная локализация такого полигона относительно границ национального государства (приграничный статус). С одной стороны, если регионалистское сообщество расселено концентрированно на границе политики (особенно на границе с родственным государством), это расширяет возможности и увеличивает вероятность его международной эмиграции. Подобные закономерности наблюдаются в случаях: этнических хорватов в Боснии и Герцеговине, мигрирующих в Хорватию из федеративного энтитета (более масштабно в период военного кризиса 1990-х и менее масштабно – в период 2000–2010 годов); этнических сербов, проживающих в северных муниципалитетах Косово, мигрирующих в Республику Сербия как в 1990-е годы, так и после 2008 г. на современном этапе; этнических венгров Словакии, проживающих на границе с Венгрией, локально и нерегулярно мигрирующих в Республику Венгрия).

С другой стороны, если регионалистское сообщество расселено изолированно от государственных границ, это может ограничивать возможности и снижать вероятность международной эмиграции. В качестве критично важного условия в этом случае нужно также иметь в виду тип полигона расселения. Так, например, в Румынии венгерское сообщество локализовано в семи жудецах (округах) на исторической территории региона Трансильвания – Харгита, Ковасна, Муреш, Сату-Маре, Бихор, Сэлаж, Клуж. При этом лишь три жудеца (Харгита, Ковасна и Муреш) являются непосредственными соседями в центральном регионе страны, тогда как остальные распределены на северо-западе национальной территории ближе к румыно-венгерской границе. Ввиду этого го-

ворить об относительно консолидированном этническом полигоне приходится только в части регионов, изолированных от национальных границ (Харгита, Ковасна и Муреш). Эти регионы не демонстрируют миграционного оттока этнических венгров, но, напротив, выделяются относительно устойчивой и значительной долей венгерского сообщества (36,77% в среднем по трем регионам на 2021 г.). Вместе с тем теоретически ожидаемы и случаи, в которых, наоборот, полигон расселения фрагментирован и расположен изолированно от границ национального государства (т.е. расположен внутри национальной территории), и в которых наблюдался бы миграционный отток регионалистского сообщества (этнолингвистического меньшинства). Отдельными штрихами и атрибутами подобный сценарий напоминает случай этнических албанцев в Северной Македонии, которые расселены значительной долей (более 10%) в 30/81 муниципалитетах республики (в 17 муниципалитетах этнические албанцы составляют абсолютное или относительное большинство; в 13 муниципалитетах этнические албанцы составляют значимое меньшинство – от 10% до 39%)¹. Этнические албанцы, проживающие в приграничных с Албанией территориях, достаточно консолидированы и устойчивы, тогда как среди албанцев, которые проживают в более восточных территориях Северной Македонии в глубине территории страны, имеют место интенции миграции как внутренней (в приграничные регионы с доминированием албанцев), так и международной (в саму Республику Албания).

Исследование связи миграционных процессов и субнационального регионализма, таким образом, требует учета и соотношения численности групп региональных меньшинств / доминирующей группы, и характера территориальности и расселения этнических групп. Локализации этнических групп как фактору политизации этничности, субнационального регионализма и управления политико-территориальными конфликтами в современных государствах посвящен ряд работ российских исследователей [Минаева, 2020].

¹ State statistical office: census of population, households and dwellings in the Republic of North Macedonia. – 2021. – URL: https://www.stat.gov.mk/PrikaziSoopstanie_en.aspx?rbtxt=146 (accessed: 01.10.2024).

Важно, однако, заметить, что обозначенные выше пространственные факторы имеют принципиальное значение для субнационального регионализма этнического и конфессионального основания. При этом в современном мире имеют место и успешно развиваются субнациональные регионализмы на иных доминирующих основаниях – экономическом (провинция Альберта в Канаде, земля Бавария в Германии), лингвистическом (провинция Квебек в Канаде), историческом и культурном основаниях – в рамках которых пространственный фактор расселения не столь значим для воспроизводства регионалистских политических интенций (в таких случаях регионалистское сообщество полностью совпадает с региональным – т.е. проживающим на территории субнациональной административной единицы).

Экономика миграции и неэтнический регионализм

При аналитическом рассмотрении взаимовлияния международной миграции и субнационального регионализма необходимо иметь в виду вариативность причин миграции, с одной стороны, а также основания самого регионализма. Выше были зафиксированы закономерности, характерные прежде всего для субнационального регионализма этнолингвистического основания. В таких регионализмах ключевое значение имеют структурные характеристики регионалистского (этнического, лингвистического, конфессионального) сообщества. Нет никакой уверенности в том, что указанные объяснительные механизмы связи субнационального регионализма и международной миграции будут проявляться в случаях регионализмов экономического основания. Напротив, представляется, что миграционные паттерны в таких условиях могут служить аргументами в пользу классических экономических теорий миграции, где экономические факторы (уровень дохода, уровень безработицы, вариация спроса и предложения на рынке труда) и пространственные факторы (логистические, транспортные, инфраструктурные) будут иметь определяющее значение.

Примером подобного толка выступает альбертинский субнациональный регионализм в Канаде – он имеет неэтнический характер и обусловлен прежде всего экономическими причинами. На протяжении 2000–2020 годов провинция Альберта является

наиболее эффективной с точки зрения экономики (по расчету ВРП на душу населения) провинцией Канады, а также выплачивает больше всех налогов в федеральный бюджет. Вместе с тем имеет место неравенство перераспределения доходов в условиях канадского бюджетного федерализма – провинция Альберта получает меньше выплат из федерального бюджета, чем любая другая провинция центра в отношении к выплаченным налогам (т.е. налогов выплачивает больше, чем получает трансфертов). По состоянию на 2018–2020 гг. провинция получает около 73–74% федеральных выплат, тогда как Квебек (и многие другие восточные провинции) является дотационным и получает около 130–135% федеральных выплат. Под лозунгами нивелирования подобных несправедливых для Альберты экономических условий возвысилась автономистская сила – Объединенная консервативная партия Альберты (United Conservative Party of Alberta), которая активно продвигает политико-административную автономию региона и выступает регионалистским триггером для общенациональных властей.

Альберта является привлекательным с точки зрения миграции регионом, однако иммиграционные процессы никак не ориентированы на субнациональный регионализм. Провинция реализует собственные иммиграционные программы и привлекает иммигрантов (в первую очередь, внутренних, но также и международных) в целях обеспечения предложения на рынках труда. Подобная либеральная и открытая иммиграционная политика обусловлена экономическими факторами, вне ориентации на субнациональный регионализм (что существенно отличает альбертинский кейс от кейсов этнолингвистического регионализма). В подобных условиях субнациональный регионализм не выступает фактором миграционных процессов (хотя, безусловно, международная миграция может стать стимулом дальнейшего роста экономически обусловленных регионалистских требований). Каузальные отношения, таким образом, между международной миграцией и субнациональным неэтническим регионализмом скорее отсутствуют, чем наличествуют.

Конфигурации, подобные сложившейся в провинции Альберта, типичны для крупных федераций – подобные сценарии с поправками наблюдаются в автономной территории Нунавут (экономический регионализм, подкрепленный индигенным населени-

ем) в австралийском штате Западная Австралия (сугубо экономический регионализм), северных регионах Италии, в земле Бавария Федеративной Республики Германия. Вместе с тем стоит помнить, что указанное отсутствие связи между международной миграцией и субнациональным регионализмом наблюдается в случаях исключительно экономически обусловленных регионализмов. Комплексные субнациональные регионализмы (в основание которых заключены не только экономические, но и этнические характеристики) – какими, например, сегодня выступают Шотландия в Соединенном Королевстве, Страна Басков и Каталония в Королевстве Испания, – вынуждены учитывать миграционные процессы с точки зрения прежде всего структуры сообщества, и только затем с точки зрения экономической конъюнктуры.

Несмотря на то, что корреляция между экономическим неэтническим субнациональным регионализмом и международными миграционными процессами не представляется уникальной (но скорее повторяет контуры и паттерны, которые наблюдаются в национальных государствах), экономическая конъюнктура способна выступить катализатором «инструментальных» регионализмов. Так, Шетландские и Оркнейские острова Соединенного Королевства, находящиеся под юрисдикцией Шотландии, в 2010–2020-е годы с разной степенью регулярности актуализируют вопрос об «альтернативном управлении» и даже переходе в состав Королевства Норвегии (в виду географической близости). Показательно, что артикуляция таких регионалистских интенций не подкреплена требованиями достижения реальной автономии ввиду прагматичных причин (инфраструктурные и экономические сложности). В таком контексте регионализм Шетландских и Оркнейских островов проявляется как проактивный символический инструмент в ежегодных переговорах с Эдинбургом по поводу муниципального бюджетирования. В мировой практике наблюдаются также инструментальные регионализмы в качестве реакции на политику национального центра. Так, например, в 2015 г. Австралия провела политико-административную централизацию в отношении острова Норфолк – пакет реформ включал ограничение автономии острова, расформирование региональных органов власти, перевод острова под юрисдикцию Нового Южного Уэльса. Централизация, согласно аргументации правительственных докла-

дов 2006–2014 гг., была обусловлена сугубо прагматичными (экономическими, инфраструктурными и административными) причинами и не преследовала в качестве задачи ограничение прав островного населения. Тем не менее, даже несмотря на объективные инфраструктурные преимущества (особенно в системах здравоохранения, страхования, образования), которые получили жители острова, изменение статус-кво спровоцировало субнациональный регионализм. С точки зрения предметного поля настоящей статьи более актуален кейс острова Рождества, в границах которого Австралия расположила центры временного содержания международных мигрантов, что местное население восприняло крайне негативно. Миграционная политика национального правительства, таким образом, активизировала субнациональный регионализм (не обусловленный этническими характеристиками и не проявляющийся активно ранее) как инструмент в диалоге «центр – регион».

В противовес национальному центру субнациональные единицы, преследуя целью повышение степени политико-административной автономии, также могут бороться за права на установление миграционной политики (или по крайней мере за право участвовать в формировании такой политики). Результаты такой борьбы (предоставляют ли право региону самостоятельно регулировать и определять миграционные рамки или нет) зависят от силы регионализма, артикулируемого партийными группами, конфигурации центр-региональных взаимодействий, а также структурных факторов. Остров Пасхи в 2018 г. получил право устанавливать региональное миграционное законодательство после продолжительной борьбы индигенного этнолингвистического регионализма. Напротив, уже упомянутый остров Рождества не смог добиться подобного права в виду отсутствия значимых регионалистских акторов, слабого этнического основания субнационального регионализма и рестриктивной политикой национального правительства Австралии.

Миграционная политика как фактор субнационального регионализма

Национальные правительства современных государств нередко прибегают к миграционной политике как инструменту

управления политико-территориальной гетерогенностью в случаях интенсивных субнациональных регионализмов. Между тем иммиграция репатриантов или соотечественников (co-ethnics) достаточно часто приветствуется самими субнациональными территориальными единицами. В целях увеличения электоральной и мобилизационной базы автономистских / регионалистских / сепаратистских движений и укрепления структурной силы регионализма, консолидированности регионалистского сообщества регионаны открывают свои границы – но только для этнолингвистических «своих» [Herburn, 2014].

Политическая стратегия самого региона (регионального общества) в отношении иммиграционных паттернов также является значимым фактором. С одной стороны, классический подход в исследованиях национализма предполагает консервативную и протекционистскую реакцию субнационального регионализма на иммиграционные потоки – регионалистское движение рассматривает иммигрантов как угрозу собственной структурной и политико-культурной целостности, а потому будет стремиться проводить ограничительную миграционную политику [Hobsbawm, Kertzer, 1992]. Наиболее часто подобные логики наблюдаются в случаях регионализмов, основанных на этнолингвистическом критерии. Пример Квебека показателен как аргумент в пользу такого классического теоретического ожидания устойчивости антииммигрантских настроений в условиях национализма регионального уровня. В период 2010–2020 годов требования сепаратизма в Квебеке не получают серьезной поддержки ввиду отсутствия стратегического плана имплементации потенциальной государственности. Тем не менее политические интенции к автономизму (расширению компетенций в формате самоуправления и совместного управления) в регионе сохраняются на современном этапе. Наиболее яркой иллюстрацией таких регионалистских устремлений является иммиграционный закон Квебека 2016–2019 гг. (Quebec Immigration Act, 2016) и изменения квалификационных и лингвистических требований и правил для мигрантов 2023–2024 гг.¹ (право на введение таких региональных законов есть у провинции в соответствии с

¹ Immigration rules and procedures. Gouvernement du Québec. – URL: <https://www.quebec.ca/en/immigration/permanent/rules-procedures> (accessed: 01.10.2024).

федеральным законодательством – Законом об иммиграции 1978 г.). Связь миграционной политики и субнационального регионализма в квебекском примере обоюдная. С одной стороны, либеральная и открытая миграционная политика национального центра в период 2000–2010-х годов стимулировала квебекский регионализм (артикулируемый прежде всего партией «Квебекский блок» (*Bloc Québécois*) на общенациональном уровне и партией «Коалиция за будущее Квебека» (*Coalition Avenir Québec*) на субнациональном провинциальном уровне). С другой стороны, субнациональный регионализм привел к формированию сначала регионалистской повестки, а затем провинциальной протекционистской (ограничительной) иммиграционной политики, устанавливаемой ради нивелирования риска размывания его структурных оснований (приветствуется иммиграция в провинцию Квебек франкофонного населения в целях консолидации регионального сообщества).

Результаты эмпирических социологических исследований квебекского регионализма 2010-х годов демонстрируют, что культурная и лингвистическая защищенность / незащищенность регионалистского сообщества является ключевым фактором в формировании негативного отношения к иммиграционным процессам [Turgeon, Bilodeau, 2014]. Представители квебекского регионального сообщества, которые считают, что политический или структурный статус французского языка находится под угрозой, с меньшей долей вероятности положительно относятся к иммиграции. Вместе с тем ортодоксальные сторонники квебекского сепаратизма (т.е. те, кто выступает за государственность Квебека) с большей долей вероятности предпочитают снижение масштабов и интенсивности иммиграционных потоков в провинцию по сравнению с представителями других политико-идеологических сегментов сообщества [Turgeon, Bilodeau, 2014].

С другой стороны, в период 2000–2020-х годов в актуальной политической практике проявляются иные закономерности – регионализмы Каталонии и Шотландии, вопреки теоретическим ожиданиям, проводят вполне либеральную иммиграционную политику, не расценивая иммигрантов как угрозу целостности региона и единству региональной (каталонской и шотландской) идентичности. Как показывают последние эмпирические социологические исследования в пространстве государств Европейского союза, ре-

гионализм, в отличие от национализма, не коррелирует с антииммигрантскими настроениями как на индивидуальном уровне, так и на групповом [Dirksmeier, 2021]. Благодаря подобным эмпирическим свидетельствам более весомую поддержку получает теоретическая традиция мультикультурализма [Kumlicka, 2001]. Такая традиция предполагает, что чем большей региональной автономией и более широким спектром политико-административных полномочий обладает субнациональная территориальная единица (особенно в отношении экономической, трудовой и социальной политики), тем более активно регион будет придерживаться либеральной и толерантной позиции в отношении к иммигрантскому сообществу.

Регионалистские субнациональные правительства и регионалистские партии в таком случае рискуют столкнуться с парадоксом легитимации – широкое разнообразие при либеральной иммиграционной политике может подорвать претензии региона на культурную / этническую / лингвистическую самобытность (и размывать основание субнационального регионализма, если последний не является сугубо экономическим и территориальным). Представляется, что регионы с сильным субнациональным регионализмом (вроде Шотландии и Каталонии), столкнувшиеся с подобным парадоксом легитимации, будут вынуждены либо изменять иммиграционную политику и ориентиры (совершать «откат» к протекционистской политике), либо находить иные средства для легитимации. Исследователями европейских кейсов субнациональных регионализмов зафиксировано использование нескольких таких дополнительных средств легитимации: установление и лоббирование (вместо этнического) гражданского регионализма / национализма, политическая репрезентация посредством партийного представительства и электоральная кооптация, расширение степени политико-административной автономии региона [Jeram, van der Zwet, Wisthaler, 2016]. Иными словами, регионалистское сообщество может быть вполне согласно с либеральной иммиграционной политикой, если регионалистские силы обеспечивают более выгодные политико-административные условия для региона с точки зрения самоуправления. Важно также указать, что результаты статистических исследований не предоставляют однозначного подтверждения точных условий реализации и использования таких механизмов регионалистскими силами [Jeram, van der Zwet, Wisthaler, 2016].

Вместе с тем стратегия субнационального регионализма (продвигаемая прежде всего электорально и политически значимыми регионалистскими партиями) в отношении миграционных паттернов может претерпевать изменения. Так, например, исследования конфедеративного Королевства Бельгия свидетельствуют о том, что в период 1980–2020-х годов миграционная стратегия Фландрии эволюционировала от мультикультурализма и либеральной политики в 1980 г. к умеренной ассимиляционной политике в 2000 г. и более жесткой (даже исключительной) политике 2010-х годов [Adam, Xhardez, 2024]. Факторы подобной динамики в целом укладываются в классические миграционные теории – протекционистская политика стимулирована требованиями национальной (в данном случае региональной) безопасности и консолидации сообщества, тогда как либеральная политика стимулирована требованиями привлечения человеческого капитала в целях повышения эффективности экономики региона. В похожем исследовательском фокусе качественно проанализированы случаи Страны Басков и Каталонии в Королевстве Испания и имплементация ими политики разнообразия (*diversity politics* и *mainstream diversity*) в отношении прибывающих иммигрантских сообществ [Jeram, 2013 ; Jeram, 2014].

Заключение

Предметное поле взаимосвязи международной миграции и субнационального регионализма активно развивается в современном зарубежном академическом пространстве. Вместе с тем исследования указывают на широкий спектр факторов, обуславливающих отношения миграции и регионализма, которые требуют дальнейшего и более детального эмпирического изучения: демографические и структурные характеристики принимающего регионального сообщества, этнолингвистический состав населения региона и иммиграционного сообщества, экономические характеристики и ситуация на рынке труда, исторические и традиционалистские характеристики, региональная политическая и партийная система, а также конфигурация системы многоуровневого (или совместного) управления, где субнациональные единицы обладают степенью субъектности в отношении миграционной поли-

тики национального уровня [Schmidtke, Zaslove, 2014 ; Caponio, Jones-Correa, 2018 ; Zuber, 2020]. Теоретические и эмпирические исследования характера корреляции международной миграции и субнационального регионализма в современных политиях, на взгляд автора, являются актуальными и перспективными в российском социальных и политических науках – как в количественной и каузальной логике, так и в качественной и дескриптивной исследовательской ориентации. Обозначенные в настоящей статье объяснительные модели могут стать основанием для конструирования операциональных гипотез дальнейших исследовательских изысканий.

Список литературы

Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – Москва: РОССПЭН, 2006. – 287 с.

Минаева Э.Ю. Локализация этнических групп: инструментарий анализа этнополитических процессов // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 116–126.

Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 102–115.

Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 784 с.

Adam I., Xhardez C. How sub-state nationalism and immigrant integration policies entwine over time: a spotlight on Flanders (Belgium) // Migration and Nationalism / ed. by M. Samers, J. Rydgren. – Cheltenham: Edward Elgar, 2024. – P. 174–196.

Biró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate // Journal of ethnic and migration studies. – 2021. – Vol. 48, N 2. – P. 405–424. – DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905

Caponio T., Jones-Correa M. Theorising migration policy in multilevel states: the multilevel governance perspective // Journal of ethnic and migration studies. – 2018. – Vol. 44, N 12. – P. 1995–2010.

Deschouwer K. The rise and fall of the Belgian regionalist parties // Regional and federal studies. – 2009. – Vol. 19, N 4/5. – P. 559–577.

Dirksmeier P. The impact of regionalism on anti-immigrant attitudes: a multi-level international comparative study // Territory, politics, governance. – 2021. – Vol. 11, N 5. – P. 873–893. – DOI: 10.1080/21622671.2021.1931424

Hepburn E. Regionalist party mobilisation on immigration // West European politics. – 2009. – Vol. 32, N 3. – P. 514–535. – DOI: 10.1080/01402380902779071

Hepburn E. Multilevel party politics of immigration // The politics of immigration in multi-level states / ed. by E. Hepburn, R. Zapata-Barrero. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 41–63.

Hobsbawm E.J., Kertzer D.J. Ethnicity and nationalism in Europe today // Anthropology today. – 1992. – Vol. 8, N 1. – P. 3–8. – DOI: 10.2307/3032805

**Международная миграция и субнациональный регионализм:
объяснительные модели**

Jeram S. Immigrants and the Basque Nation: diversity as a new marker of identity // Ethnic and racial studies. – 2013. – Vol. 36, N 11. – P. 1770–1788. – DOI: 10.1080/01419870.2012.664281

Jeram S. Sub-state nationalism and immigration in Spain: diversity and identity in Catalonia and the Basque Country // Ethnopolitics. – 2014. – Vol. 13, N 3. – P. 225–244. – DOI: 10.1080/17449057.2013.853998

Jeram S., van der Zwet A., Wisthaler V. Friends or foes? Migrants and sub-state nationalists in Europe // Journal of ethnic and migration studies. – 2016. – Vol. 42, N 8. – P. 1229–1241. – DOI: 10.1080/1369183X.2015.1082286

Keating M. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. – Aldershot: Edward Elgar, 1998. – 242 p.

Kymlicka W. Liberalism, dialogue and multiculturalism // Ethnicities. – 2001. – Vol. 1, N 1. – P. 128–137. – DOI: 10.1177/146879680100100115

Scully R., Wyn J.R. Europe, regions and European regionalism. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – 277 p.

Schmidtke O., Zaslove A. Why regions matter in immigrant integration policies: North Rhine-Westphalia and Emilia-Romagna in comparative perspective // Journal of ethnic and migration studies. – 2014. – Vol. 40, N 12. – P. 1854–1874. – DOI: 10.1080/1369183X.2013.867232

Turgeon L., Bilodeau A. Minority nations and attitudes towards immigration // Nations and nationalism. – 2014. – Vol. 20, N 2. – P. 317–336. – DOI: 10.1111/nana.12068

Zuber C. Explaining the immigrant integration laws of German, Italian and Spanish regions: sub-state nationalism and multilevel party politics // Regional studies. – 2020. – Vol. 54, N 11. – P. 1486–1497.

References

Adam I., Xhardez C. How sub-state nationalism and immigrant integration policies entwine over time: a spotlight on Flanders (Belgium). *Migration and Nationalism*. Ed. by M. Samers, J. Rydgren. – Cheltenham: Edward Elgar, 2024. – P. 174–196.

Biró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate. *Journal of ethnic and migration studies*. – 2021. – Vol. 48, N 2. – P. 405–424. – DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905

Busygina I.M. *Politicheskaya regionalistika* [Political regional studies]. – Moscow: ROSSPEN, 2006. – 287 p. (In Russian)

Caponio T., Jones-Correa M. Theorising migration policy in multilevel states: the multilevel governance perspective. *Journal of ethnic and migration studies*. – 2018. – Vol. 44, N 12. – P. 1995–2010.

Deschouwer K. The rise and fall of the Belgian regionalist parties. *Regional and federal studies*. – 2009. – Vol. 19, N 4–5. – P. 559–577.

Dirksmeier P. The impact of regionalism on anti-immigrant attitudes: a multi-level international comparative study. *Territory, politics, governance*. – 2021. – Vol. 11, N 5. – P. 873–893. – DOI: 10.1080/21622671.2021.1931424

Hepburn E. Multilevel party politics of immigration. *The Politics of immigration in multi-level states*. Ed. by E. Hepburn, R. Zapata-Barrero. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 41–63.

Hepburn E. Regionalist party mobilisation on immigration. *West European politics*. – 2009. – Vol. 32, N 3. – P. 514–535. – DOI: 10.1080/01402380902779071

Hobsbawm E.J., Kertzer D.J. Ethnicity and nationalism in Europe today. *Anthropology today*. – 1992. – Vol. 8, N 1. – P. 3–8. – DOI: 10.2307/3032805

Jeram S. Immigrants and the Basque Nation: diversity as a new marker of identity. *Ethnic and racial studies*. – 2013. – Vol. 36, N 11. – P. 1770–1788. DOI: 10.1080/01419870.2012.664281

Jeram S. Sub-state nationalism and immigration in Spain: diversity and identity in Catalonia and the Basque Country. *Ethnopolitics*. – 2014. – Vol. 13, N 3. – P. 225–244. DOI: 10.1080/17449057.2013.853998

Jeram S., van der Zwet A., Wisthaler V. Friends or foes? Migrants and sub-state nationalists in Europe. *Journal of ethnic and migration studies*. – 2016. – Vol. 42, N 8. – P. 1229–1241. – DOI: 10.1080/1369183X.2015.1082286

Keating M. *The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change*. – Aldershot: Edward Elgar, 1998. – 242 p.

Kymlicka W. Liberalism, dialogue and multiculturalism. *Ethnicities*. – 2001. – Vol. 1, N 1. – P. 128–137. – DOI: 10.1177/146879680100100115

Minaeva E.Yu. Lokalizaciya etnicheskikh grupp: instrumentarij analiza etnopoliticheskikh processov [Localization of ethnic groups: tools for analyzing ethnopolitical processes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm state university. Series: Politics]. – 2020. – Vol. 14, N 1. – P. 116–126. (In Russian)

Panov P.V. Mnogolikij regionalizm [Many faces of regionalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm state university. Series: Politics]. – 2020. – Vol. 14, N 1. – P. 102–115. (In Russian)

Schmidtke O., Zaslove A. Why regions matter in immigrant integration policies: North Rhine-Westphalia and Emilia-Romagna in comparative perspective. *Journal of ethnic and migration studies*. – 2014. – Vol. 40, N 12. – P. 1854–1874. – DOI: 10.1080/1369183X.2013.867232

Scully R., Wyn J.R. *Europe, regions and European regionalism*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – 277 p.

Turgeon L., Bilodeau A. Minority nations and attitudes towards immigration. *Nations and nationalism*. – 2014. – Vol. 20, N 2. – P. 317–336. – DOI: 10.1111/nana.12068

Turovskii R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political regional studies]. – Moscow: HSE publishing house, 2006. – 784 p. (In Russian)

Zuber C. Explaining the immigrant integration laws of German, Italian and Spanish regions: sub-state nationalism and multilevel party politics. *Regional studies*. – 2020. – Vol. 54, N 11. – P. 1486–1497.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

УДК 316.25

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.07

ДАВЫДЕНКО В.А.*; АНДРИАНОВА Е.В.**; НАГОРИЧНАЯ М.Р.*** КУДА СТРЕМЯТСЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ХЭНДБУКА ROUTLEDGE ПО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ. Часть 3)

Аннотация. В третьей части обзора представлено продолжение анализа фундаментальной тематики и ключевых идей Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Акцент сделан на ключевых идеях и нарративах трех глав рассматриваемого Хэндбука, посвященных антропологическим аспектам экзистенциалистского подхода: 1) Полетти С. «Сквозь призму индивидуальных жизней и экзистенциальных нарративов»; 2) Кнейбюлер М. «Утрата единичного существования и личного опыта. Проблема взаимозаменяемости в социальных науках»; 3) Хейсс П.Я. «Эмпирический подход к изучению человеческого

© Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Нагоричная М.Р., статья, 2024.

* Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; v.a.davydenko@utmn.ru

** Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e.v.andrianova@utmn.ru

*** Нагоричная Мария Руслановна – менеджер научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; m.g.nagorichnaia@utmn.ru

существования». Выбор для представления и анализа именно этих эссе в качестве нашего третьего обзора основан на стремлении раскрыть «эффекты антрополога», так как антрополог подолгу живет среди разных сообществ и начинает глубже понимать их идеалы, смыслы и значения действий; иногда вместо термина «эффект антрополога» шутивно говорят о «дефектах антрополога». Обзор трех эссе об антропологическом экзистенциализме позволит, на наш взгляд, отделить «эффекты» от «дефектов» в этой области, основываясь на ключевых высказываниях антропологов мирового уровня.

Ключевые слова: экзистенциальный антропологический подход; «эффекты» и «дефекты» антрополога; компоненты сингулярности и субъективности в социальной теории; контексты связности и согласованности в экзистенциальном антропологическом подходе.

Для цитирования: Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Нагоричная М.Р. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 3) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 129–149. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.07

Статья поступила: 16.09.2024.

Принята к публикации: 23.09.2024.

DAVYDENKO V.A.****, ANDRIANOVA E.V.****, NAGORICHNA-YA M.R.***** Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 3)

**** Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center of Tyumen State University; v.a.davydenko@utmn.ru

***** Andrianova Elena Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e.v.andrianova@utmn.ru

***** Nagorichnaya Maria Ruslanovna – Manager of the Research Center of Tyumen State University; m.r.nagorichnaia@utmn.ru

Abstract. In the third part of this review, the continuation of the analysis of the fundamental themes and key ideas of The Routledge International Handbook of Existential Human Science is presented. The focus of the review is on the key ideas and narratives of the next three chapters of the Handbook, where the anthropological theme of the existentialist approach considers: 1) Poletti S. “(In) dividual lives and existential narratives”; 2) Kneubuhler M. “The loss of singular existence and personal experience. The problem of interchangeability in the social sciences”; 3) Heiss Ja.P. “An empirical approach to studying human existence”. The choice to present and analyze these particular essays for our third review is based on the desire to reveal “the effects of the anthropologist”, consisting of the fact that the anthropologist lives for a long time among different communities and becomes imbued with their meanings, aspirations, and the meanings of actions; sometimes particularly cynical wags instead of the term “effect” use the word “defect” – and a new definition emerges: “the anthropologist's defect”. In our opinion, the review of the three essays on the topic of anthropological existentialism will allow us to separate the “effects” from the “defects” in this field based on the key statements of world-class anthropologists.

Keywords: existential anthropological approach; “effects” and “defects” of the anthropologist; components of singularity and subjectivity in social theory; contexts of coherence and consistency in the existential anthropological approach.

For citation: Davydenko V.A., Andrianova E.V., Nagorichnaya M.R. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 3). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology].* – 2024. – N 3. – P. 129–149. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.07

Received: 16.09.2024.

Accepted: 23.09.2024.

Введение

Структура данной работы выстроена следующим образом. Во введении формулируется *научная проблема*, решению которой

посвящен обзор, а именно: противоречия экзистенциальной философии, экзистенциальной социологии и экзистенциальной антропологии, которые мы обнаруживаем как в нашей эмпирической работе, так и в фундаментальных методах, используемых для познания социального мира. *Теоретическая и практическая актуальность* работы заключается в том, что экзистенциальная тематика показывает, насколько сложна и контекстуализирована наша повседневная жизнь, насколько проблематичны и неопределенны для понимания большинство смыслов и значений, как наши акценты на проблемной и ситуативной природе осмысленного опыта контрастируют со многими теориями неофункционализма и постструктурализма или, например, с положениями той же «рефлексивной социологии» Элвина Гоулднера, «критической теории» Юргена Хабермаса, с формализмом драматургических и других подходов современных социологии и антропологии. Любые идеи общности и социальных закономерностей следует рассматривать в контексте плюралистической, противоречивой и проблемной природы повседневной жизни человека. В этой части обзора предложены для исследования три главы по антропологии, которые не были рассмотрены нами ранее.

Продолжая антропологическую тематику экзистенциалистского подхода в этой, третьей, части обзора [The Routledge international handbook ... , 2023], следует сказать, что анализируемые нами работы Хэндбука представляют собой, коротко говоря, изучение современных «эффектов» и «дефектов» антрополога, сопряженных с тем, что он подолгу живет среди тех или иных сообществ, внутри их семей, социальных групп и общностей, и потому неизбежно проникается их идеалами, ценностями, надеждами, нуждами или устремлениями.

Антрополог *Самюэле Полетти* задается фундаментальным вопросом, может ли экзистенциальный подход «снова и снова описывать экзистенциальные превратности одного и того же человека, (“индивида”, “персону” или “личность”)?» [Poletti, 2023, p. 202]. Не искажает ли особый акцент на “экзистенции” принятое в экзистенциальной философии понимание человека? Об этом предельно подробно – в главной части нашего обзора.

В своем антропологическом эссе *Марин Кнейбюлер* [Kneubuhler, 2023], в свою очередь, подчеркивает внутреннюю го-

товность антропологов к пониманию уникального существования каждого человека. Критикуя социологов, которые, по ее мнению, не могут реконструировать общество без отдельных личностей, она использует свой собственный мощный инструмент – понятие взаимозаменяемости (или, скорее, понятие невзаимозаменяемости), которое ставит под сомнение основы всех социальных наук. М. Кнейбюлер выделяет в социологии Альфреда Шюца концепт идеализации взаимозаменяемости точек зрения, который выступает аксиомой здравого смысла и становится принципом наблюдения и описания в феноменологии и этнометодологии. В связи с этим Кнейбюлер четко указала, что феноменологические антропологи склонны понимать себя и других как единое целое и, таким образом, «помещать» себя за пределы индивидуального существования каждого из них в пользу одной социальной единицы. Понимать, наблюдать и описывать уникальность означает не просто смотреть на одного человека, но и смотреть на него в его незаменимой целостности. «Задача социологов должна заключаться в том, чтобы уловить саму артикуляцию эмпирических измерений, не ограничиваясь только одним социальным определением, которое соответствует отдельному аспекту личности», – полагает она [Kneubuhler, 2023, p. 252].

Антропологическое эссе *Яна Патрика Хейсса* – третий сюжет, который непосредственно посвящен экзистенциальной методологии. Описывается своего рода наружное наблюдение, или слежка (shadowing) – без кинокамеры, в течение длительного периода времени, что создает тесные доверительные отношения, которые автор указанного текста практиковал с Мусой, нигерийским фермером. Этот тип буквального следования по пятам за информантом предполагает участие в повседневной жизни индивида как «конкретного субъекта поля», и развитие отношений, которые можно описать как пребывание с этим человеком, но обязательно с перерывами в наблюдении. Именно на основе этого метода Хейсс описывает умения, характер, желания, настроения, идеи и ценности нигерийского фермера Мусы, содержащиеся в том, что он называет «гештальтом». Указывая на то, что он не использует никакой теории, Я.П. Хейсс заключает, что индивиды, подобные Мусе, представляют собой нечто целое со своей собственной структурой. Хейсс ясно дает понять, что его взглядом на мир

действительно является сам Муса, но он не хочет описывать его как личность, независимую от его материальных и социальных отношений, которые также являются другими структурными элементами его жизни. В то время как социокультурные антропологи взаимодействуют со своими полевыми субъектами (field subjects), чтобы сделать общие выводы о социокультурных институтах и процессах, экзистенциальные антропологи взаимодействуют с изучаемыми субъектами, чтобы узнать их как human beings, подчеркивает исследователь [Heiss, 2023, p. 275]. Когда мы говорим об экзистенциальной сущности людей, мы представляем себе, что они живут своей жизнью, накапливают опыт, работают или влюбляются, т.е. проявляют «человеческий способ» (human way) существования» [ibid.].

Аналитические результаты исследования

Реальные аналитические результаты рассматриваемых работ важно зафиксировать как достаточно новый, на наш взгляд, фундаментальный научный вклад представляемых нами авторов исследований.

Самюэле Полетти предполагает, что личные черты индивида определяются тем, как он выделяется в своем культурном поле и ситуации в процессе, который по своей сути является интерсубъективным. Таким образом, Я всегда является «интерсубъективным Я», продуктом изменчивой среды, из которой возникают различные субъекты. Следовательно, наши знания о других Я ограничены тем, как их субъективность «выделяется» в сфере их отношений. В то же время экзистенциальная антропология стремится охватить единый континуум повествования, который конструирует человека во времени. Самюэле Полетти отмечает, что в последнее время появилось множество исследований, в которых (субъективному) существованию отдается предпочтение перед (социокультурной) сущностью. Классическая этнографическая традиция социокультурной антропологии и ее теоретические, эпистемологические и методологические возможности кажутся ограниченными. Она предлагает следующее решение этой проблемы: «субъективность» должна быть поставлена во главу угла антропологических исследований. Однако это не так просто, как может

показаться. «Если рассматривать индивидуальность (personhood) как исторический результат определенного социального окружения, то экзистенциальный подход в антропологии должен начинаться с пристального изучения того, как субъективность артикулируется в данном контексте. Иными словами, “индивидуальный субъект” (the individual subject) должен подвергаться межкультурному анализу» [Poletti, 2023, p. 202]. Полетти утверждает, что «самость» (отдельное бытие индивида) (selfhood) следует рассматривать как постоянный продукт определенных обстоятельств, которые перестраивают ее фундаментальные структуры в свете событий, пронизывающих жизнь индивида. В то же время невозможно «...отрицать, что что-то объединяет многообразные проявления чьей-либо самости. Создание экзистенциальных нарративов, по-видимому, направлено именно на решение этой проблемы», отмечает Полетти [ibid., p. 203].

Исходя из этих предпосылок, Полетти обозначает актуальные проблемы существования (existence) вкупе с проблемами «неделимости индивидуальности» – (in)dividuality. Суть метафористического перехода от субъективной области Я (me) к интерсубъективной области «я-среди-других» (me-in-the-midst-of-others) состоит, по мнению Полетти, в том, что он позволяет избежать когнитивного солипсизма личного Я (private “self”), твердо отделенного от своего окружения. На самом деле акцент на экзистенциальном не означает, что мы упускаем из виду общее, отдавая предпочтение уникальному в ущерб общему. В рамках экзистенциального подхода, сформулированного в этих терминах, индивидуальные и социокультурные элементы скорее взаимодействуют, чем конкурируют за внимание. Таким образом, фокус экзистенциальной антропологии «переносится на то, как различные субъекты выделяются на фоне четкого интерсубъективного горизонта, который представляет собой не что иное, как постоянное (пере)согласование их переплетенных существований» [Poletti, 2023, p. 204]. Это методологическое утверждение позволило Полетти продемонстрировать свое главное открытие – концепцию «невзаимозаменяемости» (non-interchangeability), выдвинутую ею в качестве исходной основы для понимания целей и методов, изложенных в ее эссе. Сама идея «невзаимозаменяемости» бросила вызов подходам социальных наук, которые изучают человеческий

опыт как нормативно или структурно взаимозаменяемый, тем самым рассматривая индивидуальные жизни сами по себе как некий «остаток», не имеющий ни внутренней значимости, ни существенного значения. С этой точки зрения мы видим, как уникальность и полнота человеческого опыта теряются для исследователей, стремящихся реорганизовать или структурировать социальные факты или психологические черты, структурные роли или культурную идентичность для того, чтобы достичь нужных обобщений на более высоком безличном уровне объяснений. Поэтому ни один индивид никогда не является просто совокупностью неких относительных черт, а представляет собой скорее жизненный мир (lifeworld) целиком для самих себя (whole to themselves). И в данном случае жизненный опыт имеет критическое значение, как для экзистенциальной антропологии, так и для экзистенциальной социологии.

С. Полетти в своей работе исследует «отдельные жизни» и «экзистенциальные нарративы» в особом «индивидуальном порядке». Отмечается, что ныне ставшая модной парадигма «культурных миров» (cultural worlds) уже «неотделима от тех видов субъективности, которым они склонны придавать форму, – субъективности, которая, в свою очередь, является сферой, где происходят парадигмальные социальные изменения. Призрак, преследующий этот эпистемологический ход, – это призрак независимого современного западного человека, <...> это “изолированная” (“буферизованная”) индивидуальная сущность, которая <...> обречена находить смысл только внутри себя и, таким образом, становится единственным творцом своего собственного значимого мира» [Poletti, 2023, p. 202].

Подвергая жесткой критике западный индивидуализм, Полетти вместе с тем отмечает, что он сам имеет давнюю традицию в антропологии. основополагающий вклад в это направление внес Макким Марриотт, по словам которого, в Южной Азии люди осознают себя теми, кто они есть, только в тесной связи с другими людьми в условиях сетевых взаимоотношений. Это, по сути, означает, что они являются самостоятельными образованиями, неотделимыми от сети взаимоотношений и обменов, в которую они встроены. Тем самым Марриотт противопоставляет предполагаемую стабильную ограниченную автономию западных людей теку-

чей, неограниченной проницаемостью южноазиатских индивидуумов. Индивидуальность как базовое понятие получило дальнейшее развитие у Мэрилин Стратерн, благодаря которой оно вошло в общую антропологию. М. Стратерн провела сложный анализ гендерных отношений в меланезийском обществе, где индивидуальность проявляется в экономике подарков или даров, а через нее «артикулируются» индивиды и общности. Вместе с тем продукты, которыми обмениваются таким образом, не следует рассматривать как просто обычные предметы. Обмениваясь подарками с другими, люди создают глубокие взаимоотношения, а их дары становятся частью их индивидуальной сущности.

По мнению Полетти, различие между независимыми индивидуальными субъектами и абстрактным коллективом, характерное для современных западных социальных моделей, не позволяет понять, как функционирует социальность в других местах, например в Меланезии. Этот подход стал новаторским вкладом в понимание того, что мы можем думать о себе не так, как привыкли. Тем не менее, кажущееся противоречие между западными и незападными индивидами и обществами в значительной степени возникло из-за чрезмерно обобщенных моделей, принятых в антропологии; сегодня этот подход, по словам Полетти, все больше выглядит как «довольно надоевшая теоретическая антиномия» [Poletti, 2023, p. 202].

С. Полетти предпочитает раскрывать категорию существования сквозь призму латинского понятия *ex-sistere*, что означает «выделяться». Понятое таким образом существование начинает обозначать процесс, посредством которого возникает самость (*selfhood*). Таким образом, речь не идет об универсальном субъекте с заданным набором качеств, и самость рассматривается как продукт изменчивой среды, проявляющийся в ходе взаимодействия с миром. Результатом этого экзистенциального процесса является то, что Полетти было обозначено как «Интерсубъективное-Я» (*Intersubjective-I*), существующее вне определенных условий и постоянно перестраивающееся в зависимости от ситуаций и отношений, в которые оно вовлечено. Независимо от того, насколько несопоставимы условия, порождающие различные аспекты Я, его многогранный «облик» не разделен на ситуационные фрагменты личности, полностью оторванные друг от друга. Межкультурное

исследование того, как формируются определенные типы личности, требует выдвинуть на передний план нарративы, благодаря которым личность реализуется множеством способов. Действительно, создание себя – это прежде всего нарративное занятие. По словам Поля Рикёра, «Субъекты узнают себя в историях, которые они рассказывают о себе» [цит. по: Poletti, 2023, p. 205]. По мнению Поветти, экзистенциальные нарративы – это то, что обеспечивает уникальность чьей-либо индивидуальной истории. Особенность любой экзистенциальной траектории не предполагает линейности отдельного сюжета. Как и любая история, экзистенциальные повествования склонны к драматическим поворотам и всегда могут быть пересказаны заново. В сюжетной линии могут смешиваться различные повествовательные ощущения, причем затрагивается не только настоящий и будущий опыт, но и прошлый. Как, например, в случае обращения в веру, когда жизнь человека обретает новые смыслы, в контексте которых события прошлого переживаются совершенно иначе, формируя своеобразное альтернативное будущее. Нарративные истории – это не просто инструменты, используемые людьми для структурирования своего жизненного мира. Отдельные повествовательные структуры, такие как библейская, также действуют как внешние силы, которые, влияя на личность, соответствующим образом ее формируют. Интерпретативная природа опыта заключается в том, чтобы выдвинуть на первый план то, как люди придают смысл своей жизни и окружающему миру. Поэтому, по мнению Поветти, «субъективные переживания перестают рассматриваться как личное дело индивида, а скорее рассматриваются как intersубъективные события, происходящие в мире других людей» [Poletti, 2023, p. 205].

Поветти подчеркивает, что жизнь людей несводима к абстрактным построениям, которые должны ее формировать. Автор задается вопросом: «В чем суть экзистенциальной антропологии?» По мнению Поветти, экзистенциальный подход начинается с изучения субъективного опыта в попытке преодолеть разрыв, который отделяет различные способы познания от мира, к которому они, как предполагается, обращаются. Такого рода «философия с участием людей» (*philosophy with the people in*) направлена на то, чтобы генерировать философские идеи на экзистенциальные темы,

представляющие интерес для антропологов, «сквозь свежий взгляд, основанный на полевых исследованиях и взаимодействиях с конкретными жизненными мирами» [Poletti, 2023, p. 208].

В своем эссе Марин Кнейбюлер подчеркивает, что антропологам почти всегда трудно представить себе уникальное существование каждого человека, а также отмечает склонность ученых постулировать взаимозаменяемость индивидов. Определяя границы скрытой невзаимозаменяемости, М. Кнейбюлер предлагает социальную теорию, которая начинается с единичного существования «объемов бытия» (volumes of being), наделяя каждый из них минимальным Я (minimal “self”) (Захави) и собственным телом (own body) (Мерло-Понти). Марин Кнейбюлер считает, что феноменологическая антропология не оценила в полной мере важность этих концепций, поскольку она не идентифицировала высокую эвристичность «концептуального моста» между индивидуальным существованием и социокультурными системами, посредством различных модальностей. В своей главе Кнейбюлер пишет о различных видах взаимозаменяемости, сочетающих или не сочетающих в себе две формы: взаимозаменяемость индивидов и взаимозаменяемость точек зрения. Ее главная цель – предложить «аналитическую сетку», которую можно использовать для изучения любой социальной теории в контексте концепции взаимозаменяемости, следуя идеям Бурдьё, Латура, Щюца и Гарфинкеля. Кроме того, Кнейбюлер «определяет минимальные, но существенные условия, необходимые для сохранения уникальности и субъективности людей, опираясь на основные положения феноменологии и антропологии Пиетта» [Kneubuhler, 2023, p. 244]. Она настаивает на том, что «любое использование феноменологии или экзистенциальной философии для изучения социальных явлений принципиально недостаточно с тем, чтобы избежать взаимозаменяемости» [ibid.]. Опираясь на подходы Эмиля Дюркгейма, который афористично утверждал, что социальные факты должны изучаться как вещи, внешние по отношению к индивидууму, М. Кнейбюлер отмечает, что «его теория не предоставила средств для понимания целостности человеческого существа из-за “двойственности человеческой природы”» [Kneubuhler, 2023, p. 244]. Поэтому Кнейбюлер ищет альтернативу дюркгеймовскому аб-

страктному *homo duplex*¹, и находит ее в парадигме габитуса Пьера Бурдьё, под которым понимают систему исходных установок индивида, прочных приобретенных предрасположенностей, которые как категории восприятия и оценивания порождают конкретные социальные практики. По мнению Кнейбюлер, парадигма габитуса предложила вполне серьезную альтернативу подходу Дюркгейма, поскольку взгляд Бурдьё можно рассматривать как попытку выйти за рамки противопоставления субъективизма и объективизма. Однако, если внимательнее посмотреть на то, как функционирует габитус, то можно обнаружить, что Бурдьё вряд ли отдавал должное субъективности. Действительно, если объективные структуры определяют «классовый габитус», который формирует «социально информированный организм» и действует «как матрица восприятий, оценок и действий», то социальные классы обязательно имеют первенство над агентами, которые полностью социально сконструированы. Тело полностью социально, и то, что можно было бы назвать субъективностью, понимается как форма пассивности. Габитус – это инкорпорация «материальных условий существования», которая «отражает объективность структуры общества» [Kneubuhler, 2023, p. 246]. По мнению Кнейбюлер, «в социологии Бурдьё определенно нет двойного агента (*double agent*), поскольку человеческая природа полностью социальна» [ibid.]. Это означает, что в схеме Пьера Бурдьё, объективное первично, а сознание вторично.

М. Кнейбюлер, достаточно тщательно изучая и другие подходы классиков, пришла к выводу о том, что «единичное существование и личный опыт считаются угрозой сплоченности общества <...>, а вмешательство во взаимозаменяемость, во многом похожее на магический трюк, направлено на устранение этих угроз. <...> человеческие индивидуумы, хотя они и являются главной заботой, отделены от объекта этой заботы, который кажется совершенно безразличным к их частному существованию <...>. В радикальном смысле сквозь призму взаимозаменяемости социальные явления дегуманизируются» [Kneubuhler, 2023,

¹ Этот предложенный Э. Дюркгеймом термин обозначает человека как двойственное существо, в котором борются два начала: природное – индивидуальное, эгоистическое (тело) и социальное, моральное, интеллектуальное (душа).

р. 250]. В данном случае особое значение приобретает категория «взаимозаменяемость в воображении» (*interchangeability in imagination*), и становится высока роль изучаемых контекстов, формирующих контексты человеческой деятельности. Кнейбюлер под контекстами человеческой деятельности понимает такие хорошо известные в социологии явления, как формальное и неформальное поведение, рациональные и иррациональные элементы, генетические предрасположенности, психологические черты и социальные правила [Kneubuhler, 2023, p. 252].

Наконец, исследовательница подчеркивает, что «те минимальные экспериментальные измерения, которые мы извлекаем из феноменологии, являются дорефлексивными, долингвистическими и, следовательно, ненаблюдаемыми сами по себе, поскольку они определяют то, как любое существование переживается или проживается» [Kneubuhler, 2023, p. 252]. Она полагает, что мы «не сможем должным образом понять природу социальных явлений, если начнем с игнорирования или отрицания этого формального характера любого человеческого существования и опыта или сосредоточимся только на одном конкретном аспекте объема бытия» [ibid.]. Кнейбюлер отмечает, что «объем бытия» (*volume of being*), наряду с этими экспериментальными измерениями, по-видимому, представляет собой жизнеспособный способ сохранить невзаимозаменяемость на формальном уровне. Тело и личность «многогранны», как и различные формы коллективов, и имеют минимальные и начальные условия существования. Таким образом, задача социологов должна состоять в том, чтобы уловить саму их формулировку – артикуляцию (эмпирические измерения), не ограничиваясь только одним социальным определением, которое соответствует лишь только одному аспекту Я или одному очень специфическому уровню сознания. «Невзаимозаменяемость (*non-interchangeability*) – это скорее исследование возможности согласования и примирения различных социальных теорий с точки зрения человеческой уникальности, чем выступление против них всех. Однако это означает и отказ от примата безличных, всегда-уже-существующих (*always-already-there*) социальных явлений в качестве их предпосылок» [ibid.].

Третья работа, которая разбирается в данном обзоре, написана Яном Патриком Хейссом и непосредственно посвящена экзи-

стенциальной методологии [Heiss, 2023]. Автор этой главы пишет: «Экзистенциальная антропология должна задаться вопросом, как мы должны понимать человеческое существование в теоретических терминах, как мы можем методологически исследовать человеческое существование, чем человеческое существование различается в разных социальных средах, обществах и эпохах, каковы отношения между человеческим существованием и обществом и каковы преимущества изучения человеческого существования?» [Heiss, 2023, p. 275]. Пытаясь ответить на этот вопрос, Я.П. Хейсс резонно замечает, что «человеческое существование – это всегда индивидуальное существование. Таким образом, наиболее фундаментальным объектом экзистенциальной антропологии был бы индивид в его личной жизни. Экзистенциальный антрополог, исследующий жизнь полевого субъекта, таким образом, спросил бы: “Кто она / он, какую жизнь она / он ведет или каково это – быть им / ней?”» [ibid.].

В своей основополагающей книге «Экзистенциальная антропология» Майкл Джексон изображал человеческую жизнь как борьбу за существование [Jackson, 2005]. Человеческие существа стремятся к признанию, здоровью, любви, хорошей жизни, самоопределению. Однако обстоятельства часто не способствуют достижению этих целей, и это приводит к борьбе за существование. Хейсс дискутирует с ним в том плане, что методологически сложно, если не невозможно, провести систематический анализ борьбы за существование так, как можно было бы провести, например анализ дарвиновской борьбы за выживание. Причина в том, что мы никогда не можем интеллектуально понять все переменные, участвующие в каком-либо действии, или все последствия, которые за ним возникнут, отчасти потому, что они столь разнообразны и запутанны, а отчасти и потому, что они встроены в отдельные биографии и социальные истории. Экзистенциальный антрополог стал бы раскрывать глубинные структуры, характеризующие жизнь индивида. В данном контексте особого внимания заслуживают два фактора – сам человек и его повседневная жизнь. Поскольку люди снова и снова сталкиваются с одними и теми же или сходными ситуациями, их поведение, как правило, становится повторяющимся. Повседневная жизнь характеризуется вариациями повторяющихся структур, или паттернов установок и действий.

Экзистенциальный антрополог абстрагировался бы от своих наблюдений о структурах повседневной жизни изучаемого субъекта и сделал бы вывод о гештальте индивида на основе своих наблюдений.

Хейсс проиллюстрировал свой подход, опираясь на собственное исследование «Муса – эссе, или эксперимент в антропологии личности» [Heiss, 2023, p. 275–276]. Муса – это крестьянин племени хауса из Нигера, и основная часть экзистенциально-антропологического исследования была посвящена эмпирическому описанию и последующему анализу его существования. Он живет в деревне Киморам, расположенной примерно в 150 км к востоку от Зиндера. Население этой деревни составляет около 400 жителей. Большинство жителей деревни живут в глинобитных хижинах. Их основной экономической деятельностью является работа в сельском хозяйстве. Местные мужчины обычно владеют одним или несколькими участками земли на песчаных дюнах вокруг Киморама, где сеют просо и коровий горох в сезон дождей. По крайней мере, теоретически мужчина способен накормить свою семью этим урожаем и даже продать часть его, чтобы купить себе и членам своей семьи предметы первой необходимости. Жены обычно занимаются ведением домашнего хозяйства. Они приносят еду своим мужьям в поле, а дети помогают отцу возделывать поля. Муж предоставляет жене и старшим детям небольшой участок земли для личного пользования. Однако собранного урожая часто бывает недостаточно для того, чтобы семья могла прокормить себя более трех-семи месяцев в году. Некоторым мужчинам удается заработать недалеко от дома; те, у кого это не получилось, отправляются в дальнюю дорогу на заработки. Например, молодые мужчины в период отсутствия работы в поле уезжают в нигерийские города. Часто они ходят по улицам, торгуя хлебом и чаем. Когда дети становятся старше, они создают собственные семьи. Поначалу сын продолжает работать на полях своего отца, а отец содержит его и его жену, затем новое домохозяйство постепенно обретает экономическую независимость. Когда сыну исполняется около 35 лет, отец выделяет ему собственный участок. Все жители села мусульмане. Деревней управляет глава кантона, который проживает в городе примерно в 12 км от Киморама. Его основные обязанности –

сбор налогов и правовые вопросы. На момент проведения исследования в селе не было ни школ, ни государственных служащих.

Когда Я.П. Хейсс впервые встретил Мусу в 2006 г., тому было примерно 37 лет, он женился второй раз (первая жена от него ушла). Отец Мусы – один из двух имамов в Кимораме, ему было около 70 лет, он имел двух жен. От одной из них у него было двое маленьких детей. На территории деревни также проживали трое подростков по имени Бабангида, Авалу и Али, которые были племянниками Мусы и внуками его отца. Хотя у Мусы было собственное поместье, экономически он был полностью интегрирован в хозяйство своего отца. Он обрабатывал отцовские поля, а урожай хранился в зернохранилище, принадлежавшем его отцу. Муса отдавал отцу заработок, который привозил домой. Поскольку его отец был слишком стар, чтобы работать в поле, а его племянники-подростки слишком молоды, чтобы быть эффективными работниками, Муса нес бремя обеспечения обоих домашних хозяйств. Это было сложно для одного человека, поэтому обе семьи страдали от нехватки продовольствия. К 2009 г. жена Мусы родила двоих детей. В том же году его отец принял решение разделить поля. Теперь у Мусы было собственное хозяйство, поля и зернохранилище, и он сам контролировал свой урожай и доход, который получал от трудовой миграции. Более того, Муса взял Али, одного из своих племянников, из семьи своего отца в свою. Два остальных племянника остались с его пожилым отцом, но они к этому времени были уже достаточно взрослыми, чтобы работать в поле [Heiss, 2023, p. 276–277].

Исследовательские методы, которые применял Хейсс, должны были позволить ему сопровождать Мусу в самых разных условиях в течение длительного периода времени. Таким образом, основным используемым методом исследования стало наблюдение за участниками в форме наружного наблюдения. Хейсс провел в общей сложности рядом с Мусой около девяти месяцев. Он был рядом с Мусой и тогда, когда тот работал в полях, и тогда, когда отправлялся на заработки. Исследователи-наблюдатели обычно стараются интегрироваться в социальную жизнь своих подопечных. Местные жители деревни Киморам также ожидали, что исследователь захочет интегрироваться и стать частью их повседневной жизни. Жители Киморама выделили Хейссу хижину, в

которой он вел хозяйство, также он много времени проводил в полях, участвовал в деревенских сходах и посиделках.

В деревне исследователь видел Мусу каждый день, иногда они проводили вместе целые дни, иногда общались редко. Обычно они вместе работали в поле и обсуждали насущные проблемы. Для некоторых жителей деревни было важно то, что Хейсс был потенциальным источником финансирования, исследователь иногда покупал что-то для Мусы и семьи его отца. Такой формат общения укладывался в рамки понятия дружбы в хаусанской культуре, которая предполагает товарищеские отношения, доверие и поддержку, в том числе финансовую.

Более тесное общение с Мусой улучшило отношения Хейсса с другими жителями деревни, исследователь наладил хорошие отношения и с родственниками Мусы. Попадал исследователь и в неприятные ситуации: один раз ему не захотел возвращать долг односельчанин Мусы. Муса посоветовал Хейсу быть в общении с должником настойчивым, это оказалось правильной стратегией, в итоге вопрос решился в пользу исследователя. Хейсс исследовал разные стороны жизни и поведения Мусы, выявлял их контексты и затем описывал.

Так, он обнаружил, что поведение Мусы в различных ситуациях определяли его потребности и система ценностей. Так, Муса хотел быть достаточно обеспеченным крестьянином, иметь большую и дружную семью. Также он хотел стать имамом в будущем, быть уважаемым односельчанами человеком, мечтал попасть в рай в загробной жизни. Среди его основных качеств были, например, миролюбие, терпение, разум, самоконтроль и невозмутимость. Он обычно не торопился при принятии решений, у него было стабильное эмоциональное состояние и высокая самооценка. Однако личность – это не просто совокупность характеристик, это структурированное целое, гештальт, в который интегрированы наиболее устойчивые индивидуальные черты и который находится во взаимодействии с самим собой и окружающей средой. Хейс показал, что личностные качества Мусы позволяли ему уверенно идти к своей цели. В то же время это указывает на тот факт, что антропология еще не нашла ответа на вопрос о том, как наиболее характерные черты человека интегрируются друг с другом и соотносятся с окружающей средой [Heiss, 2023, p. 278–283].

Критика

1. Как правило, критика традиционных антропологических и социологических подходов осуществляется не для того, чтобы разрушать прежнюю классическую социальную мысль, а для того, чтобы предложить наиболее творческую, предельно объективную и непредвзятую реконструкцию идей, отражающих главные параметры сущности и существования индивида, социальной группы или общности.

2. Наиболее распространенная критика экзистенциалистского подхода в разных дисциплинах (антропологии, социологии и философии) касается чрезмерной концентрации на внутренней сущности (самости) личности, ориентации на солипсизм и неспособности экзистенциалистов учитывать вопросы, связанные с контекстуальностью, дилеммой «структура – агентность». Однако, как показано в анализируемых работах, эти вопросы вполне успешно прорабатываются современными исследователями. Видящие в экзистенциализме деконтекстуализированный и эгоцентричный подход упускают из виду то, что экзистенциалисты изучают не изолированного человека, а человека, находящегося в различных ситуациях и взаимодействующего с другими.

3. Экзистенциальная жизнь предполагает глубокие обязательства и выполнение обещаний перед другим человеком или общностью, а также заботу о них. Она включает в себя связи, которые невозможно уловить и проанализировать объективно, но которые реальны в своем опыте. Поэтому ключевым вопросом классической экзистенциальной антропологии является феномен интересубъективности.

4. Существует высокий риск того, что постструктуралистская и конструктивистская критика субъектно ориентированных подходов фактически отклонится от интересубъективной методологии.

5. Важен не отдельный субъект и не отдельный объект, а относительное, неопределенное и интересубъективное пространство между ними. Экзистенциализм – это не антропология, социология и философия «или / или», не того и не другого, а это, скорее, антропология, социология и философия «и / и», того и другого.

6. Существует моральная критика экзистенциализма, которая, однако, не несет в себе никаких нравственных призывов. Эк-

экзистенциальная рефлексия возникает из того убеждения, что ограничение антропологических рассуждений общественными особенностями и пренебрежение более интимной, личной сферой может привести к упущению большей части того, что может раскрыть любая отдельная история. Существует риск свести индивидов или любую группу к эссенциальным портретам, тем самым сузив возможности нашего понимания.

Заключение и выводы

Подводя итоги, важно отметить, что в то время как индивидуальные действия, мышление и чувства всегда обусловлены историческими, социальными, экономическими, политическими и экологическими факторами, существование каждого человека характеризуется проектами, намерениями, желаниями и результатами, которые опережают и в некотором смысле трансформируют эти предшествующие условия. Имеют значения взаимосвязи Я и Другого, которые приобретают актуальность только в той мере, в какой они отражают и проливают свет друг на друга по принципу интересубъективности.

Экзистенциальные подходы в антропологии выражаются, скорее всего, в пристальном внимании к конкретным жизненным мирам как к источнику понимания и вдохновения, которые могут помочь нам переосмыслить любые превратности бытия-в-мире. Экзистенциальная антропология по этой причине – это именно то, что в конечном счете можно лишь сделать, а не определить, и только когда она претворяется в жизнь, она проявляется такой, какая она есть на самом деле.

Экзистенциальные подходы в антропологии, как и в социальных науках в целом, разделяют определенное неудовлетворение тем, что научные исследования на протяжении всей своей истории имели тенденцию заслонять конкретные жизненные ситуации, которые приходится рассматривать как простые примеры более масштабной социальной динамики. В рамках этих более широких повесток дня реальные индивиды, группы, общности и их истории, по-видимому, представляют собой в лучшем случае отдельные эпизоды, привлекающие внимание читателя, но не считающиеся значимыми с научной точки зрения. Субъективный

опыт имеет решающее значение, потому что именно здесь личная свобода действий и внешние ограничения объединяются и / или сталкиваются. Экзистенциальная антропология не является кульминацией индивидуальной свободы. Люди всегда живут в рамках более крупных структур, под влиянием которых они формируются.

В качестве важного итогового заключения отметим следующее: экзистенциальный подход в антропологии и социологии выражается в пристальном внимании исследователей к конкретным жизненным мирам как к ценнейшему источнику конструктивных смыслов, догадок, предвидений, осознаний, восприятий и прозрений, которые могут помочь нам переосмыслить любые превратности бытия-в-мире и в рутинных процессах повседневности.

Кроме того, нельзя не упомянуть тот факт, что летом 2024 г. вышел новый, во многом конкурирующий с настоящим, хэндбук – Хэндбук Routledge по современному экзистенциализму (под редакцией К. Ахо, М. Альтман, Х. Педерсена [The Routledge handbook ... , 2024]), большинство текстов которого (всего их 40) ориентировано на изучение проблем бытия, существования, экзистенциальной феноменологии и некоторых эмпирических проблем; при этом авторы этих хэндбуков никак не пересекаются. Если говорить о главном редакторе второго хэндбука Кевина Ахо, то хорошо известна его монография по экзистенциальной философии [Aho, 2014]. В то же время нельзя не отметить, что сравнительно недавно вышла прекрасная монография Анны Дженнифер Гозетти-Ференчеи «О бытии и становлении: экзистенциальный подход к жизни» [Gosetti-Ferencei, 2020], в которой прорисована изящная феноменологическая философская матрица. В то же время многие из представленных в данном обзоре тем пересекаются по содержательным и по смысловым компонентам со статьями второго хэндбука [The Routledge handbook ... , 2024]; новые работы по-прежнему продолжают развивать «теорию существования», один из самых современных подходов в социальных науках, основанных на новациях экзистенциалистской и феноменологической философии.

Список литературы

Aho K. Existentialism: an introduction. – Cambridge: Polity, 2014. – 236 p.

**Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология,
психология и психиатрия: критический анализ**

Gosetti-Ferencei J.A. *On being and becoming: an existentialist approach to life.* – Oxford: Oxford university press, 2020. – 336 p.

Gabriel M. *Neo-Existentialism.* – Cambridge: Polity, 2018. – 140 p.

Heiss J.P. An empirical approach to studying human existence // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 275–285.

Jackson M. *Existential anthropology: events, exigencies and effects.* – New York: Berghahn books, 2005. – 216 p.

Kneubuhler M. The loss of singular existence and personal experience: the problem of interchangeability in the social sciences // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 244–255. – DOI: 10.4324/9781003156697-28

Poletti S. (In)dividual lives and existential narratives // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 202–212. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

The Routledge international handbook of existential human science / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Routledge handbook of contemporary existentialism / ed. by K. Aho, M. Altman, H. Pedersen. – Abingdon: Routledge, 2024. – 510 p.

References

Aho K. *Existentialism: an introduction.* – Cambridge: Polity, 2014. – 236 p.

Gozetti-Ferencej J.A. *On being and becoming: an existentialist approach to life.* – Oxford: Oxford university press, 2020. – 336 p.

Gabriel M. *Neo-Existentialism.* – Cambridge: Polity, 2018. – 140 p.

Hajss Y.P. An empirical approach to studying human existence. *The Routledge international handbook of existential human science.* Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 275–285.

Jackson M. *Existential anthropology: events, exigencies and effects.* – New York: Berghahn books, 2005. – 216 p.

Knejbyuler M. The loss of singular existence and personal experience: the problem of interchangeability in the social sciences. *The Routledge international handbook of existential human science.* Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 244–255. – DOI: 10.4324/9781003156697-28

Poletti S. (In)dividual lives and existential narratives. *The Routledge international handbook of existential human science.* Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 202–212. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

The Routledge international handbook of existential human science. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Routledge handbook of contemporary existentialism. Ed. by K. Aho, M. Altman, H. Pedersen. – Abingdon: Routledge, 2024. – 510 p.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

УДК 316.34

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.08

ЯДОВА М.А. * РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: YOUTH IN PUTIN'S RUSSIA / ED. BY E. OMELCHENKO. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p. [Молодежь в путинской России / под ред. Е. Омельченко]

Аннотация. Рецензия посвящена коллективной монографии «Молодежь в путинской России». Коллектив авторов исследует широту и разнообразие социальной и культурной жизни современной городской молодежи в России.

Ключевые слова: городская молодежь; современная Россия; социальная и культурная жизнь.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 150–155. – Рец. на кн.: Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.08

Рецензия поступила: 23.05.2024.

Принята к публикации: 15.06.2024.

YADOVA M.A.** Book review: Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p.

Abstract. The book review describes the collective monograph “Youth in Putin's Russia”. The book's authors explore the diversity and

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

richness of the social and cultural life of urban youth in contemporary Russia.

Keywords: urban youth; contemporary Russia; social and cultural life.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 150–155. – Book review: Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.08

Received: 23.05.2024.

Accepted: 15.06.2024.

Англоязычная коллективная монография «Молодежь в путинской России» [Youth in Putin's Russia, 2021], изданная под редакцией известного российского социолога, руководителя Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, д-ра социологических наук, профессора Елены Леонидовны Омельченко, представляет собой уникальное издание. Необычен избранный исследователями подход – намеренный отказ от проблематизированного взгляда на новые поколения и сосредоточенности на каком-либо одном аспекте взросления молодежи. Отечественные и зарубежные (последние – особенно) исследователи нередко проблематизируют российскую молодежь, фокусируясь преимущественно на наиболее болезненных тенденциях ее взросления. Данную книгу, как и другие работы Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, отличают особый, прежде всего депроблематизированный и диверсифицированный, взгляд на молодежь путинской России, оригинальные методики исследования и научные подходы. Это делает рассматриваемое издание особенным.

Основная идея монографии – показать разнообразие ценностно-мировоззренческих представлений и жизненно-стилевых траекторий взросления российской молодежи (прежде всего городской), с опорой на происходящие в их формативный период социально-политические изменения в российском обществе. Такой подход позволяет рассмотреть новые формы молодежных идентичностей, практик и активности не в отрыве друг от друга, а в

определенном многомерном социальном контексте. Таким образом, читатели имеют возможность получить разнообразную и одновременно целостную картину того, что представляют собой новые поколения российской молодежи.

Работа логично структурирована, она включает в себя 11 глав, в которых отражены новейшие научные достижения и подходы, соответствующие проблематике исследования. Кроме того, главы монографии не только хорошо написаны, но и безупречны с точки зрения техники и методологии проведения социологических исследований. Исследования, результаты которых излагаются в книге, проводились в нескольких российских городах с использованием специально разработанных для целей проекта методик и целого комплекса социологических методов: опросов, глубинных интервью, фокус-групп, case-study, визуальных методов и т.п.

Авторы показывают, что тренды взросления российской молодежи во многом глокальны, т.е., с одной стороны, встроены в общеевропейский глобальный контекст, а с другой – уникальны в силу региональной специфики (исследования проводились в Санкт-Петербурге, Казани, Махачкале, Ульяновске и др. городах). Исследовано множество аспектов идентичности молодежи – от гендерного, этнического, религиозного, профессионально-трудового до культурного, социально-политического и гражданского. Помимо этого изучалось, как изменилась жизнь молодых россиян под влиянием новых вызовов, с которыми им пришлось столкнуться, например пандемии COVID-19.

В первой главе *Е. Омельченко* делает глубоко фундированный обзор ключевых изменений, затронувших молодежное пространство и повседневную жизнь новых поколений россиян за последние десятилетия [Omelchenko, 2021b]. По ее словам, примерно с середины 1980-х годов отечественная молодежь, наконец, стала восприниматься общественным сознанием как полноценный актер социальных преобразований. В этот период исследователи особое внимание уделяли темам молодежных субкультур и неформальных движений. Со временем классические субкультуры фрагментируются, распадаются или смешиваются, молодежное пространство раскалывается на «неформалов» и провластные патристические сообщества; начинается движение государства и молодежи друг к другу. В последние годы эти тренды усилились, ис-

следователи отмечают разнообразие и мозаичность жизненно-стилевого пространства современной российской молодежи, изучая те или иные аспекты вовлечения молодежи в различные формы социокультурного и политического участия.

О. Елкина, размышляя над особенностями мировоззрения молодых горожан, приходит к выводу, что их «ценностные профили» неоднородны и зачастую противоречивы: запрос на демократические преобразования нередко сочетается с потребностью в патернализме, патриархальные традиционные ценности соседствуют с модернистскими и пр. [Елкина, 2021, р. 78–79]. Очевидно, что это результат сложной социальной реальности, в которой приходится формироваться представителям новых поколений.

Интересно проследить, как меняются представления молодых россиян о «нормальной» гендерной идентичности. Авторы монографии пишут о гибридном формате гендерной идентичности молодежи, сочетающего в себе элементы традиционного гендерного порядка и черты «новой мужественности» / «новой женственности»; особенно заметны эти изменения в традиционно патриархальных культурах (например среди махачкалинской молодежи) [Poliakov, Maiboroda, 2021 ; Kravtsova, Omelchenko, 2021]. С определенными оговорками исследователи выделяют две группы молодежи: «продвинутую», т.е. ориентированную на глобальные «успешные образцы» маскулинности / феминности, и «нормальную» («обычную»), стремящуюся отстаивать традиционалистские представления о гендерных ролях, сексуальности и пр. [Poliakov, Maiboroda, 2021]. Например, «обычные» девушки из Ульяновска не поддерживают идею жесткого разделения на мужские и женские обязанности, но вместе с тем не мыслят себя вне постоянных отношений с мужчиной [Poliakov, Maiboroda, 2021, р. 116].

Для части молодежи характерен «консервативный поворот» – повышенный интерес к религии [Lukyanova, Sabirova, 2021], вовлеченность в патриотические практики и т.п.

Н. Нартова отмечает явный интерес молодежи, особенно ее наиболее продвинутой части (петербуржцы), к вовлечению в солидаристские и гражданские практики; этим россияне похожи на своих западных сверстников [Nartova, 2021]. Вполне модернистские взгляды демонстрируют участники проведенного исследова-

ния и в отношении собственных трудовых практик и карьерных траекторий. Как правило, у отечественной молодежи нет precarious установок (многие впервые начали работать в 18 лет), она ориентирована на стабильную и полную занятость в родном городе или регионе, причем так считают и жители малых городов (другой вопрос, насколько этот вариант реализуем в условиях сильнейшего регионального расслоения, присущего современной России) [Krupets, Sablina, Vyhovska, 2021].

Завершает рецензируемую книгу глава Е. Омельченко, посвященная кризисам, которые выпали на долю наших молодых соотечественников, и их урокам [Omelchenko, 2021a]. Прежде всего речь о пандемии COVID-19. Несмотря на то, что работа над книгой закончилась в начале пандемии, оценки и прогнозы, связанные с дальнейшим влиянием пандемии на жизнь молодежи, в целом оказались верными. Мы солидарны с мнением автора и редактора книги о том, что вне зависимости от испытаний, которые переживала (и переживает) Россия и ее молодые граждане, отечественная «молодежь продолжает взрослеть в условиях глобального мира» [Omelchenko, 2021a, p. 371].

Новизна исследовательских результатов, представленных в настоящей работе, очевидна. Нет сомнений, что полученные данные не только внесут весомый вклад в развитие социологии молодежи, социологии поколений и смежных социологических субдисциплин в разных странах, но также могут быть эффективно использованы для выработки рекомендаций исполнительным и законодательным органам государственной власти, занимающимся вопросами молодежной и социальной политики.

Список литературы

Elkina O. The value profiles and value vectors of Russian youth // Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 67–89.

Kravtsova A., Omelchenko D. Youth of Elista and Ulan-Ude: ethno-religious dimensions of everyday life // Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 255–300.

Krupets Ya., Sablina A., Vyhovska H. Russian youth in the labour market: work attitudes, career paths and regional disparities // Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 301–338.

Lukyanova E., Sabirova G. Youth of Russia and religion // *Youth in Putin's Russia* / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 207–254.

Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era // *Youth in Putin's Russia* / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 137–165.

Omelchenko E. Through living the crisis over to new forms of solidarities // *Youth in Putin's Russia* / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021a. – P. 367–372.

Omelchenko E. Twenty five years of youth studies: global names – local trends // *Youth in Putin's Russia* / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021b. – P. 1–65.

Poliakov S., Maiboroda A. Understanding the gender dimensions of youth cultural scenes: a youth ethnography // *Youth in Putin's Russia* / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 91–136.

Youth in Putin's Russia / ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p.

References

Elkina O. The value profiles and value vectors of Russian youth. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 67–89.

Kravtsova A., Omelchenko D. Youth of Elista and Ulan-Ude: ethno-religious dimensions of everyday life. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 255–300.

Krupets Ya., Sablina A., Vyhovska H. Russian youth in the labour market: work attitudes, career paths and regional disparities. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 301–338.

Lukyanova E., Sabirova G. Youth of Russia and religion. *Youth in Putin's Russia*. Ed. E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 207–254.

Nartova N. Citizenship and social engagement of youth in the Putin era. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 137–165.

Omelchenko E. Through living the crisis over to new forms of solidarities. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 367–372.

Omelchenko E. Twenty five years of youth studies: global names – local trends. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 1–65.

Poliakov S., Maiboroda A. Understanding the gender dimensions of youth cultural scenes: a youth ethnography. *Youth in Putin's Russia*. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 91–136.

Youth in Putin's Russia. Ed. by E. Omelchenko. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 377 p.

Реф. ст.: ПУСТУЛКА П., САРНОВСКА Ю., БУЛЕР М. РЕСУРСЫ И ТЕМПЫ ПОКИДАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА МОЛОДЕЖЬЮ В ПОЛЬШЕ¹

Ключевые слова: молодежь; переезд из родительского дома; социальные ресурсы; Польша.

Для цитирования: Бусло Ю.В. [Реферат]. Пустулка П., Сарновска Ю., Булер М. Ресурсы и темпы покидания родительского дома молодежью в Польше // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 156–160. – Реф. ст.: Pustulka P., Sarnowska Ju., Buler M. Resources and pace of leaving home among young adults in Poland // Journal of youth studies. – 2022. – Vol. 25, № 7. – P. 946–962.

Реферат поступил: 15.11.2023.

Принят к публикации: 14.03.2024.

Article summary: PUSTULKA P., SARNOWSKA Ju., BULER M. Resources and pace of leaving home among young adults in Poland

Keywords: youth; leaving home; social resources; Poland.

For citation: Buslo Yu.V. [Article summary]. Social'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11:

¹ Реферат выполнен по: Pustulka P., Sarnowska Ju., Buler M. Resources and pace of leaving home among young adults in Poland // Journal of youth studies. – 2022. – Vol. 25, № 7. – P. 946–962.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке текста и ценные замечания доктору социологических наук, профессору кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Ларисе Григорьевне Титаренко.

Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 156–160. – Article summary: Pustulka P., Sar-nowska Ju., Buler M. Resources and pace of leaving home among young adults in Poland // Journal of youth studies. – 2022. – Vol. 25, № 7. – P. 946–962.

Received: 15.11.2023.

Accepted: 14.03.2024.

Опираясь на качественные лонгитюдные исследования транзита к взрослой жизни в Польше, Паула Пустулка, Юстина Сарновска и Марта Булер (Университет социальных и гуманитарных наук SWPS, г. Варшава), проанализировали данные 127 интервью со студентами и выпускниками вузов, которые иллюстрируют процесс покидания родительского дома в странах Восточной Европы. При анализе полученных результатов были учтены объективные (экономические ресурсы) и субъективные (темпы) параметры для фиксации сепарации молодежи от родительской семьи. В результате исследования была сконструирована типология идеальных типов молодых людей, покидающих родительские семьи: «выжидатели», «гимнасты», «беглецы» и «защитники». Переезд молодежи из родительского дома отражает изменения в процессе перехода к взрослой жизни современной молодежи. Разного рода неравенства определяют различия ухода из дома молодых людей из привилегированных семей по сравнению с теми, кто привилегий не имеет.

Методологической основой послужили два исследования, посвященные польской молодежи с высокими образовательными устремлениями (студенты и выпускники вузов). Внимание было сосредоточено на двух измерениях: экономическом и темпоральном.

Анализ, проведенный авторами статьи, основан на данных двух исследовательских проектов, которые были посвящены транзиту во взрослую жизнь в современной Польше и прямо затрагивают тему покидания родительского дома. Первое исследование, озаглавленное как «Переход молодежи от образования к внутреннему и иностранному рынку труда: роль местного сообщества, группы сверстников и новых медиа», было проведено в форме крупномасштабного качественного лонгитюдного проекта в рамках трех волн интервью в период с 2016 по 2020 г. Данное иссле-

дование проводилось среди выпускников в трех польских городах среднего размера. Для этой статьи была отобрана подвыборка из 99 респондентов с высшим образованием. В то время как основной темой проекта были мобильность, образование и работа, в гайде интервью присутствовали отдельные модули (и контрольные вопросы), касающиеся ухода из дома и более широкого спектра перехода к взрослой жизни. Второй набор данных взят из проекта под названием «Переход к материнству трех поколений полячек». Это было межпоколенческое лонгитюдное исследование (GEMTRA), которое проводится с 2018 г. Оно включало биографические интервью с молодыми женщинами в разных городах Польши, в рамках которых респонденток спрашивали о моменте их переезда из родного дома.

В обоих исследованиях применялся метод снежного кома. В блоках вопросов, посвященных уходу из дома, респонденты ретроспективно реконструировали свой личный и семейный пути с помощью инструмента для рисования жизненной траектории. Набор данных состоит из 127 интервью с 94 женщинами и 33 мужчинами. Авторы статьи отмечают, что опрошенные родились в период с 1978 по 1998 г., уже имели высшее образование либо собирались его получать. Участники исследования родом из деревень, малых и средних городов (большинство), а также из более крупных городов Польши (меньшинство). Их родительские семьи также неоднородны: родители опрошенных имели разные уровни образования, финансовые ресурсы и профессии.

По сравнению с другими европейскими странами, молодежь Польши сегодня покидает родительский дом довольно поздно – в возрасте 27,6 лет; мужчины, в среднем, на 2,5 года позже, чем женщины (данные 2019 г.). В 2018 г. 58% поляков в возрасте 25–29 лет жили с родителями. Средний возраст вступления в первый брак вырос с 24 лет для мужчин и 22 лет для женщин в 1989 г. до 30 и 28 лет – в 2019 г. 72% студентов университетов жили за счет финансовой поддержки родителей, в режиме так называемой поллавтономии.

В ходе исследования были выделены четыре социальных типа покидающих родительский дом – «выжидатели», «защитники», «гимнасты» и «беглецы».

«Выжидатели» – те, кто ждет благоприятного момента, чтобы покинуть родительский дом. Это, как правило, выходцы из обеспеченных семей, отличающихся хорошими жилищными условиями. Для них сепарация от родителей – естественный, желанный шаг, который происходит «в свое время». Они поддерживают связь с родителями, часто встречаются с ними (по крайней мере раз в неделю), и в случае трудностей обращаются за их поддержкой. В период ожидания они могут постепенно накапливать свой собственный (финансовый и образовательный) капитал, а также чувствовать себя комфортно, зная, что для этого есть необходимые ресурсы.

Молодые люди, относящиеся к типу «гимнастов», стремятся рано покинуть богатый ресурсами родительский дом. Причины их быстрого ухода, как правило, связаны со специфическими отношениями с родными. Для «гимнастов» родительский дом подобен трамплину: он гарантирует прыжок в большой мир с привилегированным положением. Во многих отношениях их стремление к сепарации вызвано бунтом против «золотой клетки», в которой чрезмерно заботливые родители диктуют правила. Родители «гимнастов» не прекращают оказывать поддержку выросшим детям, но напряженность в отношениях с детьми приводит к тому, что молодое поколение быстро отдаляется от дома.

«Защитники» с детства страдают от недостатка финансовых ресурсов. Они не торопятся покинуть отчий дом, так как во многом обеспечивают выживание или благополучие семьи. Такая ситуация особенно характерна для семей с одним родителем. Помимо оказания финансовой поддержки, «защитники» также оказывают эмоциональную помощь своим родителям. Одна из причин замедленного темпа транзита может быть связана с приближающимся распадом родительской семьи.

«Беглецы» – юноши и девушки, стремящиеся дистанцироваться от образа жизни их родителей и поскорее «убежать» из родных мест в силу разных обстоятельств. Зачастую они покидают родительский дом с минимальным набором ресурсов. В отличие от «защитников», которые признают важность межпоколенческой солидарности, «беглецы» стремятся к скорейшей независимости.

Также авторы статьи подчеркивают выявленную ими тенденцию, характерную для молодежи XXI в.: польские родители, как правило, стараются помогать своим детям во взрослой жизни.

Резюмируя, они отмечают, что мягкий транзит к взрослости доступен тем, у кого есть расширенный набор социальных ресурсов для этого, в то время как многим респондентам из рабочего класса приходилось справляться в одиночку с возникающими в ходе сепарации жизненными трудностями. Помимо идеальных типов сепарирующихся детей, исследователи выделяют смешанно-гибридные; полученные результаты, по мнению авторов статьи, интересны и требуют дальнейшего изучения.

*Ю.В. Бусло**

* © Бусло Ю.В., реферат, 2024.

Бусло Юрий Владимирович – студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск; litt.yu.official@gmail.com

Buslo Yury Vladimirovich – Student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Minsk; litt.yu.official@gmail.com

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.354

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.09

РАРЕНКО А.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ДЕГТЯРЕВА О.И. УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 164 с.

Аннотация. В книге О.И. Дегтяревой, кандидата экономических наук, профессора кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой МГИМО (университет) МИД России, рассматриваются управленческие аспекты риск-менеджмента, востребованные сегодня в практике управления предприятиями. Помимо основополагающих теоретических аспектов предпринимательских рисков, учитывающих опыт не только отечественных, но и зарубежных компаний, автор описывает методы анализа и оценки предпринимательских рисков, стратегий и методов управления рисками как экономического, так и политического характера, что представляется особенно актуальным в современных условиях.

Ключевые слова: риск; риск-менеджмент; предпринимательские риски; управление предприятиями; методы анализа риска; методы оценки риска; стратегии управления рисками; методы управления рисками.

Для цитирования: Раренко А.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 161–169. – Рец. на кн.: Дегтярева О.И.

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrejj97@rambler.ru

Управление рисками: учебное пособие / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 164 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.09

Рецензия поступила: 21.05.2024.

Принята к публикации: 24.06.2024.

RARENKO A.A.** Book review: Degtyareva O.I. Risk management: study guide / Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow: MGIMO University, 2023. – 164 p.

Abstract. In her book “Risk management”, O.I. Degtyareva, candidate of economic sciences, professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I.N. Gerchikova, MGIMO (University), considers the managerial aspects of risk management in the practice of enterprise management that are in demand today. In addition to the fundamental theoretical aspects of entrepreneurial risks, taking into account the experience of not only domestic but also foreign companies, the author describes methods for analyzing and evaluating entrepreneurial risks, strategies and methods of risk management of both economic and political nature, which seems especially relevant in modern conditions.

Keywords: risk; risk management; entrepreneurial risks; enterprise management; risk analysis methods; risk assessment methods; risk management strategies; risk management methods.

For citation: Rarenko A.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 161–169. – Book review: Degtyareva O.I. Risk management: study guide / Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow: MGIMO University, 2023. – 164 p. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.09

Received: 21.05.2024.

Accepted: 24.06.2024.

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrej97@rambler.ru

Автор книги «Управление рисками» Дегтярева Ольга Ильинична – кандидат экономических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой МГИМО (университет) МИД Российской Федерации; специалист в области организации международной биржевой торговли, организации и регулирования международной торговли, управления рисками в сфере международного бизнеса, управления внешнеэкономическими связями России. В рецензируемом издании рассматриваются управленческие аспекты риск-менеджмента, востребованные сегодня в практике управления предприятиями. Помимо основополагающих теоретических аспектов предпринимательских рисков, учитывающих опыт не только отечественных, но и зарубежных компаний, автор описывает методы анализа и оценки предпринимательских рисков, стратегий и методов управления рисками как экономического, так и политического характера, что представляется особенно актуальным в современных условиях.

Работа включает в себя предисловие, 11 глав, вошедших в четыре раздела: «Основы теории риска», «Анализ и оценка рисков», «Стратегии и методы управления рисками», «Организация и регулирование риск-менеджмента», а также список источников и литературы.

В предисловии О.И. Дегтярева отмечает важность понимания и признания риска в предпринимательской деятельности: «...риск присутствует постоянно, он тесно связан с менеджментом, со всеми его функциями – планированием, организацией и контролем» [Дегтярева, 2023, с. 5]. Несмотря на это, предметом специального научного изучения в менеджменте риск до сих пор не стал. По словам О.И. Дегтяревой, «имеющиеся работы рассматривают эту проблему либо практически..., либо с финансовой точки зрения» [Дегтярева, 2023, с. 5]. Таким образом, риск как объект управленческой деятельности оказывается на периферии научных интересов современных исследователей.

В работе последовательно представлены и раскрыты все этапы деятельности по управлению предпринимательскими рисками, что, на наш взгляд, интересно как узким специалистам в области предпринимательства и социологам, занимающимся проблемами управления современными предприятиями, так и всем,

интересующимся данной проблематикой. В первом разделе «Основы теории риска», включающем три главы («Понятие риска и развитие теории риска», «Классификации рисков», «Риск-менеджмент в управлении предприятием»), дается определение понятию риска, устанавливаются составляющие риска, кратко описывается теория предпринимательского риска, дается классификация рисков, в том числе в управленческой деятельности, обосновывается концепция приемлемого риска, рассматривается системный подход к организации риск-менеджмента в современных условиях. Ситуация риска описывается в работе в сопоставлении с понятием неопределенности, под которой автор понимает разновидность неопределенной ситуации, «когда наступление событий вероятно и может быть определено, т.е. <...> объективно существует возможность оценить вероятность событий, предположительно возникающих в результате определенной деятельности» [Дегтярева, 2023, с. 11]. В предпринимательской деятельности, таким образом, риск выполняет стимулирующую и защитную функции.

В истории развития рисков автор выделяет три этапа: 1) с эпохи Возрождения до XVII–XVIII вв., когда происходит открытие основных законов управления рисками и разрабатываются инструменты их применения; 2) XIX в. – период начала развития рыночных отношений в экономике; 3) XX в. – время внедрения математического моделирования методов оценки рисков и управления ими.

Определяя критерии классификации рисков, автор объясняет необходимость этой классификации тем, что она помогает «составить наиболее полный перечень рисков, присущих бизнесу предприятия; выбрать наиболее подходящий метод управления для каждого из них; оптимальным образом организовать систему управления рисками на предприятии» [Дегтярева, 2023, с. 22]. Существующие классификации рисков включают в себя: предпринимательские риски (риск физического ущерба, риск регуляторный, риск экономический); рыночные риски, которые более детально делятся на процентный риск, валютные риски, ценовые риски рынка акций, ценовые риски товарных рисков, риски рынка производных финансовых инструментов [Дегтярева, 2023, с. 23–24]. Также известны классификации по роду опасности: техногенные (или антропогенные) риски, природные и смешанные; по характе-

ру деятельности – производственные, коммерческие, финансовые, инвестиционные и пр.; по времени возникновения – ретроспективные, текущие и перспективные; по характеру учета риска – внешние и внутренние.

Что касается классификации рисков в управленческой деятельности, то в работах зарубежных авторов выделяются три группы: риски-опасности, риски контроля, риски возможностей. Первые О.И. Дегтярева предлагает называть «чистыми рисками» [Дегтярева, 2023, с. 36]; они, в свою очередь, делятся на риски для имущества, риски для людей и риски для непрерывности бизнеса, и, как правило, такие подлежат страхованию. Управление «чистыми рисками» имеет долгую традицию и богатый опыт. К рискам контроля относят «риски, которые вызывают сомнения в способности достичь целей организации, но могут быть управляемы путем создания системы контроля» [там же, с. 36], в то время как риски возможностей – «это риски, к которым (обычно) организация намеренно стремится», т.е. они возникают из-за того, что «организация стремится повысить эффективность выполнения своих целей, понимая при этом, что в определенных условиях они могут препятствовать работе организации, если результат реализации рисков будет неблагоприятным» [там же, с. 37].

Интересна, на наш взгляд, описываемая О.И. Дегтяревой концепция приемлемого риска, которая связана с тем, что, «действуя в неопределенной среде, каждая компания стремится к получению положительного результата своей деятельности, понимая тем не менее, что результат для каждой компании будет определяться индивидуально, с учетом как конкретной ситуации на рынке (внешние факторы), так и собственного потенциала самой организации (внутренние факторы)» [Дегтярева, 2023, с. 39], т.е. принимаемые управленческие решения должны быть ориентированы на возможный риск для обеспечения баланса между уровнем риска и экономической выгодой. Вместе с тем на протяжении истории развития управленческой теории и практики риск-менеджмента задачи всегда оставались и остаются теми же: 1) сбор, анализ, хранение информации об окружающей среде предприятия и возможных ее изменениях; 2) разработка системы сбора, анализа и обобщения внутренней информации; 3) выработка политики в области риск-менеджмента и организация этой работы внутри

предприятия; 4) выделение ключевых категорий, групп и подгрупп рисков, присущих конкретной деятельности предприятия; 5) разработка методик оценки степени предпринимательского риска с учетом имеющейся информации и степени ее достоверности; 6) выработка и закрепление во внутренних документах правил принятия решений по конкретным видам рисков с учетом степени их приемлемости; 7) бюджетирование расходов на проведение мероприятий по снижению рисков [Дегтярева, 2023, с. 41].

Во второй раздел вошли три главы – «Методы качественного анализа рисков», «Количественные методы оценки риска», «Оценка рисков международного бизнеса», в которых автор последовательно разбирает особенности методов качественного и количественного анализа рисков, сферу их применения.

К наиболее распространенным методам качественного анализа автор рецензируемого издания относит «мозговой штурм», инспектирование и аудит, структурированные и неструктурированные интервью, анкеты и контрольные (проверочные) листы, метод Дельфи, метод HAZOP, метод FMEA SWOT и PESTLE-анализ, а также анализ структуры зависимостей [Дегтярева, 2023, с. 56–60]. Для количественной оценки рисков применяются методы, в основе которых лежит вероятность тех или иных событий: статистический метод, метод деревьев событий, метод деревьев отказов, метод чувствительности, метод Value at Risk (VaR), сценарный анализ и стресс-тестирование [Дегтярева, 2023, с. 64–67]. Для оценки рисков на основе качественных и количественных методов анализа, часто применяемых одновременно, разрабатывается карта рисков, пример которой представлен в работе [там же, с. 67–77].

Отдельно рассматриваются вопросы риска в международном бизнесе, методы анализа и оценки странового риска.

В трех главах («Стратегии управления рисками», «Методы управления рисками», «Особенности управления политическими рисками внешнеэкономических операций»), вошедших в третий раздел под названием «Стратегии и методы управления рисками», рассматриваются концептуальные подходы и методы управления рисками.

Ключевая цель стратегии риск-менеджмента заключается в достижении конкурентного превосходства в сфере управления опасностями, а «долгосрочные конкурентные преимущества полу-

чают компании с наиболее продуманной и сбалансированной стратегией управления рисками» [Дегтярева, 2023, с. 94]. Автор отмечает, что стратегический риск-менеджмент осуществляется на трех уровнях: 1) портфельном (осуществляется руководство всеми дочерними компаниями из числа корпорации с помощью долей участия в капитале); 2) деловом (осуществляется руководство отдельными компаниями корпорации или ведущими автономную деятельность); 3) функциональном (осуществляется управление отдельными подразделениями компании). К основным принципам управления рисками О.И. Дегтярева относит следующие правила: 1) нельзя рисковать больше, чем это может позволить собственный капитал; 2) необходимо думать о последствиях риска; 3) нельзя рисковать многим ради малого [там же, с. 98].

Основными методами управления рисками автор указывает методы принятия риска, отказа от риска, передачи риска, хеджирования рисков и снижения рисков. Эта часть работы, на наш взгляд, представляет особый интерес.

Стратегия принятия рисков предполагает использование таких методов управления ими, как: 1) резервирование (формирование резервов); 2) создание целевых фондов для покрытия конкретных потерь; 3) создание резервных сумм финансовых ресурсов в системе бюджетов предприятия; 4) формирование страховых запасов материальных ресурсов на случай перебоев в поставках сырья и материалов; 5) создание страхового резерва для покрытия разрывов ликвидности или других рискованных ситуаций финансовых рисков [Дегтярева, 2023, с. 108–109]. Среди методов отказа от риска указываются: 1) отказ от осуществления финансовых операций, имеющих высокий риск; 2) отказ от использования в больших объемах заемного капитала; 3) отказ от осуществления чисто спекулятивных операций, связанных с размещением временно свободных денежных средств в высокорискованных активах; 4) отказ от услуг ненадежных партнеров, поставщиков, посредников, покупателей; 5) отказ от реализации инновационных проектов, эффективность которых вызывает сомнение. К методам передачи рисков в работе указываются: 1) передача риска компании фактору; 2) передача риска форфейтеру (финансовому агенту). О.И. Дегтярева указывает, что «хеджирование рисков является смешанной формой управления рисками, поскольку реализация этого метода, с одной сто-

роны, снижает возможный убыток без влияния на вероятность реализации риска, а с другой – предполагает появление финансового посредника в лице либо финансовой организации (банка), либо финансового рынка в целом (биржа)» [Дегтярева, 2023, с. 113–114]. При хеджировании риск передается другим участникам финансового рынка путем заключения сделок с использованием производных финансовых документов, таких как форварды, фьючерсы, опционы, свопы и пр. Основными методами снижения риска признают прежде всего: 1) лимитирование риска; 2) диверсификацию; 3) распределение риска; 4) минимизацию риска. Методы управления рисками могут применяться отдельно или в комбинации, в зависимости от ситуации, и требуют количественной оценки их эффективности.

Внимание также уделяется управлению политическими рисками коммерческой деятельности на зарубежных рынках, методам управления политическими рисками зарубежного инвестирования (более подробно см.: гл. 9 рецензируемого издания [Дегтярева, 2023, с. 138]).

Четвертый раздел представлен двумя заключительными главами – «Организация службы риск-менеджмента» и «Международные стандарты и национальное регулирование в сфере управления рисками». Здесь автор рассматривает такие аспекты риск-менеджмента, как создание служб риск-менеджмента, руководство этими группами, организация управления рисками в корпоративных структурах; приводится информация по международным стандартам в области управления рисками; представлена нормативно-правовая база управления рисками в нашей стране.

Отмечается, что в процессе внедрения функции управления рисками в деятельность организации выделяются два подхода: «пассивный менеджмент» и «активный менеджмент». Первый подход заключается в том, что к работе привлекаются внешние консультанты, берущие на себя всю ответственность, начиная с выявления и оценки рисков до разработки конкретных предложений по управлению основными рисками предприятия; второй предполагает, что создается самостоятельное независимое подразделение (служба риск-менеджмента), и одновременно решается вопрос о его подчинении. Таким образом, в активном риск-менеджменте служба управления риском функционирует на постоянной основе, но сама

не является статичной. Напротив, для успешного решения поставленных перед ней задач служба должна быть «гибкой, готовой для превентивной и постфактум защиты компании от критических и существенных потерь» [Дегтярева, 2023, с. 141]. Работа службы в активном риск-менеджменте регламентируется внутренними документами компании, такими как положение по управлению риском и руководство по управлению риском.

В качестве замечания укажем на небольшой список источников и литературы (всего 17 наименований), который включает в себя нормативные документы и специальные издания по теме, в том числе одно на английском языке. Более того, среди указанных публикаций нет публикаций последних трех-четырёх лет. На наш взгляд, список литературы следовало бы расширить за счет, например, публикаций в узкоспециализированных как отечественных, так и зарубежных журналах, поскольку заявленная тема действительно является актуальной и дискуссионной.

Отметим, что рецензируемая работа имеет четкую структуру, все понятия и термины, которыми оперирует автор, определены по мере их включения в текст. В рецензируемом издании нашли отражения все основные положения теории управления риском, применяемые как в отечественных, так и зарубежных организациях. Данная работа может быть полезна как студентам, так и специалистам в области менеджмента, социологии управления и т.д.

Список литературы

Дегтярева О.И. Управление рисками: учебное пособие / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 164 с.

References

Degtyareva O.I. *Upravlenie riskami: uchebnoe posobie* [Risk management: study guide] / Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – Moscow: MGIMO University, 2023. – 164 p. (In Russian)

УДК 316.43

DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.10

НИКОЛАЕНКО М.А.* , АРСЕНИЧЕВА М.А.** ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ» (Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 23–24 мая 2024 г.)¹

Аннотация. Развитие и преобразование городской среды является сложным и комплексным процессом, актуальным для городов современной России. Множество ключевых вех ее истории сохранены в городах посредством архитектуры и других каналов социальной памяти. Современные инновации и технические изобретения заметно упрощают знакомство с городом, передвижение по нему и создают более комфортную среду для проживания и трудовой деятельности. Объединение нового и старого является сложнодостижимой необходимостью. Участники конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы» (Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 23–24 мая 2024 г.) обсудили проблемы развития городов России и связали их с парадигмами социологии, экономики, социальной психологии города.

© Николаенко М.А., Арсеничева М.А., статья, 2024.

* Николаенко Максим Александрович – студент направления «Социология» Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; maxnik007@yandex.ru

** Арсеничева Марина Андреевна – студентка направления «Социология» Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

¹ Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке текста доктору социологических наук, профессору кафедры философии, культурологии и социологии КГУ имени К.Э. Циолковского, ведущему научному сотруднику отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН Анне Юрьевне Казаковой.

Итоги Всероссийской научной конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы»

Ключевые слова: конференция; городская среда; городское развитие; урбанизм; модернизация; традиция.

Для цитирования: Николаенко М.А., Арсеничева М.А. Итоги Всероссийской научной конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы» (Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, 23–24 мая 2024 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 170–181. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.10

Статья поступила: 01.07.2024.

Принята к публикации: 15.07.2024.

NIKOLAENKO M.A. ^{***}, ARSENICHEVA M.A. ^{****} The results of the All-Russian scientific conference “Transforming the urban environment: new trends and old problems” (Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, May 23–24, 2024)

Abstract. Development and transformation the urban environment is a difficult and complex process relevant to the cities of modern Russia. Many key markers in the history of Russia are contained and preserved in cities through architecture and other channels of social memory. Modern innovations and technical inventions significantly simplify getting to know the city, moving around it and creating a more comfortable environment for living and working. Combining the new and the old is a difficult-to-achieve necessity. Participants of the conference “Transforming the urban environment: new trends and old problems” (Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, May 23–24, 2024) discussed the problems of urban development in the Russian Federation and linked them with the paradigms of sociology, economics, and social psychology of the city.

Keywords: conference; urban environment; urban development; urbanism; modernization; tradition.

For citation: Nikolaenko M.A., Arsenicheva M.A. The results of the All-Russian scientific conference “Transforming the urban environment: new

^{***} Nikolaenko Maxim Alexandrovich – Student of Direction “Sociology” at Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky; maxnik007@yandex.ru

^{****} Arsenicheva Marina Andreevna – Student of Direction “Sociology” at Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

trends and old problems” (Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, May 23–24, 2024). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]*. – 2024. – N 3. – P. 170–181. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.10

Received: 01.07.2024.

Accepted: 15.07.2024.

23–24 мая 2024 г. в смешанном формате (онлайн и офлайн) при поддержке Института научной информации по общественным наукам РАН на базе Института искусств и социокультурного проектирования Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского состоялась Всероссийская научная конференция «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы». Конференция была разделена на шесть секций, где обсуждались различные темы, связанные с развитием городской среды.

Первая секция конференции, прошедшая в формате круглого стола, называлась «Проблемы города и урбанистики в современном социологическом образовании». На ней обсуждались актуальные проблемы процесса преподавания социологических дисциплин и популяризации достижений социологической науки, внедрения исследовательской работы в образование школьников и студентов, организации учебной социологической практики. Участники делились не только проблемами, но и конкретными подходами и решениями, которые могут быть перенесены в деятельность других вузов и заинтересовать их администрацию. Каждое сообщение порождало множество комментариев и вопросов.

С докладом «Город как пространство для студенческой практики» выступила *Варвара Алексеевна Зотова* (РГГУ). Проблема организации учебной практики, по мнению В.А. Зотовой, состоит в малом количестве компаний, готовых принимать студентов, в необходимости задействовать для этих целей личные контакты. Как вариант решения данной проблемы докладчик предложила создать лаборатории при университетах. Лаборатории являются для студентов проводником к практической деятельности: они берут различные заказы других компаний и набирают на их выполнение студентов из своего университета. Проблема этого

способа заключается в нежелании университетов заниматься созданием подобных лабораторий. Пример такого учреждения, который привела Варвара Алексеевна, – «КСИЛАБ» – является частной инициативой выпускников РГГУ.

Инновационный образовательный продукт презентовал кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН *Анатолий Сергеевич Бреславский* в докладе «Субурбанизация в России: опыт построения нового учебного курса». Докладчик представил уникальный курс, разработанный на основе его недавно вышедшей монографии [Бреславский, 2024]. Магистрантам направления «Концептуальная урбанистика» Тюменского государственного университета впервые предлагается подробное знакомство с зарубежными и отечественными исследованиями субурбанизации, с особенностями протекания этого процесса в России. В ходе дискуссии выявилась проблема вытеснения в процессе субурбанизации местного населения городским. А.С. Бреславский считает, что к данному вопросу необходимо подходить с позиции примирения двух сторон.

К проблемам взаимоотношений сельского и городского образа жизни, их преимуществ и недостатков обращались и участники других секций. Два интересных доклада было представлено на третьей секции – «Концепции городского развития и технологии их воплощения».

С докладом «Рурбанизм как концепция развития сельских и городских агломераций (о забытой идее Питирима Сорокина)» выступил кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН *Александр Юрьевич Долгов*. Изучение противоречий сельского и городского укладов Питиримом Сорокиным не случайно: ученый родился в селе и всю свою жизнь скептически относился к гиперурбанизации, отдавая предпочтение сельскому образу жизни. С точки зрения Сорокина, горожане, «изношенные и нездоровые из-за плотности населения в городах, множества фабрик и заводов», нуждаются в преимуществах, которые дает сельский образ жизни, а это достижимо через социально-политическое реформирование, направленное на рурбанизацию. Воплощение в жизнь концепций «город-сад» и «город-деревня» позволит сохранить по-

ложительные стороны и смягчить недостатки и городской, и сельской жизни. Из работ Питирима Сорокина, как считает А.Ю. Долгов, можно вынести некоторые идеи для современного развития городских и сельских поселений:

1) необходимо осознать, что город – не конечная точка развития человечества и признать взаимосвязь городских и сельских агломераций;

2) развитие сельских территорий должно быть одним из приоритетов государственной политики;

3) важный фактор благополучной жизни – преобразование города, исходя из взаимодействия человека с естественной средой.

Последняя идея по-своему представлена в докладе «Животные в городе». О проблемах популяций животных в городских условиях рассказали директор и специалист благотворительного Фонда защиты городских животных (Москва) – *Екатерина Сергеевна Дмитриева* и *Ксения Анатольевна Кузьмичева*. По мнению докладчиков, при проектировании, строительстве и благоустройстве интересы животного мира не учитываются. Как пример Е.С. Дмитриева приводит вертикальное берегоукрепление городских водоемов. Постоянные обитатели – утки – не могут выбраться из водоемов с вертикальными набережными, что ведет к снижению популяции данных птиц. Для решения проблемы докладчики предлагают отказаться от вертикального берегоукрепления или установить помосты для уток. Докладчики перечислили виды городских птиц, помогающих экологии городов. Ворона и сизый голубь являются санитарами, ежегодно перерабатывающими большое количество мусора. В целом экологи призывают к борьбе против дефаунизации российских городов.

Идеи комфортного развития отдельных городов и целых регионов обсуждались и в контексте жилищной проблематики.

О проблемах строительства многоквартирных жилых домов в докладе «Строительство в России с точки зрения формирования комфортной среды обитания» высказались на секции «Концепции городского развития и технологии их воплощения» кандидат географических наук, заведующая отделом экономики ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Экономические и социальные проблемы России» *Мария Анатольевна Положихина* и кандидат филологических наук, заведующая и ведущий научный сотрудник

отдела культурологии ИНИОН РАН, главный редактор журнала «Вестник культурологии» *Ольга Валерьевна Кулешова*. Авторы продемонстрировали динамику ввода жилья в РСФСР и России. Характерная особенность строительства в советский период – это разработанный для каждого города генплан. Город строился комплексно: помимо жилого дома возводились детские сады, школы, поликлиники, клубы и т.д. Проблема строительства жилых домов в современной России заключается в первую очередь в неравномерности строительства в целом. Больше всего строят в Москве и Московской области, меньше всего в восточных областях. Накопление ветхого жилья и редкое строительство нового способствует оттоку населения в ЦФО. Средний показатель площади жилья тоже является проблематичным: на одного жителя приходится 28 м². По данному показателю России уступает всем цивилизованным странам мира. Застройщики системно допускают такие архитектурно-градостроительные злоупотребления, как точечная застройка и игнорирование окружающей среды.

Одним из самых запоминающихся стало исследование сотрудника кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, кандидата социологических наук *Дениса Борисовича Литвинцева* «Прекарность жилья: опыт исследований за рубежом и первые результаты измерений в России» (секция 4 «Сообщества и качество жизни»). Жилье в данном случае рассматривается как неустойчивое, нестабильное физическое место проживания представителей различных социальных групп. Как подчеркнул докладчик, в методологии измерений жилищной прекарности на сегодняшний день не существует единого подхода. Обобщение и систематизация методов оценки прекарности жилья, предложенных исследователями из Европы, США и Австралии, позволяют выявить общие и специфические для каждого подхода показатели жилищной прекарности. Необходимость этого связана с тем, что в России на сегодняшний день разработанный индекс прекарности жилья отсутствует. Денис Борисович выделяет следующие группы показателей прекарности: безопасность, качество жилья, финансы. Было выявлено: чем выше прекарность жилья, тем ниже миграционный прирост и выше внутрирегиональная мо-

бильность. Также было отмечено, что прекарность жилья увеличивает показатели частоты аборт в регионе.

Проводником инноваций в жизнь, средством обратной связи во взаимодействии населения и власти, эффективным инструментом современного аналитика выступают новые цифровые технологии, информационно-коммуникационные площадки в сети Интернет, системы мониторинга медиaprостранства. Тема «Медиатехнологии в городской жизни» на основе количественных социологических исследований подробно рассматривалась докладчиками из Екатеринбурга и Тулы.

Научная проблема доклада «Роль новых электронных форм в процессе вовлечения населения к управлению городской средой», представленного доктором социологических наук, профессором *Еленой Николаевной Заборовой*, заключается в оценке эффективности влияния новых – электронных – форм взаимодействия населения и власти на процесс вовлечения граждан в управление городом. Реализация современных концепций «умного» города во многом упирается в цифровое неравенство. Общая тенденция нарастания количества электронных обращений с одновременным падением количества бумажных обращений нехарактерна для малых городов, где сохраняется высокий спрос на личные встречи граждан и представителей власти. Установлено, что роль электронных форм нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они делают управленческий процесс более предсказуемым и прозрачным, экономят время и средства горожан, с другой – способствуют нарастанию бюрократизма и формализма, усиливают проявления информационного неравенства.

Собственную методологию измерения социального самочувствия горожан по цифровым маркерам представили в одноименном докладе *Анна Юрьевна Домбровская*, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, директор Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ, и *Полина Игоревна Дымова*, магистрант направления подготовки «Социология» Тульского государственного университета.

Результаты изучения активности пользователей в онлайн-сообществах активно используются в государственном управлении. На базе этих данных создаются программы городского разви-

тия, направленные на улучшение инфраструктуры, удовлетворенность которой является значимым фактором в анализе социального самочувствия горожан. В исследовании проведен анализ компонентов социального самочувствия на основании публикаций в городских онлайн-сообществах Тулы и Тульской области в социальной сети «ВКонтакте» за 2023 г. В результате исследования определена тональность документов, рассмотрены ограничения используемого метода и возможные пути их преодоления для использования методов киберметрического анализа.

Измерение социального самочувствия горожан по цифровым маркерам актуализируется рядом обстоятельств:

- важностью мониторинга удовлетворенности и качества жизни населения;
- вовлеченностью граждан в цифровую коммуникацию, отражающую их социальное самочувствие;
- большей объективностью и надежностью (неспровоцированных) цифровых следов, обеспечивающих более ценные и репрезентативные данные;
- возможностью использовать данные мониторинга социального самочувствия граждан для повышения рейтинга губернаторов, поддержания социальной стабильности.

В двух самобытных докладах, представленных на секциях «Сообщества и качества жизни» и «Традиции и новации, наследие и креатив», озвучивались текущие результаты исследований городского вандализма, которые ведутся лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета под руководством ее заведующей – кандидата психологических наук *Ольги Владимировны Кружковой*.

В работе «Особенности вандальных повреждений российских мегаполисов», подготовленной О.В. Кружковой в соавторстве с *Сергеем Дмитриевичем Робиним*, лаборантом лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета, на материале Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода с помощью метода фотофиксации классифицируются вандальные повреждения городской среды: деформация городских объектов, граффити и пр. Отмечена специфичность их проявлений в зависимости

от города, которая обусловлена как ментальностью и традициями городского населения, так и теми мерами, которые муниципалитеты направляют на борьбу с вандализмом. Подчеркиваются и положительные моменты: воспитательный потенциал граффити, отражение в них актуальных для жителя города социальных проблем.

В продолжение той же темы кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики, русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета *Марина Рашитовна Бабикова* представила второй совместный с О.В. Кружковой доклад: «Графический вандализм в структуре городского ландшафта: эмоциональный контекст». В исследовании представлен анализ кейсов эмоциональных графических повреждений с точки зрения содержания и анализа его места и функций в формировании городского ландшафта. Авторы демонстрируют, что современное городское пространство – насыщенное информационное поле, формирование которого инициировано не только официальными структурами, уполномоченными размещать информационные стенды, рекламные щиты, навигационные системы и пр. Оно подвластно и городским жителям. В данном случае речь идет о несанкционированном преобразовании городского ландшафта. Объемный анализ графического вандализма крупных городов Российской Федерации позволяет говорить о широком распространении граффити, имеющих яркий эмоциональный контекст. Такое преобразование города не только раскрывает эмоциональное состояние автора – зачастую граффити апеллируют к эмоциям и чувствам невольных адресантов, чем вызывают эмоциональный, часто весьма насыщенный, отклик.

Предметом обсуждения участников секций № 5 «Мы и город: идентичность, любовь, ностальгия» и № 6 «Традиции и новации, наследие и креатив» стала уникальность отдельных городов.

С докладом «Городское воображаемое: места памяти в коллективных представлениях горожан» выступила кандидат философских наук, доцент НОЦ «Гуманитарная урбанистика», заместитель проректора по образовательной деятельности Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого *Наталья Геннадьевна Федотова*. Докладчик считает, что город воспринимается человеком не только как территория с домами, улицами, а

как пространство, которое воображается посредством осмысления социальных явлений и культурных практик. «Городское воображаемое» – это совокупность объектов и смыслов, выделенных определенным человеком в городской реальности. Человек посредством реальных образов и своего воображения конструирует весь город в целом. Конечно же, образ разных городов будет отличаться, это подчеркивает уникальность каждого города. Представления человека о городе строятся на основе городского пространства и культурной памяти города, которая состоит из коллективных воспоминаний о городском прошлом и пространствах хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов в виде символических средств (архитектура, скульптуры, логотипы, топонимика и т.д.). Коллективные воспоминания могут транслироваться через места памяти (мемориалы, памятники и т.д.).

В продолжение темы городской идентичности с докладом «Антропотопонимический гипертекст региональных столиц Центра России как элемент городской локальной идентичности» выступил доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН *Роман Владимирович Евстифеев*. Он считает, что город является системой связанных между собой смысловых элементов, являющихся основой социально-политического процесса культурного воспроизводства и изменений. Топонимическая система является гипертекстом. В нем скрываются и раскрываются антропологические и культурологические константы и переменные, включая городскую идентичность. Антропологический гипертекст отражает и порождает пространство, где различные видения прошлого сталкиваются в настоящем и конкурируют друг с другом в борьбе за идентичность и память. Топонимический и антропологический гипертексты складываются из исторических имен.

Докладчик выделил по столицам ЦФО 12 872 топонима, из которых 3142 являются антропотонимами, относящимися к 1466 уникальным историческим личностям. В статистику были включены только официальные названия улиц. Среди них доминируют мужские исторические фигуры – 2951 упоминания. Большинство названий улиц перешло к нам от советского периода, носит светский характер. В основном имена имеют надгородское значение. Соответственно, названия улиц вступают в противоречие с город-

ской идентичностью. Поэтому многие горожане не против возвращения улицам исторических названий.

Конференцию завершал доклад «Мусульманские пространства Республики Татарстан» *Динары Сырынбетовны Жунусовой*, младшего научного сотрудника Академии наук Республики Татарстан (Центр исламоведческих исследований). Республика Татарстан – поликонфессиональный регион Российской Федерации. Процессы возрождения религии, происходившие в конце прошлого столетия, привели к пересмотру религиозных практик и культов. Со стороны мусульманской части населения стал возобновляться интерес не только к религиозным представлениям, но и к тем религиозным предписаниям, которые диктует ислам. Известно, что ислам проникает во все сферы жизни мусульман, формируя целостную смысловую концепцию, которой мусульмане полностью подчиняют повседневную жизнь. Оппозиция «халяль» – «харам» регулирует отношения мусульман в религиозном, культурном, экономическом, социальном плане. Запрещенное принято называть «харам», а разрешенное «халяль». Исходя из ограничений, становится ясно, что религия формирует мировоззренческую систему, которой руководствуются верующие. Помимо традиционного потребления мясной продукции, современные мусульмане проявляют активность в пользовании особой бьюти-индустрией (хиджама, маникюр, оформление бровей и ламинирование ресниц халяль-методом), медициной (услуги по ведению беременности, обрезание) и т.д. Отдельно стоит упомянуть востребованность «халяль-пространств» – заведений, нахождение в которых подчиняется концепции «халяль». Автор сожалеет о дефиците таких мест в Казани, которая на сегодня, как выяснилось в ходе обсуждения, остается преимущественно светским городом.

Несмотря на регулярное проведение в различных регионах многочисленных научных мероприятий, посвященных проблемам городского развития, состоявшаяся конференция, несомненно, внесла в ее осмысление заметный вклад. Мероприятие объединило экспертов из 25 городов России и позволило осветить не только теоретические, но и практические стороны развития городской среды – и столичной, и провинциальной, с учетом огромного территориального разнообразия последней. Оно содействовало возникновению новых научных связей, сближению вузов и НИИ,

Итоги Всероссийской научной конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы»

классических «академических» исследователей и «прикладников». Статьи отдельных авторов будут опубликованы в ближайших выпусках периодических изданий ИНИОН РАН.

Список литературы

Бреславский А.С. Субурбанизация и будущее российских городов: введение в проблематику. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 170 с.

References

Breslavsky A.S. *Suburbanitsiya i budushie rossiyskih gorodov: vvedenie v problematiku* [Suburbanization and the future of Russian cities: introduction to the problematic]. – St. Petesburg: Tsenter gumanitarnih initsiativ, 2024. – 170 p. (In Russian)

НОВЫЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (ОБЗОР ПО ИТОГАМ XVII КОВАЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ) / КОЗИН С.В.*, ЖИДЯЕВА Т.П.**, ЗАКИЕВА Р.Р.***, ХАЗОВ А.Ю.****

Аннотация. Представленный авторами обзор посвящен комплексному освещению прошедшей 16–18 ноября 2023 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Всероссийской научной конференции «XVII Ковалевские чтения». Тема данных чтений – «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы». В рамках конференции работали 12 секций и круглый стол. Отличительной особенностью этих, как, впрочем, и предыдущих Ковалевских чтений, является постоянно увеличивающееся количество молодых участников. Было представлено солидное количество докладов, общая тематика которых была по-

© Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р., Хазов А.Ю., статья, 2024.

* Козин Сергей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; mister.svk92@yandex.ru

** Жидяева Татьяна Павловна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Алатырь; tan-ya21_84@mail.ru

*** Закиева Рафина Рафкатовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры промышленной электроники и светотехники Казанского государственного энергетического университета, Казань, докторант, Институт стратегии развития образования РАО, Москва; Rafina@bk.ru

**** Хазов Андрей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Алатырь; hazov_andr@mail.ru

*Новые реалии современного российского общества
(Обзор по итогам XVII Ковалевских чтений)*

священа ценностным и консолидационным основаниям российского общества. Другая часть докладов несла в себе направленность, обращенную к «цифровым технологиям» и их влиянию на различные отрасли и сферы жизнедеятельности. Также, например, были представлены работы, посвященные различным аспектам трудовых отношений, трудовой мотивации, проблеме прекаризации в России, трудоустройству выпускников высших средних специальных учебных заведений в нашей стране.

Ключевые слова: гендер; демография; Ковалевские чтения; перспективы; прекариат; рынок труда; цифровые технологии.

Для цитирования: Новые реалии современного российского общества (Обзор по итогам XVII Ковалевских чтений) / Козин С.В., Жидяева Т.П., Закиева Р.Р., Хазов А.Ю. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 182–195. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.11

Статья поступила: 09.06.2024.

Принята к публикации: 08.07.2024.

New realities of modern Russian society (Review of the XVII Kovalevsky Readings) / KOZIN S.V. ****, ZHIDYAEVA T.P. *****; ZAKIEVA R.R. *****, KHAZOV A.Yu. *****

Abstract. The article presented by the authors is devoted to the comprehensive coverage of the All-Russian Scientific Conference “XVII Kovalevsky Readings” held on November 16–18, 2023 within

***** Kozin Sergey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; mister.svk92@yandex.ru

***** Zhidyaeva Tatyana Pavlovna – Senior Lecturer, Department of Humanities and Economic Disciplines, Alatyr Branch, Chuvash State University I.N. Ulyanova, Alatyr; tanya21_84@mail.ru

***** Zakieva Rafina Rafkatovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Industrial Electronics and Lighting Engineering of Kazan State Energy University, Kazan, doctoral student, Institute of Educational Development Strategy, RAO, Moscow; Rafina@bk.ru

***** Khazov Andrey Yuryevich – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Economic Disciplines of the Alatyr branch of the Chuvash State University I.N. Ulyanov University, Alatyr; hazov_andr@mail.ru

the walls of St. Petersburg State University (SPbU). The topic of these readings was «Russian society today: values, institutions, processes». There were twelve sections and one round table. A distinctive feature of these, as well as of Kovalevsky readings, is the constantly increasing number of young scientists. A considerable number of reports were presented at the conference, the general theme of which was devoted to the value and consolidation foundations of Russian society. Another part of the reports carried a focus on “digital technologies” and their impact on various industries and spheres of an individual's life. But not only were there reports on these topics, for example, works were presented on various aspects of labor relations, employee motivation, precariousness of employment in Russia, employment of graduates of higher and secondary specialized educational institutions in our country.

Keywords: gender; demography; Kovalevsky readings; prospects; precariat; labor market; digital technologies.

For citation: New realities of modern Russian society (Review of the XVII Kovalevsky Readings) / Kozin S.V., Zhidyayeva T.P., Zakieva R.R., Khazov A.Yu. Social'nye igumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 182–195. DOI: 10.31249/rsoc/2024.03.11

Received: 09.06.2024.

Accepted: 08.07.2024.

16–18 ноября 2023 г., по традиции, в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) прошла Всероссийская научная конференция «XVII Ковалевские чтения». Тема данных чтений – «Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы». В рамках конференции работали 12 тематических секций. Чтения собрали как постоянных, так и новых участников, включая молодежь.

Открывал конференцию пленарный доклад профессора П.П. Дерюгина (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) «Ценностные основания солидарности российского общества» [Дерюгин, 2023]. В начале своего выступления П.П. Дерюгин дал общие вводные положения по теме доклада. Так, в частности, по его мнению, суверенитет российского социума в многополярном мире обеспечива-

ется единством «региональной и общенациональной солидарности» [Дерюгин, 2023, с. 55]. Докладчик подчеркнул, что сегодня отечественная наука в исследованиях, посвященных ценностной солидарности граждан, должна опираться прежде всего на междисциплинарный подход.

Следующий доклад на тему «Урбанизация в России: новые вызовы в условиях цифровизации» представила *И.И. Вершинина* (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) [Вершинина, 2023]. Она сочла нужным рассказать о таком современном явлении, как «умный город» (от англ. *smart city*). Россия в этом направлении еще не столь продвинулась и пока лишь перенимает мировой опыт у ведущих стран мира (Дании, Сингапура, США, Швейцарии, Швеции, Японии). По словам докладчицы, ««умные города» – это города, демонстрирующие комплексное устойчивое развитие, сочетая цифровые технологии с инвестициями человеческого капитал» [Вершинина, 2023, с. 60]. И.И. Вершинина отметила, что концепция «умного города», безусловно, меняет (а иногда очень сильно) социальное пространство города, однако далеко не все жители способны должным образом адаптироваться к новым условиям. Некоторые горожане не находят себе место в новой реальности и вынуждены переезжать в малые города, а иногда делают выбор в сторону сельской местности. Что касается цифровизации городского пространства в России, то, по мнению докладчицы, делать какие-либо окончательные выводы о об успешности этого процесса в нашей стране еще не представляется возможным, так как его течение в разных регионах зависит от ряда факторов (управленческой специфики, связанных с финансированием вопросов и т.д.).

Тему цифровизации продолжила профессор *Е.А. Островская* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург) в докладе «Традиционные религиозные ценности в свете вызовов медиатизации» [Островская, 2023], в котором рассказала об использовании цифровых технологий в религиозной жизни общества. Она отметила, что «в русскоязычном Интернете православие, буддизм и соблюдающее еврейство представлены богатым разнообразием сайтов соответствующих храмов, дацанов и хурулов, синагог, общин и организаций различных направлений, подкастами, каналами, пабликами, группами и блогами в социальных сетях» [Островская, 2023, с. 64]. Однако следу-

ет признать, что современная российская социология только начинает изучать связь религии и современных технологий.

Интересен доклад профессора *Г.А. Цветковой* (РГГУ, г. Москва) в докладе «Опыт и практика социальной мобилизации россиян» [Цветкова, 2023], в которой она обобщила и структурировала богатый опыт социальной мобилизации в нашей стране (прежде всего в СССР). Г.А. Цветкова выделила следующие типы (направления) социальной мобилизации: 1) в сфере обороны; 2) в экономике; 3) в сфере здравоохранения. По каждой из них был дан исторический экскурс. В завершение своего доклада Г.А. Цветкова резюмировала, что социальная мобилизация в жизни россиян имела и по-прежнему имеет существенный смысл [Цветкова, 2023, с. 415].

Т.С. Мартыненко (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) посвятила свое выступление следующей теме: «Труд и технологии искусственного интеллекта: хватит ли работы на всех?» [Мартыненко, 2023]. Она рассказала о колоссальной популярности сегодня технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и больших возможностях его применения (которые еще будут изучаться исследователями). Ссылаясь на мнения авторитетных зарубежных ученых (Г. Стэндинг, Дж. Рифкин, Ф. Джонс и др.), Т.С. Мартыненко выделила как положительные, так и отрицательные стороны данного явления. Так, в числе негативных трендов, связанных с ИИ, она отметила проблемы в трудовой сфере, где ИИ уверенными темпами «выживает» настоящих сотрудников из ряда профессий: «... ИИ часть задач может быть передана программам, которые не нуждаются в отпуске, больничном и даже особых условиях труда» [Мартыненко, 2023, с. 500]. Очевидно, что подобного рода явление грозит «прекаризацией занятости» и увеличивает в обществе долю прекариата (на эту тему см., например: [Козин, Жидяева, 2023а; Козин, Закиева, Жидяева, 2021]). Т.С. Мартыненко возлагает надежды на государство, которое, по ее мнению, обязано контролировать и финансировать разработки, связанные с внедрением ИИ [Мартыненко, 2023, с. 501].

Выступление *А.А. Кашайкиной* (ЮУ ИУБиП, г. Ростов-на-Дону) на тему «Влияние цифровых технологий на организацию рабочего процесса и трудовую мотивацию» [Кашайкина, 2023] было также посвящено роли новых технологий в жизни современ-

ного общества. Подобного рода технологии, по словам докладчицы, упрощают работу рабочих и ускоряют (зачастую во много раз) процесс изготовления различных сложных деталей на станках. Между тем А.А. Кашайкина справедливо отмечает, что нередко «автоматизация может привести к ухудшению качества работы и снижению мотивации работников» [Кашайкина, 2023, с. 473].

Стоит выделить и доклад *Е.М. Цыгановой* и *А.К. Нисской* (НИУ ВШЭ, г. Москва) «Представления о самостоятельности родителей детей младшего школьного и младшего подросткового возраста» [Цыганова, Нисская, 2023]. Выступающие отметили огромную роль родительских представлений о должном в воспитании ребенка (см., например: [Козлова, Симонова, Мадфес, 2024]). Под детской самостоятельностью современные родители, как правило, понимают «разнообразные бытовые навыки и более широкую способность “к свободе”» [Цыганова, Нисская, 2023, с. 1986], причем «“свобода” ... касается готовности ребенка самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность» [там же].

Часть докладов конференции была посвящена образу современного педагога и его роли в образовании и воспитании подрастающего поколения. По мнению большинства докладчиков, педагог XXI века – это эрудированный, терпеливый, внимательный и любящий детей специалист, который использует современные технологии и методики обучения, обладает навыками исследователя и экспериментатора, а также постоянно совершенствуется в своей профессии.

Так, в докладе *А.Е. Чуклинова* (МПГУ, г. Москва) «О практических и дидактических возможностях проектного метода в социологическом образовании» [Чуклинов, 2023] говорится о том, что проектный метод в социологическом образовании позволяет развивать у студентов проблемное мышление, системное восприятие мира и умение работать в команде. Этот метод основан на принципах обучения через деятельность, формирования навыков практического применения знаний и решения конкретных жизненных проблем.

Т.В. Фомичева (РГСУ, г. Москва) в своем докладе «Ценностные основания педагогической деятельности» считает основой педагогической деятельности ориентацию на создание усло-

вий для индивидуального подхода к обучающемуся и использование развивающих технологий, а также знание характеристик и технологий безопасной и комфортной образовательной среды.

Д.А. Фомин, А.Г. Танова (СПбПУ, г. Санкт-Петербург) представили доклад на тему «Трудовые отношения между фрилансером и заказчиком: социологический анализ барьеров коммуникации» [Фомин, Танова, 2023]. По нашему мнению, этот доклад представляет собой значимый вклад в изучение современных трудовых отношений, особенно в контексте растущей роли фриланса и удаленной работы. О происходящих изменениях в трудовой сфере России и зарубежных стран пишет немало исследователей (см., например, подборку статей: [Ниорадзе, 2022 ; Сизова, Григорьева, 2019 ; Темницкий, 2017 ; Тихонова, 2019]). Актуальность выбранной темы обусловлена острой потребностью в понимании новых тенденций и преодолении коммуникативных барьеров между фрилансерами и заказчиками в условиях информационного общества. Авторы доклада успешно объединили теоретические аспекты анализа с эмпирическими данными, используя методы классификации и полужормализованных интервью. Их подход к рассмотрению темы на основе теорий Н. Винера, К. Шеннона, У. Уивера, Т. Ньюкомба и И.П. Яковлева, а также использование информационного и интеракционистского подходов, делают данное исследование глубоким. Докладчики не только обозначили имеющиеся проблемы, но и предложили конструктивные рекомендации по улучшению коммуникации между заказчиками и исполнителями. Разнообразные методы преодоления барьеров, предложенные авторами на основе результатов исследования, представляют собой ценный практический вклад в повышение эффективности трудовых отношений в сфере фриланса.

Д.Е. Косилин (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) в докладе «Возможности нематериального стимулирования работников сферы ИТ» [Косилин, 2023] представил результаты актуального исследования в области управления персоналом. Докладчик обратил внимание слушателей на значимость нематериальных форм поощрения сотрудников ИТ-сферы в контексте современных требований к управлению персоналом. Важным вопросом, который отметил докладчик, является оценка эффективности использования материальных форм мотивации для ИТ-персонала. Он под-

черкнул сложность оценки индивидуальной эффективности в условиях компьютерных проектов, что делает акцент на нематериальных аспектах мотивации более предпочтительным. Автор доклада справедливо отмечает, что нематериальное стимулирование может способствовать укреплению организационной лояльности и ответственности сотрудников. Предложенные Д.Е. Косилиным подходы к стимулированию (предоставление творческих возможностей для профессионального развития и учет индивидуальных потребностей сотрудников) представляются чрезвычайно актуальными. Кроме того, анализ нематериальных потребностей IT-специалистов в докладе основан на реалиях современной жизни и требованиях российского рынка труда, что делает исследование релевантным для практического применения в российских IT-компаниях. Думается, этот доклад представляет собой ценный вклад в изучение мотивации сотрудников IT-сферы, а его выводы и рекомендации могут быть полезны для практического применения руководителями IT-компаний.

Кроме того, в рамках настоящей конференции проводился круглый стол «Современные тенденции трансформации социального государства: вопросы теории и практики».

Обобщая итоги прошедших XVII Ковалевских чтений, следует отметить, что данное мероприятие было как всегда продуктивным: предметом интереса докладчиков стали не только сугубо теоретические вопросы, но результаты целого ряда актуальных эмпирических социологических отечественных исследований (об итогах предыдущих Ковалевских чтений см. обзорные статьи: [Жидяева, Хазов, 2022 ; Козин, Жидяева, 2023б]). По итогам XVII Ковалевских чтений традиционно был опубликован сборник материалов [Российское общество ... , 2023] с постатейным размещением в системе РИНЦ. Приятно видеть, что из года в год география участников Ковалевских чтений становится обширнее; для тех, кто не смог посетить конференцию лично, уже стал традиционным формат онлайн-участия.

Список литературы

Вершинина И.И. Урбанизация в России: новые вызовы в условиях цифровизации // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18

ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 60–61.

Дерюгин П.П. Ценностные основания солидарности российского общества // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 55–57.

Жидяева Т.П., Хазов А.Ю. Научная конференция глазами участников: XV Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, СПбГУ 25–27 ноября 2021 г.) // Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – Т. 10, № 4 (40). – С. 171–174. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289

Капайкина А.А. Влияние цифровых технологий на организацию рабочего процесса и трудовую мотивацию // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 473–476.

Козин С.В., Жидяева Т.П. [Рецензия] // Социологический журнал. – 2023а. – Т. 29, № 1. – С. 177–191. – Рец. на кн.: От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва: Весь мир, 2022. – 364 с. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

Козин С.В., Жидяева Т.П. Постковидное общество в фокусе социологии: старые и новые тренды (Обзор по итогам XVI Ковалевских чтений) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023б. – № 3. – С. 178–188. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.11

Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. – 2021. – № 3 (134). – С. 199–213. – DOI: 10.61726/8767.2024.85.98.001

Козлова М.А., Симонова О.А., Мадфес О.Н. Социальные партнерства современной российской школы как инструмент формирования насыщенной образовательной среды и преодоления неравенства // Социологический журнал. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 143–170. – DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.7

Косилин Д.Е. Возможности нематериального стимулирования работников сферы IT // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 478–479.

Мартыненко Т.С. Труд и технологии искусственного интеллекта: хватит ли работы на всех? // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-

**Новые реалии современного российского общества
(Обзор по итогам XVII Ковалевских чтений)**

Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 499–501.

Ниорадзе Г.В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 102–117. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317

Островская Е.А. Традиционные религиозные ценности в свете вызовов медиатизации // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 61–65.

Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – 2010 с.

Сизова И.Л., Григорьева И.А. Ломкость труда и занятость в современном мире // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 48–71. – DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279

Темницкий А.Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 144–162. – DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5368

Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 27–47. – DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6278

Фомин Д.А., Танова А.Г. Трудовые отношения между фрилансером и заказчиком: социологический анализ барьеров коммуникации // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 565–567.

Фомичева Т.В. Ценностные основания педагогической деятельности // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 1301.

Цветкова Г.А. Опыт и практика социальной мобилизации Россиян // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 412–415.

Цыганова Е.М., Нисская А.К. Представления о самостоятельности родителей детей младшего школьного и младшего подросткового возраста // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв.

ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 1985–1986.

Чуклинов А.Е. О практических и дидактических возможностях проектного метода в социологическом образовании // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16–18 ноября 2023 года) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Сциентиа, 2023. – С. 1304–1307.

References

Chuklinov A.E. O prakticheskikh i didakticheskikh vozmozhnostyakh proektnogo metoda v sociologicheskom obrazovanii [On the practical and didactic possibilities of the project method in sociological education]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 1304–1307. (In Russian)

Deryugin P.P. Cennostny'e osnovaniya solidarnosti rossijskogo obshhestva [The value bases of solidarity of the Russian society]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 55–57. (In Russian)

Fomicheva T.V. Cennostnye osnovaniya pedagogicheskoy deyatel'nosti [The value foundations of pedagogical activity]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 1301. (In Russian)

Fomin D.A., Tanova A.G. Trudovye otnosheniya mezhdru frilanserom i zakazchikom: sociologicheskij analiz bar'erov kommunikacii [Labor relations between a freelancer and a customer: a sociological analysis of communication barriers]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 565–567. (In Russian)

Kashaikina A.A. Vliyanie cifrovyyh tekhnologij na organizaciyu rabochego processa i trudovuyu motivaciyu [The impact of digital technologies on the organization of

the workflow and work motivation]. *Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovaljevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovaljevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 473–476. (In Russian)

Kosilin D.E. *Vozmozhnosti nematerial'nogo stimulirovaniya rabotnikov sfery IT* [The possibilities of non-material incentives for IT workers]. *Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovaljevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovaljevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 478–479. (In Russian)

Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidyayeva T.P. *Prekariat – novyy ugnetenyy klass XXI veka?* [Precariat – the new oppressed class of the XXI century?]. *Filosofiya hozyajstva* [Philosophy of economy]. – 2021. – N 3 (134). – P. 199–213. – DOI: 10.61726/8767.2024.85.98.001 (In Russian)

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. [Book review]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2023a. – Vol. 29, N 1. – P. 177–191. – [Book review]: *Ot prekarnoj zanyatosti k prekarizacii zhizni / pod red. Zh.T. Toshhenko* [From precarious employment to precarization of life / ed. by Zh.T. Toshchenko]. – Moscow: Ves' mir, 2022. – 364 p. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10 (In Russian)

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. *Postkovidnoe obshchestvo v fokuse sociologii: stary'e i novy'e trendy*. (Obzor po itogam XVI Kovaljevskix chtenij) [Post-COVID society in the focus of sociology: old and new trends. (Review of the XVI Kovaljevsky Readings)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 178–188. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.11 (In Russian)

Kozlova M.A., Simonova O.A., Madfes O.N. *Social'nye partnerstva sovremennoj rossijskoj shkoly kak instrument formirovaniya nasyshhennoj obrazovatel'noj sfery i preodoleniya neravenstva* [Social partnerships of modern Russian schools as a tool for forming a saturated educational environment and overcoming inequality]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2024. – Vol. 30, N 1. – P. 143–170. – DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.7 (In Russian)

Martynenko T.S. *Trud i tehnologii iskusstvennogo intellekta: hvatit li raboty na vseh?* [Labor and artificial intelligence technologies: is there enough work for everyone?]. *Rossijskoe obshchestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovaljevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovaljevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 499–501. (In Russian)

Nioradze G.B. Trud pensionerov i gig-ekonomika: prekarizaciya ili novye vozmozhnosti? [Older workers' labor and the gig-economy: precarization or new opportunities?]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2022. – Vol. 28, N 4. – P. 102–117. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9317 (In Russian)

Ostrovskaya E.A. Tradicionny'e religiozny'e cennosti v svete vy'zovov mediatizacii [Traditional religious values in the light of the challenges of mediatization]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 61–65. (In Russian)

Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – 2010 p. (In Russian)

Sizova I.L., Grigorieva I.A. Lomkost' truda i zanyatost' v sovremennom mire [Fragility of labor and employment in the modern world]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2019. – Vol. 25, N 1. – P. 48–71. – DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6279 (In Russian)

Temnitsky A.L. Sootnoshenie terminal'nyh i instrumental'nyh orientacij na trud u rabotayushhego naseleniya Rossii [The ratio of terminal and instrumental orientations to work among the working population of Russia]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2017. – Vol. 23, N 3. – P. 144–162. – DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5368 (In Russian)

Tikhonova N.E. «Negativnaya stabilizaciya» i faktory dinamiki blagosostoyaniya naseleniya v postkrisisnoj Rossii [«Negative stabilization» and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2019. – Vol. 25, N 1. – P. 27–47. – DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6278 (In Russian)

Tsvetkova G.A. Opy't i praktika social'noj mobilizacii Rossiyan [Experience and practice of social mobilization of Russians]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 412–415. (In Russian)

Tsyganova E.M., Nisskaya A.K. Predstavleniya o samostoyatel'nosti roditel'ej detej mladshhego shkol'nogo i mladshhego podrostkovogo vozrasta [Ideas about the independence of parents of children of primary school and early adolescence]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society

***Новые реалии современного российского общества
(Обзор по итогам XVII Ковалевских чтений)***

today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 1985–1986. (In Russian)

Vershinina I.I. Urbanizaciya v Rossii: novye vy`zovy v usloviyah cifrovizacii [Urbanization in Russia: new challenges in the context of digitalization]. *Rossijskoe obshhestvo segodnya: cennosti, instituty, processy: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii XVII Kovalevskie chteniya 16–18 noyabrya 2023 goda* [Russian Society today: values, institutions, processes: materials of the All-Russian Scientific Conference XVII Kovalevsky Readings, November 16–18, 2023]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg State University. – St. Petersburg: Scientia, 2023. – P. 60–61. (In Russian)

Zhidyayeva T.P., Khazov A.Yu. Nauchnaya konferenciya glazami uchastnikov: XV Kovalevskie chteniya (Sankt-Peterburg, SPbGU 25–27 noyabrya 2021 g.) [Scientific conference through the eyes of the participants: XV Kovalevsky readings (St. Petersburg, St. Petersburg state university November 25–27, 2021)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2022. – Vol. 10, N 4 (40). – P. 171–174. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289 (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

РОЙС Дж. ВНЕШНИЙ МИР И СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ (Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: социальное сознание; самосознание; объект; внешний мир; социальный мир; коммуникация (общение); подражание.

Для цитирования: Ройс Дж. Внешний мир и социальное сознание / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 3. – С. 196–213.

Перевод поступил: 10.01.2024.

Принят к публикации: 09.02.2024.

ROYCE J. The external world and the social consciousness (Translated from English)

Keywords: social consciousness; self-consciousness; object; external world; social world; communication (social intercourse); imitation.

For citation: Royce J. The external world and the social consciousness. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 3. – P. 196–213.

¹ Лекция, прочитанная в Философском клубе Принстонского колледжа 2 февраля 1894 г.

Перевод сделан по: *Royce J. The external world and the social consciousness // The philosophical review.* – 1894. – Vol. 3, N 5. – P. 513–545.

Received: 10.01.2024.

Accepted: 09.02.2024.

Вопрос о том, насколько на наши фундаментальные представления о существовании и строении внешнего мира влияют, не только в случайных их чертах, но и в самой их сущности, внушения, которые мы получаем от наших собратьев, – вопрос, представляющий очевидный психологический интерес. За последние два-три года мне довелось прийти к кое-каким суждениям по этому вопросу, которые я и осмелюсь предложить вашему вниманию в этом докладе; сам он, как вскорости прояснится, служит всего лишь введением в несколько более широкую линию исследования. Ведь, как и большинство психологических проблем, эта проблема скоро приводит, если вы честно пустились в это путешествие, к ничуть не менее интересному философскому изысканию. Так что давайте в этом обсуждении коротко очертим область, открывающуюся перед нами, и укажем возможные регионы, в которые мы, если бы позволяло время, могли бы углубиться подалее. Позвольте вначале сказать, что я на самом деле очень мало претендую на оригинальность этого обсуждения. Я собираюсь лишь вынести некоторые известные соображения на свет, который может придать им не неведомую, но, наверное, очень часто пренебрегаемую значимость.

I

Достаточно бросить беглый взгляд на источники нашей информации, чтобы показать, что даже для тех из нас, кто живет в теснейшем и самом насыщенном общении с любого рода естественными фактами, и еще больше, конечно, для тех, кому приходится получать львиную долю своей учености через менее прямые каналы, внешний мир, в который все мы верим, мир дел и развлечений, мир долга и наслаждения, мир звезд и солнечной системы, молекул и протоплазмы, мир истории и геологии, мир искусства и веры, – это в значительной мере мир, определяемый с нашей частной точки зрения как «мир, о котором рассказывают люди». Повторю, лишь в очень ничтожной степени любые из нас способны верифицировать в собственных личностях существование и при-

роду Реальности, в которую все мы верим. Тончайший наблюдатель, терпеливейший исследователь фактов входит в контакт с лишь бесконечно малой частью внешних природных фактов, в чьем существовании он – на социальном основании – оказывается уверенным. Сколь малую часть мира современной химии или биологии индивидуальный исследователь, каким бы преданным собирателем фактов он ни был, верифицирует в своем частном опыте в лаборатории! Для самого прилежного специалиста область его специальности наполнена, стало быть, истинами, которые он считает уже известными и которые, коль скоро его наука раз и навсегда их установила, он не призван лично, разве что по случаю, устанавливать заново путем частного исследования. Если уж в собственном поле работы эта зависимость индивида от работы и сообщений его собратьев столь обширна, то что сказать о тех неизведанных океанах истины, которые располагаются для каждого человека за пределами его области, – океанах, о чьих землях и удивительных чудесах он часто слышит хотя бы фрагментарные отчеты от других людей. Тем не менее именно в этих океанах истины кроется мироздание, внешний мир, каким каждый человек его мыслит, как только задумывается о том, что лежит за пределами его личного кругозора. Ваша вера в существование сейчас или в прошлом Африки, Северного полюса, Юлия Цезаря, закона гравитации, текущих цен на акции железных дорог, молекул, образующих газ, или того, о чем в последнее время судачат в европейской политике, – все такие веры, говорю я, будут показывать, в сколь огромной степени ваш действительный внешний мир даже сейчас не является миром, который вы верифицируете в данный момент своими чувственными восприятиями, – а является, еще раз, «миром, о котором рассказывают люди», миром, для существования которого вы находите подтверждение в более или менее устойчивом согласии своих собратьев.

Давно замечено, что без веры в своих собратьев никто не сможет в этом нашем повседневном мире даже пошевелиться. Тому, кто бескомпромиссно сомневается в данных, открываемых социальным сознанием, не нашлось бы места в нашем человеческом мире. Для каждого человека улицы его города надежно вымощены отчетами о том, что истинно в социальных, правовых, коммерческих, физических, медицинских и моральных вопросах. Выкиньте

содержание всех таких отчетов из мнений предположенного нами скептика, и он не сможет даже высунуться за порог, не погрузившись в болото непокоримых мистерий.

II

Итак, говорю я, действительная зависимость индивида от общества в содержании его представлений о внешнем мире настолько очевидна, что нет нужды здесь дальше ее комментировать. Но хотя преобладание социального элемента в содержании – содержательном наполнении – наших текущих представлений о внешнем мире признают все, вероятно, не все из вас готовы последовать за мной в тезисе, к которому я приду далее. Ибо мой тезис будет теперь относиться не просто к материалу, из которого состоит наш внешний мир, но к самой концепции экстернальности как таковой. Этот тезис гласит, что хотя фактор, доставляемый личной верификацией фактов восприятия посредством частного опыта, играет несомненную и очень важную роль в формировании нашей общей концепции внешней реальности, все же, по крайней мере, весьма вероятно, что социальный фактор играет еще более значительную роль, и не только, как только что было указано, в обеспечении нас пониманием того, какие индивидуальные факты внешний мир содержит, но и в определении самого нашего фундаментального представления о том, что мы имеем в виду под внешним. Таков, говорю я, мой нынешний тезис. Позвольте мне немного его пояснить, прежде чем двигаться дальше.

Я, конечно, не сомневаюсь, что младенец на ранних стадиях своей жизни, до того, как у него развилось социальное сознание, и пока медленно проясняется его перцептивное сознание, получает некоторое представление о чем-то, в чем есть много важных элементов, общих с тем, что вы и я теперь называем нашим внешним миром. Кроме того, я не сомневаюсь, что хищный зверь, являющийся сравнительно несоциальным и все же весьма разумным, не только реагирует, насколько мы замечаем, на наш физический мир, но и некоторым образом сознает эту реакцию как заключающую в себе множество элементов того, что мы с вами называем реальностью внешнего мира. Но при этом я утверждаю, что идея реального внешнего мира – такая, какой обладает младенец в пер-

вые три-четыре месяца своей жизни, или такая, какую может иметь на протяжении всей жизни крайне несоциальное хищное животное, – не должна ни в коем случае смешиваться с той идеей, которой мы с вами с тех пор, как научились свободно общаться со своими собратьями, овладели в отношении значения экстернальности. Младенческая идея экстернальности, осознание несоциальным животным чего-то существующего вне его должны в лучшем случае связываться с нашим наличным понятием экстернальности так, как связана инструментальная музыка с членораздельной речью, – так, например, как связываются птичьи песни из «Шелеста леса» в вагнеровском «Зигфриде» с внятными предостережениями, которые герой позже случайно подслушивает, отведав крови из драконьего сердца и начав понимать языки птиц. Мы часто слышим, что инструментальная музыка наполнена смыслом; но все же, как замечает Лотце, «Die Musik ist kein Denken»¹. Пусть так. Дитя, играющее со своими кулачками в поле зрения или предпринимающее свои первые попытки что-то схватить, и впрямь имеет в виду сделать что-то с тем, что мы называем внешним миром. Но у него еще нет такой мысли об экстернальности, какая есть у нас, и не может быть подобной мысли; ибо наше представление об экстернальности предполагает важнейший элемент, который не может присутствовать в сознании младенца, пока постепенно развивающееся социальное сознание не достигнет решительно продвинутой стадии. И это тот элемент, который доставляется нам нашей вездесущей уверенностью в том, что наш внешний мир существует наряду с нашим частным разумом для других разумов, т.е. для разумов наших собратьев, с которыми мы находимся в социальных отношениях.

III

Рассмотрим какое-то время вместе со мной, сколь много заключено или может оказаться заключено в этой мысли, а именно – что внешние факты по самой их сути являются фактами, существующими наряду с нами для других сознательных существ. Одно сознательное существо может иметь в своем разуме какое угод-

¹ «Музыка – никакое не мышление» (нем.). – Прим. пер.

но содержание, каким бы мимолетным, непередаваемым, невыразимым или безумным оно ни было. Но чтобы оно считало данные факты, представленные в его опыте, существующими также для внешних ему существ, его представления о том, каковы его социальные связи с этими существами, должны неизбежно определять в какой-то мере – и, возможно, очень глубоко – те виды фактов, которые оно может считать таким образом проверяемо объективными и общими по своему характеру. Ведь факты, которые могут быть общими для опыта многих существ, можно отличить от фактов, специфичных для внутренней жизни обособленного индивида, лишь при помощи очень важного критерия, который можно выразить, сказав, что общие, внешние факты должны быть такими, чтобы служить подходящим материалом для социальной коммуникации, для описания, для определенной подражательной характеристики. В качестве примера можно взять случай зрительного восприятия в пространстве: чтобы я был уверен, что вижу то же самое, что видите вы, должен быть какой-нибудь способ, которым вы и я можем согласиться относительно местонахождения объекта нашего общего восприятия. И это, будучи *conditio sine qua non* наших социальных коммуникаций по поводу объектов наших общих чувственных восприятий, может само быть выражено как принцип, определяющий *a priori* природу любых опытов, которые вы и я учимся считать представляющими внешние вещи.

Каждая внешняя вещь должна в любой момент занимать одну точно определимую часть пространства; это простая аксиома, но никоим образом не самоочевидная. Она верна *a priori*, но верна для внешних вещей, не для внутренних. Для внутренней жизни нет никакого противоречия в том, что мы имеем опыт, заключающий в себе элементы пространственного восприятия, но существенно смутный и неясный в отношении этих пространственных его черт. Внутреннее телесное страдание или удовольствие массивного типа может быть смутно локализованным, так что сознанию оно предстает как имеющее (так сказать) некоторый элемент *гдешности* как существенную его часть. И все же на вопрос «Где же оно?» человек может не суметь дать ясный ответ, в котором были бы названы точные границы. Здесь он, конечно, имеет дело с переживанием, которое может иметь очень расплывчатую связь со своей физической причиной. Недавнее обсуждение теорий пространства

в психологии вывело на передний план эти простейшие и неразличимые пространственные переживания, очень очевидные во внутренней жизни, но такие, что в их случае вообще невозможно ответить на четкие вопросы «Где?», «Как велико?» и «Как ограничено?» – вопросы, которые мы задаем с априорной уверенностью и безжалостной строгостью в отношении всего, что претендует быть внешней вещью в пространстве. Телесное повреждение, причиняющее названную выше смутную боль, действительно должно иметь определенный, хотя и недоступный пространственный характер. Сама боль пространственна, но неопределенна. Более того, человек может вполне явно воспринимать пятно в поле зрения – пятно, обусловленное головной болью на нервной почве, – и при этом он может быть уверен, что это пятно имеет для него размер и форму, оставаясь совершенно неспособным субъективно определить, каковы именно эти размер и форма. С помощью периметра¹ он мог бы, конечно, выяснить точный размер и форму дефекта в объективном поле зрения. Тем не менее само пятно, разумеется, осталось бы туманным. Но так как внутренние явления имеют свою сущность в восприятии, то о таких переживаниях следует сказать, что реально неопределимые формы, сущностно неопределенные размеры и места не содержат в себе ничего противоречивого, пока наш внутренний опыт продолжается, поскольку мы постоянно переживаем именно такие внутренние вещи. Зачем тогда мы так твердо априорно настаиваем, что то, что является, стало быть, тривиальным опытом во внутреннем мире, не относится и не может иметь отношения к внешнему миру и к внешним вещам? Ответу так: принцип пространственной определенности относится к внешним вещам всего лишь потому, что точная локализация есть *conditio sine qua non* всякого обращения к другому за верификацией опытов, которые имеем мы сами. Но под внешней вещью мы имеем в виду объект опыта, являющийся или могущий быть общим объектом для сколько угодно многих наблюдателей. Объект, однако, может быть известен как общий лишь постольку, поскольку наши личные опыты этого объекта оказываются при обращении к нашим собратьям верифицируемыми в мере, достаточ-

¹ Имеется в виду прибор, используемый в офтальмологии для анализа поля зрения; также он называется анализатором поля зрения. – *Прим. пер.*

ной для удовлетворения требований нашего социально критичного самообследования на уровне, который этим способом самообследования в обычном случае достигается. Следовательно, поскольку лишь определимо локализуемое в пространстве может быть независимо верифицировано и согласовано некоторым множеством социально коммуницирующих существ, и лишь то, с чем все могут согласиться, может выдержать социальный тест экстернальности, то принцип, согласно которому то, что должно для всех, будучи в пространстве, занимать определенное место и иметь определенные размеры и границы, становится относительно априорным принципом для вещей верифицируемого внешнего мира. Если бы внешние вещи не соответствовали именно таким принципам, то у нас в итоге не оказалось бы достаточных средств для отличия их от вещей внутренних.

Этот случай того, как наша концепция самой природы внешней вещи зависит в некоторых существенных чертах от условий, определяющих наше социальное сознание, можно обильно проиллюстрировать. В книге «Дух современной философии» – в главе «Мир описания и мир оценивания» – я использовал в связи с обсуждением этой темы очень наглядный пример: наши мнения относительно физической реальности радуги. Я вижу радугу и, веря, в силу аналогии между ней и другими видимыми объектами, что вижу внешнюю вещь, показываю вам ее место. Вы смотрите и, очевидно, верифицируете мое наблюдение, поскольку смотрите приблизительно в том же направлении и наблюдаете что-то той же формы, что и описанная мной. Для нас обоих на этой стадии опыта радуга – вполне ощутимый физический объект, ибо до сих пор она выдерживает проверку социального сообщества. Так было в нашем детстве. И так становится снова всякий раз, когда мы скатываемся в некритическую манеру мышления и речи. Радуга встречается с землей в таком-то месте; она так-то и так-то пересекает облака. В отношении этого мы до сих пор, по-видимому, согласны. Но позднее, возможно, мы становимся критичнее, или в каких-то случаях масса водяных капель, из которой появляется радуга, оказывается очень близко от нас, как в случае радуг в горных туманах. И тогда мы обнаруживаем, что на самом деле никто из нас двоих уже не может видеть радугу в точь-в-точь одном и том же месте в соотношении с другими объектами, по поводу кото-

рых мы уже согласились. Когда однажды мы выясняем этот факт, мы приходим к согласию в том, что радуга вообще не может, как она видится, быть реальной физической вещью. Она должна быть видимостью, основанной на физических реалиях, природа которых становится темой для дальнейшего исследования. Здесь, как видите, возможность взаимной верификации нашего пространства – локализаций – используется в относительно априорной манере для проведения различия между внутренними и внешними фактами нашего опыта. Если бы видимая радуга была внешне субстанциальным объектом, то у нее было бы одно и то же верифицируемое место для всех воспринимающих. Поскольку такого у нее нет, то она не может быть субстанциальной внешней вещью.

То, что относится к пространственной локализации, относится и к ряду других существенных характеристик вещей внешнего мира. Внутренний мир есть, по сути, мир опытов, которые могут быть или не быть определенными, но которым, по крайней мере, не нужно быть определяемыми. Внешний мир, насколько он верифицируемо внешний, – это, по сути, мир, на присутствие которого вам может указывать лишь ваш определяемый, коммуницируемый опыт. Вы можете чувствовать смутные, неопишуемые, немислимо абсурдные вещи, по собственной воле или против воли. И все же в своем внутреннем характере эти чувства могут быть столь же неотразимо реальными фактами, как и гранитные горы во внешнем мире. Ибо внутреннее – это, конечно, не нереальное; но его реальность отличается от того, что мы называем внешней реальностью, отличается тем, что внутреннее не подчинено *a priori* никакому принципу определенности, но может быть либо хаосом, либо порядком в зависимости от того, каким вы его найдете. В свою очередь внешний мир как таковой есть по сути определенный мир. Ибо до тех пор, пока вы не нашли его определенным, вы не сможете передать своему собрату – рассчитывая на верификацию с его стороны – определенное его описание. Вещи этого мира, соответственно, мыслятся как имеющие четкие очертания и определенные характеристики. Вы должны придерживаться строгих принципов всякий раз, говоря о его фактах. На разницу внутреннего, с прекрасной и неопределимой приватностью многих его опытов, и внешнего, с сущностной четкостью его очертаний, ясно намекает Браунинг, когда пишет:

Есть, я узнал,
Звезда одна;
Как острый кристалл
Сверкает она.
То брызнет огнем,
То блеснет синевой,
Чтобы люди кругом
Изумились такой
Звезде, горящей огнем, синевой.

То как птица замрет, то свернется цветком;
Пусть другие довольны, Сатурном любуюсь.
Пусть чужая звезда – это мир – что мне в том?
Душу мне подарила моя – и люблю я¹.

«Сатурн», звезда внешнего мира, существует, как вы понимаете, для всех наблюдателей. Это мир с его определенными характеристиками. Звезда внутреннего мира, в свою очередь, имеет право на собственные непередаваемо таинственные любовные расцветки и милые капризы. Какую звезду поэт так аллегорически имел в виду, легко догадаться. Но в любом случае он говорил о контрасте между некоторым объектом в мире внешних, верифицируемых фактов и объектом, известным в душевном мире и через душевный мир. Оба объекта реальны; но один имеет в качестве существенного признака своей экстернальности оттенок публичности, а другой существует лишь для одного человека и, следовательно, свободен быть капризно и неопишимо милым.

IV

Позвольте мне проиллюстрировать эти же принципы на еще одном известном примере. Шарль Ренувье в своей «Логике» придает большой вес «принципу определенности» как априорному принципу, относящемуся ко всему в мире, что принимается как независимо или внешне реальное. *Все, что есть, должно быть*

¹ Стихотворение Роберта Браунинга «Моя звезда» (1855) приводится в переводе В. Давиденковой. – *Прим. пер.*

определенным; этим принципом Ренувье пользуется в своей критике наивного реализма. Он применяет его позже в определении своих воззрений на феноменальный мир. Он пользуется им как основой для своей знаменитой атаки на существование реально бесконечных величин и агрегатов. Бесконечное число было бы сущностно неопределенным числом – числом, которое не является ни n , ни $n + 1$, ни $n - 1$, ни $n \pm r$, где n и r полагаются определенными величинами, пусть и сколь угодно большими. Но сущностно неопределенное, рассуждает Ренувье, не может быть реальным. Заключенная здесь мысль, разумеется, так же стара, как и ответ Аристотеля на парадоксы элеатов.

Итак, не критикуя аргумент Ренувье, как тот его формулирует, давайте применим к рассматриваемому вопросу нашу линию рассуждений. Можно ли число, не являющееся определенным, т.е. не являющееся ни 1, ни 2, ни n , ни $n \pm r$, ни каким-то другим определенным числом, рассматривать как реально воплощенное в действительном мире? Может ли быть во внешнем мире бесчисленное скопление? Разумеется, прежде всего даже сравнительно небольшое конечное множество объектов или событий может предстать как субъективно неопределенное или неисчислимым, когда его представляет в своем сознании существо, которое неспособно его сосчитать или не будет его считать. Воспринимать множества и совокупности как таковые и при этом совершенно не сознавать, каково воспринимаемое число, – обычное дело. Неуловимое изменение на дне кармана может оставаться для сознания человека упорно неисчислимым, пока он просто чувствует, что там что-то есть, и боится сосчитать, дабы не сдерживать свои расходы. Но объективно, как говорится, число наличных монет должно быть определенным, ровно n , ни больше ни меньше. Субъективный опыт как таковой не подчинен, стало быть, закону определенных чисел; а объективный, или внешний опыт – подчинен. Не будь у нас объективных критериев, закон определенности числа никогда не предстал бы нам как необходимый. Создаваемое тяжелым звуком дребезжание часто может ощущаться рукой как субъективно неисчислимым множество последовательных мелких ударов. Пощелкивание храпового механизма в зубчатом колесе, штакетины в заборе, видимые боковым зрением, когда вы быстро проходите мимо, феномены грохочущих звуков и мерцающих огней, потрескивание электрической

искры – все это опыты субъективно неисчислимой, или неопределенной множественности. Но как тогда мы претендуем на априорное, до всяких специальных проверок, знание того, что объективные события, лежащие в основе нашего сознания, должны, если они реальны, быть событиями, чье число само по себе является точно определенным?

Я бы ответил, что здесь, как и везде, принцип определенности внешне реального основывается, по существу, на социальном сознании. Я переживаю через свои чувства любого рода дребезжания, мерцания, потрескивания или громыхания. Пока что вопрос «Должны ли числа быть определенными?» возникает, если вообще возникает, только для того, чтобы быть отвергнутым. В моем чувствовании не присутствует ничего, кроме ощущения смутно бесчисленного множества, заключенного в каждом из этих переживаний. Но я иду дальше. Я говорю: этот мой опыт указывал на какой-то факт, который другие наблюдатели могли бы верифицировать. Верифицировать? Как? Никто другой не может верифицировать мою звезду, если у меня есть только мое невыразимое внутреннее переживание ее прелести. Точно так же никто не сможет верифицировать с какой-либо точностью мое число, если оно *просто* невыразимо неисчислимо. Фактически мой товарищ, стоя рядом со мной, слушая или смотря на эту мерцающую или потрескивающую вещь, может сказать, что он тоже переживает нечто неисчислимо, так же как и я. Но увы! Является ли его неисчислимо число *тем же самым*, что и мое? Кто может это сказать? Мы не можем точно воссоздать данный неопределенный опыт и тем самым перейти к его совместной верификации, пока не сделаем что-то такое, что сделало бы этот опыт определенным. Итак, мы получаем относительно априорно следующие принципы: (1) что мой опыт, как именно мой, действительно может, будучи предоставлен самому себе, быть опытом сущностно неопределенного числа; (2) что ваш опыт, как именно ваш, в равной мере может быть опытом неисчислимого; но (3) что *наш общий опыт*, ровно настолько, насколько он может стать *верифицируемо* общим, должен стать опытом определенного, т.е. точно воспроизводимого и поддающегося передаче числа. Предваряя дальнейшее прояснение, мы, следовательно, говорим, что реально объективное физическое событие, кроющееся здесь, за этим мерцанием или потрескивани-

ем, должно как предполагаемый возможный объект общего, коммуницируемого, социально верифицируемого опыта рассматриваться как уже само по себе определенное в численном отношении, каким бы субъективно смутным оно сейчас ни казалось каждому из нас. Таким образом, именно определение физического мира как мира *наших* возможных и социально коммуницируемых опытов, в отличие от мира *ваших* или *моих* возможных частных опытов, – именно этот принцип социального сознания, заранее определяющий условия, при которых верифицируемо внешнее может быть известно как таковое, – именно это, говорю я, служит основой принципа определенности Ренуве.

И что же следует отсюда касательно внешней реальности бесконечных численных скоплений? Даже читателей-нематематиков вроде меня поразили недавно очень интересные попытки таких людей, как Мориц Кантор в Германии и Чарльз Пирс в нашей стране, определить бесконечные величины и совокупности путем введения нового рода детерминации их природы – детерминации, не зависящей от подсчета. Бесконечная совокупность, с этой точки зрения, – это совокупность, которая может быть доказуемо соотнесена, элемент за элементом, с одной из ее частей – подобно тому, как прямая линия может быть соотнесена путем проекции, точка за точкой, с линией любой другой длины, как бы мала она ни была. С этой точки зрения бесконечная совокупность не может быть сосчитана, но может быть идентифицирована любым наблюдателем ее свойств.

Проблемы, заключенные в современной Теории Функций, привели к этому определению, которое, конечно, у меня нет ни права, ни времени здесь оценивать. Могу сказать, что критерий социальной верифицируемости, как я его здесь определил, позволяет, как мне кажется, принять объективное существование в нашем внешнем мире реально неисчислимых величин и совокупностей и, стало быть, бесконечных совокупностей в случае, если вы можете *так* определить их, чтобы по крайней мере в теории они, возможно, могли бы быть идентифицированы любым, каким угодно, наблюдателем и отличены от любых других объектов. И у Кантора, и у м-ра Чарльза Пирса определение бесконечной совокупности позволяет вам, в теории, не только идентифицировать данную совокупность как соответствующую этому определению,

но и (потенциально, по крайней мере) отличить любую такую бесконечную совокупность от любой другой – при помощи замечательного канторовского символического инструмента *überunendliche Zahlen*¹. С этой точки зрения счет не становился бы единственным теоретически возможным средством для описания совокупностей вашему ближнему, с тем чтобы он мог их верифицировать. Поскольку неисчислимая совокупность уже является субъективно известным опытом, а средства Кантора справляются с общим определением и описанием – в объективно верифицируемых терминах – бесконечных величин, то я не вижу оснований для того, чтобы возражение Ренувье и дальше оставалось в силе. Неисчислимое может все же быть определенным. Как таковое, оно могло бы проявить себя как социально верифицируемое, т.е. как внешний факт.

V

Итак, мы рассмотрели определенное место, параметры и численности объектов внешнего мира. Схожее положение дел мы находим и в реальных движениях этих объектов. Что представляется более аксиоматическим, чем утверждение, что все движущееся должно изменять свое место в некотором определенном направлении и по некоторой определенной траектории? И все же эта мнимая аксиома в действительности неприменима к миру внутренней жизни, если принять в расчет все классы ощущений движения, как они проявляются в нашем опыте. Во внутреннем мире мы можем найти случаи, когда объекты предстают движущимися и все же не кажутся движущимися по какому-то определенному пути, и даже, представляясь движущимися, не кажутся изменяющими свое место. Остаточные образы движения дают нам многочисленные примеры опытов этого парадоксального типа. Посмотрите какое-то время фиксированно на быстро движущуюся ленту или полоску ткани, вытянутую поперек поля зрения и видимую со всей рельефностью, или на вращающийся диск, отмеченный широкой спиральной линией. Потом посмотрите в сторону на покоящиеся объекты. Вы увидите остаточный образ той части по-

¹ Сверхбесконечные числа (нем.) – Прим. пер.

ля зрения, где недавно изобразилось объективное движение. Сам этот остаточный образ будет показывать теневое движение в обратном направлении. Как следствие, части покоящихся объектов в новом поле зрения будут казаться пребывающими в едва заметном движении, по прямой или по кругу, в зависимости от случая. И все же, странно сказать, это субъективное движение в самый момент, когда мы его видим, видится также как не изменяющее и не нарушающее структуру объективного поля зрения или отношения его мнимо движущихся и покоящихся частей. В объективном поле зрения, поскольку ничто реально не движется, не меняются никакие пространственные отношения объектов. Но при этом вы, как вам кажется, видите, несмотря на эту неизменность, вполне очевидного рода движение. Так, в измененном теперь поле зрения вы можете наблюдать, например, объекты *A*, *B* и *C*, существующие как физическая фактичность на прямой линии, и они будут далее оставаться на прямой линии, пока вы смотрите. Но если один из этих объектов, скажем *B*, попадает в ту часть поля зрения, где проявляется остаточный образ движения, то вы на какое-то время увидите *B* движущимся, и все же прямая линия *ABC* будет казаться не нарушенной и не искаженной, хотя *A* и *C* по видимости покоятся, а *B* движется. Этот парадокс, отмеченный Флейшлем в короткой статье в «Wiener Sitzungsberichte» (Bd. 86, 4.1)¹, где, насколько мне известно, впервые было привлечено внимание именно к этому аспекту остаточных образов движения, вызвал у самого Флейшля несколько брюзгливое замечание, что наши ощущения настолько иррациональны, что вообще не подчиняются принципу противоречия. Но не нужно брюзгливости в отношении наших ощущений. В них есть собственное непредсказуемое богатство. Движение без изменения местоположения и без нарушения воспринимаемых пространственных отношений с окружающими объектами не является, как показывают эти эксперименты, ни противоречащим самому себе, ни в каком-либо ином отношении невозможным во внутренней жизни. Но во внешнем мире такие движения оказываются исключенными *a priori*. Почему? Потому что реальное движение, чтобы быть с определенностью верифицированным всеми наблюдателями, должно, прежде чем можно будет пытаться его

¹ Найти точные выходные данные этой статьи не удалось. – Прим. пер.

верифицировать, быть описуемым определенным и общим образом в качестве внешнего события. Но человек описывает или определяет внешнее событие в общих терминах, называя либо его условия, либо его результаты, равно определяемые в терминах пространственных отношений между затронутыми вещами. Верно, что эксперимент с этими субъективными остаточными образами движения может быть описан, подвергнут проверке и тем самым верифицирован многими другими; но чего не может определить ни один из этих наблюдателей, так это того, что реально казалось им происходящим с видимыми внешними объектами и в самих этих объектах в тот момент, когда они таким образом парадоксально казались одновременно движущимися и покоящимися. Ибо эти объекты, например *B*, не меняли каким-либо определенным образом форму, содержание или местоположение. Так что ни один наблюдатель не может указать своему товарищу в терминах предшествующих или последующих пространственных отношений, какое изменение в видимых объектах он имеет в виду, когда говорит, что они кажутся ему движущимися. В переживании остаточных образов движения остается непередаваемое и, следовательно, субъективное «*Errur si tuove*»**. Проведите эксперимент, и увидите. Никто не может воспроизвести событие в этом случае как событие с объектами, которые видятся, таким образом, как одновременно движущиеся и покоящиеся. Этот опыт можно определить только со ссылкой на парадокс. Сумей мы позитивно и в общих терминах определить этот род покоящегося движения, сумей мы сформулировать, что оказывается происходящим с объектами, когда они так беспокойно покоятся, и мы имели бы дело с характеристикой вещи, которая вполне могла бы требовать, чтобы мы назвали ее объективной, если бы только опыт такого характера стал достаточно частым и важным в своих физических связях.

Предположим, что этот род движения без изменения местоположения часто происходил в нашем опыте и проявлялся как связанный определенными способами не с некоторыми из наших остаточных образов, а с теми характеристиками данных вещей, которые мы уже сочли представляющими внешние реалии. Допустим, например, что этот неподвижный род движения проявлялся

** «А все-таки она вертится [букв. движется]» (*ит.*) – Прим. пер.

сразу же в любом теле, которое мы вводили в данное магнитное поле, и сохранялся или менялся определенными способами при определенных условиях. Тогда и в самом деле мы получили бы определение покоящегося движения как события с определенными пространственными и временными отношениями затронутых объектов. Мы сразу сочли бы рассматриваемый феномен, по крайней мере, относительно объективным. Фактически мы даже сейчас считаем этот феномен субъективного движения зависящим от – и, стало быть, индикативным для – действительных физических условий, например условий стимуляции сетчатки или центральной нервной системы. Но почему мы так считаем? Ответу так: любое часто повторяющееся верифицируемое явление связывается со свойствами вещей в нашем внешнем мире ровно постольку, поскольку вы можете определить в общих, т.е. коммуницируемых терминах пространственные и временные условия, при которых рассматриваемое явление может быть произведено и верифицировано. Эти определяемые условия, как оказывается, не относятся в случае этих остаточных образов движения ни к чему, что можно описать как происходящее с объектами *A*, *B* и *C*, чье кажущееся парадоксальным поведение можно лишь ощутить, но нельзя установить в общих терминах. Ибо они не меняют в этом случае ни местоположения, ни формы, ни своих взаимных пространственных отношений как объектов на одной прямой линии, ни своих физических связей с любыми другими экстраорганическими объектами. И все же что-то как будто бы происходит с ними. Что? Итак, кажущееся приблизительно описывается как схожее с тем, что казалось бы случившимся с ними, если бы *B* двигался, вместо того чтобы оставаться – как он и делает – на прямой линии *ABC*. Сверх этого, однако, поскольку *B* несколько не меняет своих пространственных отношений, относительно происходящего в самих объектах ничего сказать нельзя. Пока, следовательно, не произошло никакого определенного события, которое вы смогли бы подвергнуть верификации, за исключением феномена, смутно определенного как по видимости схожего по качеству с движением. Так что вопрос все еще остается: что же произошло во внешнем мире? Нам пришлось бы в полном недоумении сказать, что разве мы не способны определить, в точности как мы уже делали, то, что произошло с сетчаткой глаза, рассматриваемой как физический объект?

Эта сетчатка только что была подвержена какое-то время влиянию видимого и теперь объективно определимого, т.е. верифицируемого реального движения. Она обращена теперь на действительно покоящиеся объекты. То, что видится теперь, следовательно, определимо как остаточный образ; и пока мы действительно имеем дело с объективными событиями во внешнем мире. Остальной опыт действительно субъективен, и кто бы ни пожелал выяснить, что он собой представляет, должен попробовать и увидеть.

Аксиома, что все движущееся должно менять свое местоположение, относится, следовательно, только к внешним физическим движениям, и она относится к ним лишь постольку, поскольку, чтобы быть признанными в качестве внешних, их характеристики должны быть определены как события этого или того-то типа. Если бы кто-то мог рассказать, что происходит, когда вещь предстает движущейся и при этом не меняет местоположения, и это описанное событие подразумевало иные описуемые физические изменения, нежели изменения сетчатки глаза, то обсуждаемый феномен относился бы к физике, а не просто к психологии.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева**

(Окончание следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2024 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 19.12.2024 г.

Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 13,5
Тираж 800 экз.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 11,4
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6